

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/ СЕНТЯБРЬ 2018

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А. И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В. В. КАДЫРОВ

Б. Т. КОЙЧУЕВ

Т. Т. МУРАТАЛИЕВ

С. Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В. И. ШАПОВАЛОВ

На первой обложке – ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, возглавлявший
«ЛК» с 1959 по 1961 год, в своем рабочем кабинете.

Фото Александра Федорова

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

e-mail:alekivanov38@mail.ru

Исполнилось 80 лет
со дня рождения известного
писателя и публициста нашей
страны, Заслуженного деятеля
культуры Кыргызской Республики
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА.

В канун юбилея с
поздравительным словом к нему
обратились его соратники.

Дорогой Александр Иванович!

Мы с удовольствием исполняем почетное и ответственное поручение наших товарищей по творчеству – правления Национального союза писателей Кыргызстана и его Русской секции, Русского ПЕН-центра и Центрально-Азиатского ПЕН-центра, редакционного совета журнала «Дружба народов», редколлегий журналов «Литературный Кыргызстан» и «Русское слово в Кыргызстане» – принести Вам единодушные горячие поздравления в связи с датой, значимой для всей нашей культуры, – Вашим 80-летием.

Ваши жизнь и творчество прозаика и публициста, признанного мастера журналистского цеха принадлежат среднеазиатскому миру – Казахстану, откуда Вы родом, Таджикистану, где росло Ваше мастерство публициста, и, конечно же, Кыргызстану, где Вы окончили университет, где стали авторитетным представителем руководства страны в области СМИ и литературы – заведующим сектором печати, помощником первого секретаря ЦК КП Киргизской ССР, секретарем правления Союза писателей Кыргызстана.

Видный писатель-прозаик в литературном процессе Центральной Азии, Вы – автор 15 книг прозы, среди которых сборники рассказов, повести и романы «Не жди, когда уснут боги», «Маленькое чудо под ногами», «Плыла через залив рыба», «Верхом на облаке», «Знаки судьбы», «Чужой крест» и другие стали классикой русской литературы Кыргызстана и далеко за его пределами. Ваша проза – по-своему уникальное сочетание реалистического и лирического видения мира, единство в Вашем художественном сознании литературного и публици-

стического начал – во многом предопределила художественные искания русской литературы КР начала XXI века.

Третью столетия, с 1984 года, Вы – бессменный главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Литературный Кыргызстан». Под Вашим руководством «ЛК» получил общесоюзное читательское признание и выходил гигантским тиражом 50 тыс. экземпляров, ни разу не приостанавливая свой выпуск, оставаясь и ныне одним из немногих действующих в новой реальности рупоров многонациональной литературы на русском языке. Не оставляя напряженного редакторского труда, Вы в течение десятилетия, с 1988 по 1998 год, были собственным корреспондентом «Литературной газеты». Вы – создатель и руководитель завоевавшего популярность в нашем обществе издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана». За 15 лет издательство выпустило более 20 томов документальных произведений о наших замечательных современниках-кыргызстанцах; автором четырех книг стали Вы сами.

Признанный лидер и организатор литературного процесса, Вы в творческом содружестве с Россотрудничеством инициируете литературные фестивали, проводите семинары писательского мастерства; во многом благодаря Вам в нашей литературе появилась плеяда молодых талантливых литераторов.

Ваша масштабная общественная деятельность направлена на сохранение традиций литературы и культуры в нашем обществе, на сбережение и укрепление роли русского языка как языка международного общения, на воспитание подрастающего поколения в духе толерантности, творческой активности и уважения к общему духовному наследию.

Свой юбилей Вы встречаете подготовкой и выпуском новых номеров «ЛК» и новых книг. И мы, Ваши соратники и читатели, желаем Вам счастья, здоровья и созидательных сил на будущее!

Акбар РЫСКУЛОВ,
Народный поэт КР,
председатель правления НСП Кыргызстана,
Чрезвычайный и Полномочный Посол КР.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ,
Народный поэт КР,
доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии КР.

ПРОЗА

Александр Иванов. Бунт в Центральном сквере. Что было сначала. <i>Рассказы</i>	6
Шоистай Равшан. Твоей души очарование. Коку-одуванчик. Рисунки на снегу. <i>Рассказы</i>	43
Александр Молчанов. Туман. <i>Рассказ</i>	51
Юлия Кулешова. Маскарапоз. <i>Рассказ</i>	69
Олег Бондаренко. Чужая память. <i>Рассказ</i>	77
Артем Хегай. Не своя смерть. <i>Главы из романа</i>	83

ПОЭЗИЯ

Светлана Суслова. Новые стихи	106
Вячеслав Шаповалов. История любви. <i>Стихи</i>	114
Александр Сидорченко. С небес рассыпан день осенний... <i>Стихи</i>	121
Алтынай Иманбекова. А сердце болит и болит... <i>Стихи</i>	125

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Камышев. Сборы. <i>Очерк</i>	131
Александр Зеличенко. Первый дом на родине... Хороший коп. Дуэль убийц. Форменные мошенники. <i>Детективные истории</i>	150

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бахтияр Койчуев. Мой Айтматов. <i>Эссе</i>	166
Людмила Иванова. Здравствуй, племя младое, но знакомое...	173
Георгий Хлыпенко. Художественный мир фантастической прозы Олега Бондаренко	184
Евгений Колесников. Эпистолярное наследие	193
Кратко об авторах	198

ПРОЗА

Александр ИВАНОВ

РАССКАЗЫ

БУНТ В ЦЕНТРАЛЬНОМ СКВЕРЕ

Твердо, чуть расставив ноги, он стоял в срединной части аллеи Центрального сквера, возвышаясь над всеми гуляющими здесь людьми, как Гулливер в стране лилипутов. Странная улыбка – добрая и вместе с тем снисходительная – застыла на его широком скуластом лице. Глаза слегка щурились за стеклами очков в старомодной оправе, придававших ему вид обремененного трудами философа, который вышел на прогулку и, задумавшись, остановился отдохнуть. Остановился ненадолго, а получилось...

Деревья вдоль аллеи были высокие, раскидистые, мощной кроной подпирающие небеса. Он постоянно чувствовал их надежное присутствие и за спиной, и по ту сторону аллеи, куда денно и ночью устремлялся его немигающий взгляд. Они то с щемящей грустью шумели сухой листвой, то застывали в морозном воздухе, покрытые до самых стволов шапками снега, то вызываяще курчавились молодой, сильной зеленью, еще полагающей, что ее существование бессрочно.

Это неотвратимое течение времен внешне никак не сказывалось на нем, Темиркуле Назарбекове. Словно оно, специально исхитрившись, замедлившись, старалось проскользнуть, прошмыгнуть мимо, чтобы не вывести его из того застывшего состояния покоя, в котором он находился. И потому Назарбеков оставался совершенно неизменным, как в первый день, когда оказался здесь, на главной аллее – будто

годами пребывал в дремучем лесу нескончаемого летаргического сна.

Но однажды шторы глубокой дремотности его сознания слегка приоткрылись, еще не склоняя настойчиво к полному пробуждению, а, посылая лишь едва заметный, как предутренний ветерок, сигнал: пора, дескать, приготовиться, пора.

А случилось вот что. Летним сумеречным вечером долго в беспокойстве кружившая над сквером летучая мышь вдруг увидела его и, лихо спикировав, враз прилипла к скату назарбековского плеча. За ней другая, третья... В общем-то, казалось, ничего особенного. Птицы обычно поступали куда беспардонней, принимая не только его плечи, но и голову, да простит меня читатель, за отхожее место. Потом приходил долговязый дворник с метлой, тряпкой и легкой алюминиевой стремянкой и тщательно очищал его от птичьего помета.

У летучих мышей были совсем иные цели и наклонности, лишенные в данном случае низменных инстинктов. От маленьких мохнатеньких комочков исходило странное пульсирующее тепло. Казалось, едва заметными электроволнами они стараются вернуть Назарбекова туда, откуда он давно ушел.

Первое, что ему почему-то вспомнилось, это была огромная приемная перед его кабинетом – с высоченным потолком и многочисленными окнами на восток и запад. Располагалось высшее руководство республики, как и положено, на верхнем этаже трехэтажного здания. Над ним была только металлическая крыша с узеньким покатым чердаком. Там и обитали летучие мыши. Оттуда они отправлялись на охоту за всякой живностью. А самые бойкие, бесшабашные из них, ищущие развлечения, залетали через форточки в приемную, где всегда толпился в ожидании приглашения к первому секретарю ЦК разномастный чиновный люд. Повиснув на гардине или портьере, они настороженно притаивались, высматривая очередную жертву.

Едва кто-нибудь из приглашенных направлялся в сторону заветной двери, как летучие мыши тотчас срывались со своих мест и начинали такие кренделя выписывать перед ним, что бедняге поневоле приходилось то опускать, то поднимать голову. А попросту говоря, кивать. Непокорным доставалось крепче: их лоб украшала ссадина от когтей летучей мыши.

Узнав об этом от своего телохранителя Рашида, Назарбеков тогда был поражен. Выходит, благодаря забавам летучих мышей, заранее, еще в приемной, происходило деление

посетителей на кивальщиков, готовых во всем соглашаться с ним, и негнутиков, способных ему возражать. Хотя, думалось ему, и без этих тварей он прекрасно знал, кто на что горазд.

Конечно, бывали здесь осечки, промахи. Порой ошеломляющие. Как с тем же Касымовым, кивальщиком из кивальщиков, которому он чересчур доверял, всячески поддерживал, продвигал по служебной лестнице и который так жестоко обмишурил, предал его, опорочив, оклеветав на пленуме ЦК. Именно тогда он и был отправлен в отставку.

Понятно, что очищенная искусственно от всяких примесей, в том числе и вредных, жизнь была бы подобна дистиллированной воде – чистой, но совершенно безвкусной. Назарбеков, пожалуй, этого не хотел. Ни тогда, ни сейчас. И все же, и все же... Предательство Касымова вызывало в нем не столько душевную боль, сколько ощущение непреходящей вязкой гадливости. И будь теперь его воля решающей, он бы вымарал, изгнал его со страниц своего былого полностью. Пусть в порядке исключения, но изгнал бы. Это уж точно.

Совсем иначе обстояло дело с другим, действительно важным персонажем в его бурной и длительной жизни на белом свете – Каныбеком Нурматовым, которого он считал сильным, порядочным человеком, хотя тот спорил, конфликтовал с ним отчаянно. Но там все, что потом раздражало, портило жизнь Назарбекова, складывалось по-другому, уже независимо вовсе от самого Нурматова, которого к той поре уже не стало. Впрочем, читатель, об этом чуть позже.

Стоя сбоку аллеи, Назарбеков с удивлением прислушивался к едва уловимому шуршанию собственных мыслей, словно проходящих сквозь камышовые заросли, и не мог уразуметь, что с ним творится... Да и вообще, к чему бы все это?

Откуда было знать ему, привыкшему годами быть своего рода истуканом, что нежданно-негаданно наступал теперь короткий временной момент, когда его дух, витавший доселе в небесах, вселяется в его гранитное тело. Оно становится одушевленным, и появляется возможность мыслить, хоть как-то реагировать на увиденное и услышанное, пытаться хоть что-то изменить в пределах ограниченного пространства, в коем он находился.

Итак, Назарбеков постепенно возвращался из небытия, в нем пробуждалось ощущение реального мира. И даже свое-

го присутствия в нем. Он видел и слышал все, что творилось вокруг.

По аллее, широко шагая и опираясь на резную палку, шел сухощавый старик в надвинутой на лоб широкополой фетровой шляпе, из-под которой выбивались густые седые волосы. Рядом даedal короткими ножками и с любопытством поглядывал по сторонам его внук лет семи. Когда они оказались возле гранитного Назарбекова, мальчуган потянул старика за рукав легкой фланелевой куртки:

– Деда, а кто это? Почему его здесь поставили?

– Ты же сам можешь читать, вот и прочти там, снизу, – кивком головы дед показал ему на постамент, где была выбита надпись.

– Темиркул Назарбеков, – запинаясь, прочитал внук. – А кто это, кто? – И снова вопросительно уставился на деда.

– А, вот ты о чем. Дай вспомню, – тот сосредоточенно сдвинул брови. – Ага, когда-то он был первым секретарем ЦК. Руководил всей республикой. Как нынче президент. Только руль он держал крепко, умело. Какие были заводы, фабрики! А стройки... По значимости не чета нынешним. Всяко о нем в ту пору судачили. На всех, Витек, не угодишь. Но то, что мужик был работающим и вперед смотрел, это уж точно.

Слушая старика, Назарбеков расчувствовался, в горле у него запершило, и он негромко кашлянул. Никто не обратил на это внимания. Кроме прилепившихся к нему летучих мышей, которые приняли его внезапный кашель за неудовольствие и призыв к действию. Ринувшись сверху на старика, они стали хаотично летать, метаться перед ним, чтобы вынудить его на кивки. Но не тут-то было. Старик так быстро и ловко завращал своей резной палкой над головой, словно включились при взлете лопасти вертолета, и летучие мыши испуганно кинулись от него врассыпную. Одной из них, самой настырной, от когтей которой его спасла только шляпа, не удалось увернуться, и ее отбросило далеко от аллеи, в глухие кусты самшита и можжевельника. Победно взмахнув напоследок палкой, он вместе с внуком удалился восвояси.

Действие летучих мышей всерьез огорчило Назарбекова. Он был бы не прочь подольше послушать старика, уж больно здраво тот рассуждает, но эти бестолковые твари... Зря Рашид уверял, будто они обладают повышенной чувствительностью и способны с невероятной точностью выявлять отношение к нему людей. Со стариком они явно промахнулись.

В тот теплый июньский вечер прохожие медленно текли и текли мимо Назарбекова. Почти как, бывало, демонстранты мимо трибуны, когда он принимал какой-нибудь праздничный парад. Масштаб, правда, был другой, да и внимания на него почти никто не обращал. Лишь доносилось иногда осуждающее: «Понаставили тут памятников вместо скамеек, присесть, отдохнуть негде». Или: «Сколько денег вбухали в этих гранитных истуканов, которых и знать-то, наверное, никто не знает». Или: «Центральный сквер превратился в настоящий пантеон. Если так будет продолжаться, то скоро второй ряд подобных фигур появится»...

Назарбеков вспомнил, что в свое время, уже далеко после отставки, когда первый президент республики завел речь об увековечении памяти выдающихся, наиболее достойных руководителей, немало сделавших для блага своего народа, он сам предложил устанавливать им памятники по бокам главной аллеи Центрального сквера. Но мог ли он тогда предугадать, что это примет чуть ли не массовый характер? Ему казалось: ну, два, от силы три памятника самым-самым – и все! Чего греха таить, среди них Назарбеков вполне понятно имел в виду и себя. И далеко не в последнюю очередь. А что, разве он был не прав? По сроку его правления республикой и вкладу в ее развитие ему не было равных. А предложение родилось по простой и легко уловимой причине. Все сильнее, острее подпирал возраст. Пора было думать не только о душе, но и о том, чтобы люди, сталкиваясь поневоле с твоим скульптурным изображением, добрым словом поминали тебя. Ведь известно утешительное: человек на том свете чувствует себя куда лучше, если на этом его не предали забвению.

И в дурном сне тогда бы ему бы не померещились те, походя брошенные прохожими, реплики, которые в этот вечер до него долетели. Обижался ли он? Пожалуй, нет. Скорее недоумевал. Как же так получилось? По старой укоренившейся привычке хотелось разобраться и наказать виновных. Однако пришлось лишь горько усмехнуться. Власть живых куда сильнее власти ушедших, мертвых. Затосковал Назарбеков, зато сковал...

А тут еще и Автор пожаловал. Вот уж кого Назарбеков не ожидал увидеть, так это его. Сколько лет промчалось со времени их первой и последней встречи? Наверное, более тридцати. Ох, и постарел он, постарел... Скулы заострились,

морщины побежали по щекам. Но держится молодцом, идет не прищаркивая, зорко взглядывает по сторонам, будто ищет чего-то.

Сочиненная им в конце восьмидесятых повесть вызвала бурное обсуждение в обществе. Для Назарбекова она стала полной неожиданностью. Конечно, Автор попытался заслониться стандартной фразой, предваряющей повесть: дескать, факты, герои в ней вымышленные, а совпадение отдельных событий, фамилий, имен случайное. Но ведь даже идиоту, полагал Назарбеков, было ясно, кто там на самом деле главный герой, творец человеческих судеб и драматических событий.

Когда только повесть появилась в литературном журнале, сам он, прогуливаясь как-то неподалеку от редакции, увидел Автора, подозвал его к себе и спросил напрямик, не его ли тот изобразил в роли первого секретаря ЦК, изменив только имя и отчество? Автор, застигнутый врасплох, помялся, скосив серые глаза в сторону и нервно потирая руки.

— Нет, конечно, не вас, — наконец ответил он сбивчиво, будто оправдываясь. Хоть Первый уже и бывший, а все-таки... Власть над людьми крепко въедается в характер и не теряется сразу с потерей высокого поста. Умение повелевать в Назарбекове еще не иссякло. Автор чувствовал это на себе. — В преамбуле моей повести, — продолжал он, — на сей счет все четко обозначено. Я специально это сделал, чтобы не было никаких кривотолков, чтобы никто не путал вымышленных героев с существующими людьми. А то, что некоторые эпизоды, штрихи реальности из окружающей вас жизни привнесены в повествование, так это же для литературы штука обычная. Вы это и сами прекрасно знаете.

— Знать-то знаю, — пожевав губами, сказал Назарбеков, — но одно дело, когда в каком-нибудь произведении кто-то другой является прототипом героя, и совсем иное, когда это касается лично тебя. Во всяком случае, некоторые товарищи говорят, что в твоей повести именно я фигурирую в таком качестве. Слишком густы совпадения, причем в главном, чтобы верилось в их случайность. Все помнят, скажем, события, связанные с убийством Нурматова, и в какие одежды их не ряди, что там вокруг них не накручивай, они воспринимаются как явь.

— Ну и что? Отношение к любому факту, даже самому бесспорному, зависит от угла зрения, от ассоциаций, которые

рождаются в головах разных людей, – возразил Автор. Возбуждение, возникшее от внезапности встречи, уже погасло, он успокоился и больше не выглядел растерянным. – Уверяю, своего героя я лепил вовсе не с вас, лепил по наитию, исходя из того, как может, как должен вести себя человек вашего ранга в предложенных жизнью обстоятельствах. Вот и все. Зачастую поступки людей лишены логики, в повести же я старался этого избегать. И если мой герой в чем-то и схож с вами, то это объясняется не преднамеренным копированием, а, как я уже говорил, чистой воды совпадением. Стоит ли на это обращать внимание?

Назарбеков славился своей выдержкой. Его трудно было вывести из себя. «Скорей воды горной реки выйдут из крутых берегов, чем наш Первый рассердится, накричит на кого-то», – говорили его сослуживцы. Мало кто при этом знал, какие бури в нем порой бушевали. Вот и тут волна раздражения замутила кровь. Что этот Автор из себя корчит, что он себе позволяет? Общими фразами думает отделаться? Придуривается он или не понимает, насколько затронутые в повести острые темы об убийстве Нурматова, о предательском выступлении на пленуме Касымова, которые напрямую стыкуются с реалиями, насколько все это значимо для репутации, престижа Назарбекова.

– Как там у Гамлета? Все слова, слова, слова... Давай честно и по существу. – Голос Назарбекова ровен и тих, но зрачки сузившихся глаз за стеклами очков раскалены. – Считаешь ли ты, будто это я замыслил убийство Нурматова?

Автор в недоумении покачал головой. Вопрос показался ему странным и диким.

– Простите, но это какой-то бред. Почему и зачем я вдруг могу так считать? На каком основании? Проведено расследование группой профессионалов высочайшего класса из КГБ СССР, назван убийца, раскрыты мотивы, толкнувшие его на преступление. Выводы следствия, на мой взгляд, безупречные, опубликованы в газетах. На каком основании я должен подвергать их сомнению? Искать вашу причастность к этому просто глупо.

– Допустим. Надеюсь, ты искренен. – Взгляд Назарбекова слегка смягчился. Он вздохнул, пожевал губами. – Почему же в повести ты не написал так же прямо и конкретно, как говоришь сейчас? Там сплошной туман. Можно и так истолковы-

вать, и эдак. Неясность, расплывчатость порождают сплетни. Они, словно паутина, опутывают, липнут ко мне.

— О господи, а я-то тут причем? Повторяю: моя повесть вовсе не о вас. Ее герой — плод художественного вымысла. По законам жанра в ней не следует делать однозначного вывода ни по поступкам героя, ни по совершенным в период его правления преступлениям. Я даю только объективную картину, ставлю не точку, а многоточие, дальше пусть читатели сами судят, кто прав, а кто виновен. Тем более что определенный следствием убийца так и не был опрошен. Его нашли повешенным в туалете поезда.

Неожиданно Назарбеков зашел с другой стороны.

— Будь я по-прежнему первым секретарем ЦК, ты написал бы эту повесть?

— Скорее нет, чем да.

— Вот видишь! — обрадовался Назарбеков. — Все вы трусоваты, все вы боитесь идти поперек тех, у кого власть. Зато потом...

— Вы меня не так поняли, — прервал его Автор. — Ее бы попросту цензура забодала. Костями бы легла, но забодала. А писать в стол я не привык. Это только великие могут себе позволить. Хотя... — он сделал паузу, мучаясь в сомнениях, — может быть, все-таки начал писать, а потом бросил. И продолжил бы писать урывками, медленно — так самолет на бреющем полете с трудом старается дотянуть до аэродрома... Но это все из области предположений. Мне сейчас в голову другая мысль пришла. Знаете какая?

— Вряд ли что-нибудь интересное для меня, — промолвил Назарбеков, деланно зевая.

— И все-таки, пожалуйста, послушайте. После выхода повести ваши мнимые друзья специально стали вас подзуживать, утверждая, будто вы, как прототип главного героя, публично обвиняетесь во всех грехах, им совершенных. Тем самым они поселяют в вашей душе комплекс несуществующей вины. И поневоле вам кажется, что множество людей, прочитавших повесть, при встрече с подозрением поглядывают в вашу сторону. Таким образом, увы, легче всего выбить человека из седла, погрузить в депрессию и отвлечь от каких-то важных дел, которые ему предстоит совершить.

— Какие у меня могут теперь быть важные дела? — грустно усмехнулся Назарбеков. — Я персональный пенсионер, напроць отстраненный от всего, чем занимался десятки лет.

Но Автор продолжал настаивать на своем.

— У вас же отец и мать — долгожители. Сейчас что? Пора быстрых и непредсказуемых перемен. Вам еще наверняка предстоит о-го-го сколько всего...

— Вот именно — о-го-го! — Назарбеков досадливо поморщился, махнул рукой и пошел было прочь, но приостановился и негромко сказал:

— Ты вот что все-таки учти. У нас хватает горячих голов, готовых служить черт знает кому. Моим врагам в том числе. Я чего боюсь. Возьмут и укокошат тебя. Чтобы тем самым и меня подставить. Мотив, мол, у Назарбекова есть. Вон как он в повести показан. И тут же дело Нурматова вытащат, сюда же присовокупят. В общем, — он сделал паузу, чувствуя, сколь неэтикетно, нехорошо все это звучит из его уст. — В общем, было бы лучше, если бы ты уехал. Хотя бы на какое-то время. — Повернулся и, как-то враз ссутулившись, уменьшившись в росте, отправился дальше по намеченному прогулочному маршруту.

Воскресив в памяти тот разговор тридцати с лишним лет давности, Назарбеков подумал, что тогда Автор, в сущности, оказался прав: Бог дал ему здоровья еще на многие-многие годы. И он не тратил их зря, не отсиживался на задворках. Какое-то время выждал, пока те, кто свергали его с поста Первого, ни сошли с арены. А потом опять напористо шагнул в политику. То депутатом республиканского парламента двух созывов, то губернатором, то советником первого президента. Что скрывать, опыт позволял, трудился он на совесть. Внешне все складывалось очень даже неплохо. К нему прислушивались, с его мнением считались. А как же! Аксакал все-таки. Однако когда он оставался наедине с собой, прошлое мучило, давило его. Наветы, связанные с убийством Нурматова, клевета на него Касымова... Нет-нет да кто-нибудь исподтишка — слухом ли, а порой и через газетенку — давал знать, что это все еще не забыто...

Пути их с Касымовым не пересекались: тот работал послом сначала в Сирии, потом в Египте.

Но старость, в конце концов, одолела Назарбекова. И вот он находится здесь, созданный скульптором по образу и подобию бывшего Первого.

Меж тем Автор, поймав его гранитную фигуру ищущим взглядом, направился к нему. Он сам долгое время был в отъезде, жил в другой стране, и вот теперь, вернувшись, обходил знакомые места, обнаруживал неожиданные и ожидаемые перемены, и лицо его то окрашивалось неяркой радостью, то окутывалось вуалью щемящей грусти.

Но когда он ступил на главную аллею Центрального сквера столицы, то замер, пораженный, в удивлении озираясь вокруг. Обе стороны аллеи были заполнены однообразными скульптурами почивших руководителей партийных и советских органов республики. Построенные в шеренги, они напоминали новобранцев преклонного возраста, еще не успевших скинуть гражданскую одежду. Кое-кого он легко угадывал по характерному выражению вытесанных из гранита лиц, чьи-то дела ему вспоминались лишь по указанным на постаментах именам, а о ком-то даже для него, старожила, ни лицо, ни имя ничего не говорили.

Солнце отцвело, погасло, и тихие сумерки легли на опустевший сквер. Но в воздухе еще мелькали едва уловимые, последние тени ушедшего дня. Автор стоял подле Назарбекова и, запрокинув голову, всматривался в гранитное спокойствие его безмятежного лица. Оно было совсем другим, чем в ту далекую случайную встречу, когда суета житейских страстей невольно – пусть скупой и сдержанно – отражалась на нем. Гранит, пожалуй, лучший консервант, в нем Назарбеков пребудет вечно, не обременяясь никакими заботами, подумал Автор, испытывая некую смесь разноречивых чувств – сожаления, удовлетворенности и печали.

– Рад твоему появлению, – услышал он вдруг густой, хрипловатый голос, как будто бы выходящий из горловины узкого скалистого ущелья. – Подойди-ка поближе.

Автор остолбенел. «Может, меня кто-то разыгрывает?» – мелькнула первая мысль. Но вокруг, сколько он ни всматривался, никого не было. Вспыхнувшие уличные фонари оттеснили нависшую тьму в мрачноватую глубь кустарниковых зарослей.

– Давай поприветствуемся, – опять тот же хрипловатый голос, в котором едва заметно подрагивал осколочный смех. – Каменная рука со скрипом отсоединилась от тела и медленно потянулась к Автору.

Он инстинктивно попятился назад, бормоча первое, что почему-то пришло ему в голову: «Вы не Каменный гость, а я

не Дон Жуан, Вы не Каменный гость, а я не Дон Жуан»... Возникшая внезапно эта литературная ассоциация втемяшилась в сознание. Сразу он взмок, лоб покрыла испарина. Ему казалось, что каменная рука с растопыренными пальцами, словно голова разинувшего пасть громадного удава, все тянется и тянется к нему. Хотя Назарбеков уже стоял в прежней позе, опустив руку и поглядывая на него сверху вниз. При этом он и как-то странно посмеивался – будто перекатывал камешки в гранитном рту.

– Вижу, что ты удивлен, – рокотал его голос. – Очень даже понимаю. Для меня самого это так необычно! Точно пробудился от летаргического сна. Впервые с тех пор, как очутился в этом сквере.

Автор довольно быстро пришел в себя. Картина повторяется, подумалось ему. И при первой встрече с Назарбековым он сначала пребывал в смятении, и теперь. Ох, эти властные натуры! Снятые со своих постов и даже облаченные в камень они, однако, могут вызывать страх. Тем более в момент пробуждения.

Он как-то читал интернетовское сообщение о том, что в Смоленске дежуривший ночью полицейский наряд столкнулся со статуей Сталина. Усатый вождь в военном кителе, со звездой Героя и неизменной курительной трубкой прогуливался по городу и попросил у них табаку. Все пятеро упали замертво. А шестой, который и рассказал об этом, вскоре сошел с ума.

Автору подобное вроде бы не грозило, но все-таки... Впрочем, пора было и ему вступать в разговор.

– А как вообще-то там? – любопытствовал он, неопределенно мотнув головой в небесную темь, усыпанную, как монетами, серебряной звездной мелочью. Нечасто доводится беседовать с теми, кому повезло вернуться оттуда.

– Где? – переспросил Назарбеков.

– На том свете.

– А-а-а... Не помню. Память об этом полностью стерта. Осталось ощущение легкости и чистоты. Будто побывал в хорошо натопленной бане с дубовым венчиком. Зато все, что когда-то было здесь, в этом мире, помнится отчетливо. Вот и тебя, как видишь, узнал. Хотя ты очень даже изменился...

– Сердитесь на меня? В прошлый раз на клочья готовы были разорвать.

– Из-за твоей повести, что ли? Ерунда все это. Короткой

вспышкой все во мне и обошлось. Я потом еще не раз ее просматривал. Художественного вымысла в ней гораздо больше, чем каких-то реальных совпадений. — Желтоватый свет фонаря падал сбоку на голову Назарбекова, и в гранитной глазнице яичным желтком отливал его глаз. Большой рот в обрамлении жестких губ слегка приоткрыт. Оттуда доносятся рокочущие звуки, которые плотно ложатся в слова. — Предательство — вот единственное, чему нет прощения. И срока давности нет. С годами гнев тяжелеет, словно катящийся с горы снежный ком. Когда из вражеского стана воины переходили на сторону Чингисхана, то по приказу этого жестокого и мудрого полководца им ломали хребты. А у нас радуются, забывая: предавший одного, предаст и другого.

Назарбеков замолчал, утомившись то ли длительным своим монологом, то ли мучавшими его до сих пор воспоминаниями. Во всяком случае, Автору так показалось. Вряд ли он нуждался в расшифровке того, о чем говорил бывший Первый. Имена людей, которые предали, оклеветали Назарбекова, были хорошо ему известны. Судьба их не пощадила. Тот же Касымов неизлечимо болен, второй год находится в коме. Но надо ли рассказывать ему об этом? Разве можно таким образом повлиять на ход его мыслей, неизменный, как вращение Земли вокруг солнца?

Кроме того, хотелось ему также возразить бывшему Первому: а не в умении ли разглядеть, угадать суть людей, находящихся рядом, заключается важнейшая способность руководителя? Слепота одних порождает предательство других. В то время как прозорливость пресекает это, позволяет предупредить беду. Можно сколько угодно презирать Иуду и Брута. И это справедливо. Но как же случилось, что Христос и Цезарь доверились им, не разглядели то, что надобно было разглядеть? Или все затмила их излишняя, а может, мнимая преданность?.. Но затмевает лишь то, что нравится...

Впрочем, возвышающаяся над Автором гранитная фигура не располагала к дискуссии.

После паузы он поинтересовался, что же Назарбеков собирается делать дальше? Неужели по-прежнему будет просто стоять, созерцая окружающее пространство, как и до своего пробуждения?

И тут статуя шевельнулась. Подобно месяцами прикованному к постели больному, которому позволили наконец

подняться с кровати. Сначала боязливо, осторожно, затем все уверенней и уверенней. Еще немного – и Назарбеков сошел с постамента. Теперь он уже был не так высок, как прежде, и смотревшему на него Автору можно было слегка расслабить затекающую от напряжения шею.

– Пройдусь по аллее, – раздумчиво произнес Назарбеков. – Все-таки любопытно, с кем же рядом меня поставили?... Ага, с Нурматовым... Что ж, неплохое соседство. – И было не понять, искренне это было сказано или с иронией.

Шагая, он не сгибал колени. Как часовые, сдающие свой пост. Звуки его шагов гулко отдавались в тишине. Он остановился возле Нурматова. Находясь на постаменте, тот смотрел поверх его головы. Туча летучих мышей, собравшихся невесть откуда, облепила скульптуру бывшего первого секретаря столичного горкома партии и помогла ему спуститься на землю. Да он и не сопротивлялся.

Теперь они стояли на аллее лицом к лицу, Назарбеков и Нурматов, и как-то буднично оглядывали друг друга, будто расстались только вчера. Может быть, совсем другое измерение времени у тех, кто уже находился под крылом вечности и для кого возврат в реальность – лишь краткая командировка? Нурматов был убит ночью в своей спальне, когда Советский Союз еще мнился нерушимым. Назарбеков отдал Богу душу гораздо позже, в постсоветскую эпоху. При жизни они не были друзьями. Но и врагами тоже никогда не были. Оба искренне болели за республику, ее столицу. Просто у каждого из них было свое понимание того, что надо делать в тот или иной период прежде всего. Порой стычки меж ними случались жесткие. Атмосфера в кабинете накалялась так, что сидевшие в приемной посетители, испуганно косясь на двойные двери, втягивали головы в плечи, словно антенны приемников, и замирали невидимками в глубоких, обитых бархатом креслах.

Летучие мыши уже оставляли метки на смуглом выпуклом лбу Нурматова. Но ничто не могло заставить его стать «кивальщиком» – кивать перед входом в кабинет Первого. В то время, предшествовавшее его убийству, он спорил с Назарбековым по поводу сооружения дворцов в центре столицы, куда собирались переехать из своих зданий чиновничьи службы ЦК партии, правительства, а также ряда министерств республики. Для расчистки площадей под строительство сносились добротные жилые дома. Хотя жилья в городе катастрофически не хватало. И Нурматов яростно противился этому.

— Тысячи семей ютятся где попало, а вы дворцы возводите. Из-за вас людям стыдно в глаза смотреть! — возмущался он.

— А ты и не смотри, если объяснить не можешь, почему это делается, — усмехался Назарбеков. Он прекрасно знал, что последнее слово в любом споре всегда будет за ним, а потому оставался спокоен даже тогда, когда его оппонент в запальчивости переступал дозволенную черту. — Грош нам цена, если мы застрянем на удовлетворении сегодняшних потребностей обывателей. Потомки нам этого не простят. Центр столицы должен радовать глаз дворцами, фонтанами, великолепными музеями. А эти жалкие двухэтажки... — и он, махнув рукой, прекращал разговор.

Однако Нурматов приходил к нему снова и снова. То с ворохом писем трудящихся, которые выражали возмущение сносом благоустроенных домов, то объявлял, что сам отправится в Кремль и докажет, насколько вредна в нынешних условиях затея Назарбекова. Он думал, что Первый разгневается, накричит на него. Но тот тихонько, с ехидцей спросил: «А ты лучше поинтересуйся у них, каково было в Москве с жильем, когда они свой Кремль строили?» И обезоруживающе улыбнулся, да так широко, что чуть очки с носа не съехали.

В конце концов, он посоветовал Нурматову взять отпуск, поехать в Приозерье и подлечить на тамошнем курорте нервы. И уже оттуда, издалека, без суеты, взглянуть на всю эту ситуацию.

Тогда-то и случилась беда. В первую же курортную ночь Нурматов был застрелен в своей спальне из карабина «Белка» выстрелом в висок.

Вскоре до Назарбекова стали доползать, доноситься слухи, будто таким образом он избавился от конкурента, набравшего очки популярности среди населения республики. Эти слухи не удалось полностью заглушить даже после того, как вызванная им авторитетная комиссия из КГБ СССР определила, что убийцей был местный житель Приозерья, некто Шмагин, который свихнулся на почве всякого рода житейских неудач. В своем дневнике он почему-то обвинял во всем высокое начальство и обещал жестоко поквитаться с ним. Совершенно случайно жертвой его и стал Нурматов. Хотя, как показало следствие, на его месте мог оказаться любой представитель власти, поселившийся в ту ночь в правительственном корпусе санатория.

И вот они, мертвые, ставшие вдруг живыми, сошлись на главной аллее Центрального сквера столицы, под звездным мерцанием летнего неба, сошлись, не зная, не ведая, какой для этого отпущен им срок.

– Привет, Исмаил, – сказал Назарбеков, протягивая руку в гранитной оправе. Раздался резкий щелчок, как хоккейной клюшкой по шайбе, – это их руки коротко коснулись друг друга.

– Давненько не виделись, Темиркул Назарович. Вам это одеяние, этот светло-коричневый цвет к лицу, – заметил Нурматов с легкой иронией, угадываемой даже при каменном обрамлении его рта. – И покрой пиджака классический, на века рассчитан.

Назарбеков пропустил иронию мимо ушей. Сейчас он получит прямой ответ на мучивший его многие годы вопрос. Из первых, так сказать, уст. Хорошо, что Автор пока не ушел, уселся неподалеку на скамье, наблюдает за происходящим. Он поможет окончательно похоронить те гнусные домыслы, которые до сих пор таят в себе пожелтевшие печатные публикации прежних лет. Уж кто-кто, а Нурматов предельно точно знает, что действительно случилось той роковой ночью и кто повинен в его смерти.

– Скажи мне, Каныбек, только всю правду скажи. Это для меня очень важно. Ты же наверняка видел своего убийцу, он в шаге от тебя находился. Каков он был? Опиши его. Совпадет ли твоё описание с портретом того, кто следствием признан убийцей?

Нурматов хотел было пожать плечами, но у него ничего не получилось: этот жест, наверное, не был предусмотрен вавшим его скульптором.

– Как я мог видеть? – удивился он. – Понимаете, я же спал. Крепко спал. Никто меня даже не пытался разбудить. Ни единым звуком или толчком. Просто в одно мгновение все живое во мне было отключено, как свет в комнате, и я отправился в мир иной, который вам, судя по всему, уже тоже знаком.

Назарбеков оказался не готов к такому ответу.

– Ну, допустим, – помедлив, сказал он. – Так получилось, что своего убийцу ты невольно проспал. Ну, а те, кто стоял за ним, использовал его для этого преступления? Неужели у тебя не возникало раньше никаких подозрений? Если гончий пес преследует медведя, то косолапый, конечно же, догадывается, что по пятам за ним идет охотник.

– Какие подозрения? При чем тут охотник? Не понимаю, зачем весь этот разговор?

– Хорошо, я объясню. При жизни вокруг меня змеились слухи, будто в Кремле прочили на мое место Нурматова, то есть тебя, и мне, дескать, именно мне, было выгодно его убрать... Тем более что мы с тобой частенько спорили...

– Дурь какая-то...

– Слушай дальше. Следствие вели лучшие сыщики КГБ СССР. Нашли орудие убийства, а потом вычислили и самого убийцу. Написанные им дневники подтверждают: он клялся отомстить высокому начальству за свою испоганенную бедностью, бытовыми неурядицами жизнь. Но перед тем как его поймать, он успел повеситься. Улизнул, так сказать, от допроса. По тем же слухам выходило, будто я убрал убийцу, чтобы он не раскрыл заказчика, то есть меня, Назарбекова. Казалось бы, у следствия и суда единое мнение, доказательства железные: есть факт преступления, вот конкретный убийца. А слухи...

– Так было всегда! – нетерпеливо воскликнул Нурматов. – Люди верят в то, во что хотят верить. Никакая правда не утолит жажду их любопытства. Им нужна высокая интрига. А она тем выше, чем выше власть. Почему трагедии Шекспира перешагнули века? Да потому, что безумное напряжение, жесточайшие конфликты, которые описаны в них, творятся на самом верху. Король Лир, принц датский, леди Макбет... Будь Джульетта безродной дояркой, а Ромео слесарем пятого разряда, разве происходящее на сцене подняло бы такой шквал чувств? Причем зрителей разных стран и эпох. Вот и в случае с моим убийством пишущая братия, видимо, постаралась раздуть пожар, поднять шкалу интриги до самого верха, какой в нашем случае был возможен. Но Шекспира среди пишущих явно не оказалось. Видимо, еще и потому, что все это вранье.

Автор сидел на скамейке, еще не вытесненной статуями, на противоположной стороне аллеи. Ему было интересно, чем же все это необычное действие закончится. Сейчас, в раздробленном облаками лунном свете, фигуры этих двоих, Назарбекова и Нурматова, своей громоздкостью и неповоротливостью напоминали фигуры космонавтов, облаченных в скафандры. В самом их поведении чудилась какая-то странная смесь реального и неземного, потустороннего. Все, о чем они говорили, Автор угадывал без особого труда. Хотя звуки,

проходя сквозь лабиринты гранитных гортаней, частенько искажались. Выручала привычная для этих людей стилистика речи, которая почти не изменилась с тех пор, как они покинули земные кабинеты власти. Да и обращались они друг к другу с учетом прежнего возраста и положения. К тому же для верности Автор воспользовался смартфоном, который почти всегда, как расческу или носовой платок, носил в кармане.

У него, правда, возникало ощущение оскотины от застенчивости Назарбекова на тему убийства Нурматова и витавших вокруг этого слухов. Столько времени прошло, никаких официальных подозрений и обвинений в его адрес даже после отставки ни разу не прозвучало, и чего он топчется на одном месте? А все эти намеки, предположения в прессе уже давно превратились в пепел.

Меж тем Назарбеков, придвинувшись чуть ли не вплотную к Нурматову, заговорил о том, что еще при жизни мысленно искал его в небесах, хотел узнать, не затаил ли он на него обиду и что думает по поводу убийства. Увы, теперь оказалось, что никаких новых сведений нет. Как жаль! А что касается Шекспира... Любые объяснения причин, породивших ложные домыслы, клевету, не облегчат ношу того, кто стал их жертвой. К тому же мало быть чистым перед собой и Богом, надо остаться чистым и перед людьми, живущими после нас. Обычно тем, кто отправился на небо, плевать, какие мнения об их поступках блуждают на земле. А мне отнюдь не все равно. Поэтому я ищу любую зацепку, чтобы выявить истину, хотя, быть может, она многим и не нужна. Здесь, на мой взгляд, нет срока давности. В связи с этим мне даже теперь важно знать, почему ты напрочь отвергаешь саму возможность моего участия в твоей гибели?

Судя по всему, вопрос не застал Нурматова врасплох. Он только спросил:

– Откровенно?

– Безусловно.

– Простите, но у вас кишка тонка на криминал. Вы всегда действовали в тех пределах власти, которая была вам отпущена, как первому секретарю ЦК партии республики. Если слегка и выходили за рамки, то лишь ради общего блага. Как, разумеется, вы его понимали. Но чтобы нарушить закон, да еще по уголовной статье? Нет, такого быть не могло... Кто-то готов хладнокровно планировать убийство, кто-то способен убить лишь сгоряча. Но у вас ни на то, ни на другое просто

духа не хватит. А знаете почему? Потому что пределы данной вам власти вы полностью совместили с пределами своих человеческих возможностей, своей нравственности. Там же такой поступок никоим образом не обозначен.

— По-твоему получается, что я слабак?

— Вы спросили, Темирбек Назарович, я откровенно ответил. Впрочем... Кому придет в голову назвать слабаком слона лишь на том основании, что он никогда не загрызет корову или овцу да и волка не разорвет на части?

Прерывистый и короткий смех Назарбекова был похож на случайно возникшие в пустых небесах слабые раскаты грома, которые тут же и угасли.

— Удачно ты выкрутился, — перестав смеяться, сказал он. — Поди разберись, то ли утешил меня, снял чужой грех с моей души, то ли невзначай обидел. Это как если бы суд признал мужчину бесплодным и тем самым автоматически освободил его от уплаты алиментов. Ха-ха-ха... Полагаю, что твои слова возымеют решающее действие, перечеркнув жалкие попытки бывшего очернительства.

— Но каким образом? — удивился Нурматов.

Его собеседник сделал многозначительную паузу. Потом молча повернулся в сторону сидящего Автора. Следом за ним также сразу всем корпусом повернулся и Нурматов.

— Это писатель и журналист N, прекрасно владеющий той темой, которую мы с тобой затронули, — представил Назарбеков Автора. — Наше внезапное пробуждение заинтриговало его, и он, вероятно, проторчит здесь всю ночь, наблюдая за нами.

— Если не заснет от скуки, — добавил Нурматов.

Улыбнувшись краями полных губ, Автор привстал и кивком головы поприветствовал бывших партийных лидеров.

— Как у вас все организовано — и нужный человек в нужное время и в нужном месте, и следящие за порядком летучие мыши, — со смешком проговорил Нурматов, который давно заметил мелькающих в воздухе острокрылых тварей. — Прямо «Белый дом» с выездом на природу. Во главе, конечно, с вами.

— Не можешь без подначки, — миролюбиво вздохнул Назарбеков. После того как Нурматов решительно отмел всякую его причастность к убийству, у него было благодушное настроение.

Круглый и плоский пятак луны медленно и осторожно, как будто чего-то опасаясь, пробирався по бугристому от облаков полотну неба. Верхушки деревьев и головы многочисленных статуй были окутаны мягким желтоватым сиянием. В темной глубине сквера дико вскрикивала ночная птица, извещавшая приближение полночи. Все быстрее и целеустремленной метались по Центральному скверу летучие мыши.

— К перемене погоды, что ли? — следя за ними из-под гра-нитных бровей, заметил Нурматов.

— Может быть, может быть... Если и не самой погоды, то чего-нибудь еще. — В голосе Назарбекова почудилась таинственная недоговоренность.

И тут летучие мыши стали вытворять чудеса. Подлетев к очередной статуе, уже вышедшей из долгой дремы, они облепляли ее и помогали, как детсадовцы тяжеловесному инвалиду, сойти с пьестала. И сразу же принимались за следующую.

Брусчатка потрескивала, а кое-где даже слегка прогибалась под тяжелыми ступнями каменных изваяний бывших партийных и советских руководителей. Еще не совсем придя в себя, с трудом передвигая ноги, они интуитивно двигались туда, где находились Назарбеков и Нурматов. Многие из них работали под началом первого секретаря ЦК Назарбекова, были его выдвиженцами, благоговели перед ним, и это почтительное отношение к нему они сохранили в душе, даже когда она отлетала на небо. Слова приветствия, звучащие, надо сказать, весьма своеобразно, погромыхивали, не очень-то лаская нормальный человеческий слух.

Автор то вздрагивал, то поеживался от обилия необычных ощущений. Впрочем, думал он, расскажи ему кто-нибудь о подобном происшествии, он бы счел это некой фантазийной придумкой. Но если чудеса во всей своей неповторимости случаются при нас, на наших глазах, они невольно обретают очертания достоверности. Помнится, сначала, когда стоящий на пьестале Назарбеков протянул ему для пожатия руку, он отшатнулся и чуть не тронулся рассудком, то уже дальнейшее действие в Центральном сквере воспринималось им как вполне реалистичное.

— Товарищи! — обратился к столпившимся возле него ста-туям Назарбеков. — Мы оказались на этом месте, предназна-ченном для отдыха горожан, не по своей воле. Никто не спра-

шивал у меня перед кончиной, где в столице поставить мне памятник. Да и нужен ли он вообще. Думаю, то же самое произошло и с каждым из вас. Мнением самих жителей на сей счет власти также не интересовались. Вы, наверное, помните, как раньше здесь было просто, сколько скамеек...

— ... на одной из них, вон там, где вместо нее маячит Туратбеков, мы с женой любили сидеть, беседовать, — тихо, словно про себя, заметил Нурматов.

Протяжный вздох, напоминавший шелест тронутой ветром сухой осенней листвы, пронесся над группой истуканов. Кто-то еще попытался поделиться чем-то своим, личным, однако Назарбеков, возвысив голос, продолжал:

— Теперь пространство для отдыха у людей сузилось. Кого они в этом винят? Конечно, нас. Мы же для них помеха. Гуляющих в сквере все меньше и меньше. Вы посмотрите, как рано он пустеет. Давно уже ни души.

— Ну и что будем делать? Какой выход? — спросил бывший председатель Совмина, широколицый добряк, вместе с тем отличавшийся прагматизмом. — Вместе мы собраны здесь для того, чтобы потом было проще всех сразу на свалку отправить. Одним махом.

— Тоже верно, — согласился Назарбеков. — Но есть еще и такой неприятный момент. Нас мало кто из отдыхающих сегодня знает. Чем мы занимались, чего добились? За что нам такая честь — стоять здесь монументами. Даже меня, четверть века руководившего республикой, едва по фамилии угадывают. Причем только старики. Для молодежи мы ноль. Они лишь десяток знаменитых артистов, писателей да художников могут с трудом назвать. Нет, в сквере нам не место.

На полшага вперед выступила щеголеватая фигура в ладно сидящем военном кителе, в галифе и сапогах, с лихо закрученными усами и фуражкой, украшенной пятиконечной звездой. Это был нарком по обороне первых послевоенных лет, предок одного из нынешних вице-премьеров, который и поспособствовал появлению его в аллее.

— Предлагаю пройти к товарищу Сталину, — четко, непрекращаемым тоном заявил он. — Мудрый совет вождя поможет нам принять единственно верное решение. — Нарком хотел было направиться в сторону Старой площади, откуда начинался сквер и где действительно в свое время возвышался над окрестностями памятник Сталину, но его остановили. Узнав, что этот памятник давным-давно снесен и там с тех

пор по-домашнему расположились, беседуя меж собой, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, нарком первых послевоенных лет смешался и быстро отступил назад.

— Власть живых всегда сильнее власти мертвых, — задумчиво повторил Назарбеков полюбившуюся ему фразу. Повисло молчание. Никто ему не возражал.

Автор все так же сидел на скамейке, погруженный в творящееся перед ним действо. Единственный зритель странного ночного спектакля. С гор тянуло прохладой, луна как-то изнутри начала бледнеть, словно у нее постепенно стал разряжаться аккумулятор. Густая, вязкая тишина окутывала город.

Автор чувствовал, что Назарбеков не случайно затеял разговор о скоплении скульптур руководящих деятелей в Центральном сквере. У него ничего не бывает просто так, разговор ради разговора. За словами обязательно притаивается какая-то цель. Разгадать — какая именно с первого раза, сходу чаще всего невозможно.

Когда нынче поздним вечером бывший Первый заявил ему, что ничуть не обижается на то, как он описал его в своей повести, Автор сначала опешил. Ведь прежде Назарбеков утверждал обратное. Тогда он утверждал об этом зло и раздраженно, хотя умело сдерживал себя. И от Автора его настроение, пусть и тщательно смикшированное, не могло скрыться. Он даже на несколько лет покидал страну. Не столько из-за боязни того, о чем предупреждал Назарбеков, сколько из-за нежелания попадаться ему на глаза.

Почему же тот так к нему переменялся? Вряд ли причина только во времени. И он долго, размышляя об этом, ломал голову, пока после твердого заверения Нурматова о полной непричастности Назарбекова к его убийству не последовал кивок в сторону Автора: вот, дескать, кто об этом предметно и доказательно напишет и бесповоротно поставит на этой истории точку. Оказывается, переменив отношение к Автору, бывший Первый надеется заполучить его в качестве сторонника, который донесет до людей все, как было на самом деле, а не в искаженном виде.

Господи, как надо даже после смерти дорожить своей честью, чтобы предусматривать все варианты для ее безупречного воскрешения во всей справедливости. Но зачем? Что от этого изменится? Ему итак в истории республики уготовано почетное место. Хотя... Автору вспомнились пронзительная строка из песни: «Призрачно все в этом мире бушующем...»

Только ли в этом мире? А в том, где уже пребывает Назарбеков и откуда его отпустили, возможно, всего лишь на одну ночь?

— Я позже вас, товарищи, очутился здесь в гранитном облиии, — снова с внятной настойчивостью заговорил Назарбеков. — И знаю, что вашими именами названы улицы города. Тем, кто там живет, кто ходит по этим улицам, конечно же, известно о вас гораздо больше, чем случайно проходящим через сквер или попутно отдыхающим. А если на улице, скажем, Нурматова появится еще и его скульптура? Это же уместно, логично! Ни у кого из жителей даже не возникнет вопроса, кто это такой. Переместившись таким образом, мы и сквер разгрозим, и свои улицы облагородим.

Послышались густые, трубные голоса:

— Верно! Здесь пока только косятся на нас, скоро плевать начнут.

— А что, давайте в мэрию соответствующую петицию подготовим!

— Лучше сразу президенту.

Нурматов покашлял, тем самым как бы призывая к вниманию.

— Опять на бюрократию потянуло? — с усмешкой сказал он. — Были у меня когда-то споры с товарищем Назарбековым. Горячие споры. Кое-кто из вас, должно быть, помнит. Мы считались чуть ли не вечными оппонентами... — Летучие мыши, притаившиеся на черных стволах стоящих вокруг корявых деревьев, сразу насторожились, готовые ринуться в атаку на каждого, кто воспротивится Назарбекову, которого они издавна призваны были боготворить. — Но в том, что предложено им нынче, есть, безусловно, резон. И сделать все это должны мы сами. Без мэрии и «Белого дома». Как? Очень просто. Прямо сейчас отправимся на улицы, названные нашими именами, и займем такое место, где бы мы не мешали ни пешеходам, ни транспорту. И вместе с тем были бы на виду.

За многие годы работы высокие руководящие чины, облаченные теперь в гранит, привыкли ко всякого рода переменам, реформам, перестановкам, научились при необходимости рисковать, брать ситуацию, как строптивного коня, под уздцы. И все же кто-то поначалу замешкался, растерялся, прикидывая, что ему и в сквере тоже неплохо, но общая волна активности быстро погасила возникшие сомнения.

Скульптуры пришли в движение, обуянные общей целью и устремлениями. Они узнавали друг у друга, где находится их улица, как к ней добраться. Так получилось, что улицы эти были из числа переименованных, до этого они еще носили советские названия. Так что ориентиры для объяснений бывшим столичным жителям-монументам, куда им направлять свои могучие стопы, отыскивались довольно легко. Конечно, присвоение их имени улицам с привычными прежде названиями вызывали порой удивление, а то и недовольство.

– Да вы что! – возмущался тот же Нурматов, – улица Правды стала улицей Нурматова? Идиоты! Они там, видно, с ума посходили. Нет, я не согласен. Такое было название!.. Представляю, как возмущены жители. Если я приду туда, они меня камнями забросают. И это будет справедливо.

Успокойся, говорили ему. К чему бушевать? Улицу переименовали давно, лет пятнадцать назад. Таблички на домах повешены. Уже выцвели успели. Ничего теперь не вернуть. И потом, тобой для столицы сделано немало, жители об этом тоже знают...

Нурматов нехотя смирился.

Улицы, где предстояло скульптурам обрести свое новое место, располагались чаще всего в центральной части города. Череда переименований затронула ее особенно ощутимо. Так что до цели всем было рукой подать.

Назарбеков поторапливал. Звезды мутнели, как окислившаяся медь. Диск луны упрямо тащился на запад. По листьям деревьев пробегала зябкая дрожь. Короткая летняя ночь, обреченно съезживаясь, тлела на медленном огне подступающего рассвета.

Было твердо условлено, что у выхода из сквера все разбредаются в разные стороны, ступают как можно мягче, чтобы оберегать от разрушения тротуары и своим топотом не будить спящих граждан. По своему опыту бывшие руководители знали: в такие часы стражи порядка превращаются в невидимок, они вроде бы есть, но на улицах их нет. А потому совершить задуманное им удастся без проблем.

Одна за другой скульптуры покидали сквер. Мерный гул прокатывался над городом. Он рождал в голове Автора разные ассоциации. То ли с востока на запад летела эскадрилья тяжелых бомбардировщиков. То ли колонна танков меняла

дислокацию. То ли товарные поезда с особо ценным грузом пустили вне расписания.

Опустевший сквер стал шире, просторнее, в нем свободнее стало дышать. Автор физически ощущал это. У выхода из сквера оставались лишь Назарбеков и Нурматов, проводившие всех остальных своих товарищей. Теперь им предстояло самим распорядиться собственными персонами.

— Нам случайно не в одну сторону? — пророкотал Нурматов, уже приготовившийся тронуться в путь.

— Нет, я пока безуличный, — отозвался Назарбеков. И вроде бы с сожалением пояснил: — Тут ведь как получается. Кто раньше умер, тот и успел занять лучшее место для памятника. Да и название лучшей улицы прихватить. А я, увы, оказался позади.

— Надо было поспешить, — с намеком хохотнул Нурматов.

— Без приглашения на небо не ходят, — прозвучало в ответ.

— Тоже верно. — И Нурматов, не прощаясь, отправился в сторону бывшей Правды, которая ныне носила его имя.

У Автора назойливым червячком шевельнулась мысль: откуда же Назарбекову известно, что он «безуличный»? Или это его догадка, обусловленная хорошим знанием того, насколько долго тянутся такого рода дела, или он интуитивно подпитывается сведениями от вьющихся вокруг него летучих мышей? Впрочем, в сонной голове ничего вразумительного не может родиться, решил Автор, и переключился на одинокую фигуру Назарбекова.

Тот довольно быстро приближался к нему. В наступающем утре свет фонарей поблек, скукожился, и гранитные складки на его лице и одежде проступали заметней обычного. В глубоких глазницах, которые прикрывали старомодные очки, таился острый немигающий взгляд. Чувствовалось, что он доволен всем случившимся.

Автор поднялся, одергивая помятую от долгого сидения куртку. Нависший над ним монумент гулко и веско ронял слова, обретающие при этом не требовательно-отстраненную, а житейскую, человеческую окраску.

— Только ты видел воочию все, что здесь происходило. Только у тебя есть документальные снимки и записи, а значит, и возможность обойтись без вранья. Постарайся рассказать об этом людям раньше, чем за это возьмутся твои недобросовестные собратья. Все-таки важно, чтобы истина опережала

ложь, а не звучала в качестве оправдания. И последнее. Мой разговор с Нурматовым желательно дать отдельно. Надеюсь, на сей раз ты сделаешь правильные акценты. Тяжко быть неправедливо запятнанным, даже пребывая на том свете.

Автор согласился. Хотя сам еще там не бывал, да и с пришельцем оттуда общался впервые.

Повернувшись к нему спиной и сопровождаемый свитой летучих мышей, Назарбеков пошел по аллее к своему постаменту. Вскоре он уже высился на нем в прежней позе обремененного трудами философа, который задумался и остановился отдохнуть. Высился теперь на аллее один, если не считать бородатых, увлеченных беседой друг с другом Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Их он попросту забыл пригласить на общую сходку скульптур.

Весь следующий день город бурлил новостями. Ничего подобного ни в старой, ни в новейшей его истории не случилось. Автора разрывали на части электронные и печатные информационные агентства. А то, что от него оставалось, проглатывали радио и телевидение. Он исхудал, черты лица заострились, усталые серые глаза с легкой снисходительностью и укоризной смотрели на окружающий мир. Когда он говорил, в них поблескивал неземной огонь.

Обескураженные городские власти, не зная, что делать, беспомощно разводили руками. Если оставить все, как есть, то и другие статуи, которых еще в городе не то тридцать, не то триста, а может, и тридцать тысяч, восстанут и начнут действовать, как им заблагорассудится. А если водворить бунтовщиков назад, в Центральный сквер, то поднимутся, судя по опросам, возмущенные толпы горожан, счет которых пойдет на многие миллионы. Что делать? Как поступить? Какое принять решение, чтобы совсем уж не опростоволоситься?

— А что, если?.. — тонким и резким голосом, точно гвоздем по стеклу, воскликнул курчавенький господин в черном костюме, красном галстуке и белых штиблетах с загнутыми носами. Он остановился, оглядев всех перламутровыми пуговками кроличьих глаз. На его полных, подкрашенных губах заиграла победная улыбка. Наклонившись к соседу, он шепнул в его огромное, как спутниковая антенна, ухо свою замечательную мысль. Тот вступил в такой же соблазнительный контакт со следующим соседом. Когда кукан мысли курчавого господина прошел через все уши собравшихся, она была признана

поистине соломоновской. И тут же ее положили на хранение в бронированный сейф, имеющий более десяти степеней секретной защиты.

Меж тем в Центральном сквере весь день и весь вечер играла веселая, бравурная музыка. Народ торжествовал. Народ ликовал. Этот субботний день стал для него настоящим праздником. Коли даже каменные истуканы, вззирающие, казалось бы, с полнейшим безразличием на мир, проснулись от векового сна, чтобы поступить так, как они считают нужным, так у людей тем более для этого руки развязаны. Отовсюду в сквер свозились свежееизготовленные скамейки с узорчатым металлическим каркасом и деревянными брусьями поверх него. Волонтеры в желтых бейсболках с легкостью устанавливали их на освободившихся постаментах, а изредка и в глухих аллеях – для соответствующей категории влюбленных.

Но особенно людно, как, надеюсь, уже догадался читатель, было возле памятника Назарбекову. Заряженные дерзкой энергией статей и рассказов Автора, люди испытывали к нему почтение. Он одиноко возвышался над всеми, но не давил, не принижал никого, а просто мягко и настойчиво утверждал свое право на лидерство в любые времена, как только в нем возникнет необходимость. Он светился доброжелательностью, его философская задумчивость в восприятии каждого, кто внимательно на него смотрел, неизменно перетекала в дела. Рядом с ним фотографировались и тонконогие детишки со стриженными головами, и грудастые дамы с депутатскими значками, и руководители газовых и нефтяных концернов, и молодожены в летящих свадебных платьях и черных смокингах... Желавшие запечатлеться подле Назарбекова менялись, как декорации в многоактовом спектакле. Неизменными оставались только могучие дубы и вязы, полукругом охватившие его с тыла.

Тихой расслабленной тенью человека, познавшего истину, по скверу бродил Автор. Получается, думалось ему, нет особой разницы между тем и этим светом. Там такая же суета, как и здесь. Просто где-то человеком больше правит материя, бытие, где-то дух. Но изматывающая, терзающая нас суетность остается. Мы мечемся между настоящим, прошлым и будущим, как ловелас между женой и любовницами, а теоряем самих себя. Мы ищем благодсловенный приют на земле или небе, а обретаем его под землей. Мы напоминаем школяров, которые старательно стирают в дневнике несправедливо

поставленную плохую отметку, до которой никому, кроме них, нет никакого дела. Нам хочется сохранить истинное лицо перед потомками, жертвуя ради этого плотскими удовольствиями и душевным покоем, а они с небрежностью присвоившего все права костюмера надевают на нас любые, удобные им на тот момент, маски.

Автор мучился, горевал и смеялся над тем, что рождало его истрепанное последними сутками сознание. И что не раз, наверное, приходило на ум миллионам людей до него. А Назарбеков неколебимо стоял на постаменте, уже ничем не озабочиваясь и все глубже погружаясь в бездонный омут дремы...

Но вот спустя какое-то время, когда страсти вокруг бунта статуй улеглись и даже в какой-то степени позабылись, в утреннюю тишину сквера вторгся глухой рев тяжелых машин, направляющихся к центру главной аллеи. На одной из них, по-совиному нахохлившись и позвякивая блестящим крюком, стоял погружечно-разгруженный кран, а в кузове другой, словно в гробу, возлежало нечто громоздкое, закрытое покрывалом и обложенное со всех сторон белым пенопластом. Замыкал процессию черный «Мерседес» с начальственными номерами.

Подъехав к памятнику Назарбекова, пребывавшего то ли на том, то ли на этом свете, первая машина остановилась. Туча летучих мышей тут же поднялась в воздух и мечущимся живым щитом заслонила его.

Из «Мерседеса» пулей вылетел курчавенький господин. Размахивая короткими руками, он стал кричать на пожилого водителя, как сутенер на опоздавшую шлюху. Кирпичное лицо водителя напряглось, он хищно осклабился, но сдержался. Процессия двинулась дальше. Конечная цель была метров через двадцать. Группа рабочих действовала четко, словно по нотам. Командовал все тот же господин с подкрашенными губами и тонким голосом. Пока мастер по перебивке фамилий на постаментах споро занимался своим чрезвычайно важным делом, скамейку с постамента убрали и туда, подхваченная краном из соседней машины, медленно поплыла громоздкая гранитная скульптура. Тросы, которыми она была обвязана, натужно скрипели, грозясь лопнуть и обрушить ее с размаха наземь. Внизу все замерли, наблюдая, как в последний мо-

мент она опасно накренилась. Но крановщик ловко сманеврировал, и высеченная из камня фигура благополучно коснулась ногами постамента.

Вскоре машины развернулись и отправились восвояси.

— А это кого еще нелегкая принесла? — проворчал долговязый дворник, у которого при взгляде на аллею будто соринка в глаз попала. Он подошел поближе и прочитал: «Бакыт Касымов». Почесал скрюченными пальцами по заросшей щетиной щеке: — Не слышал о таком. Вот этих бородатых, Карла и Фридриха, знаю, Назарбекова тоже теперь знаю, а об этом даже не слышал. Блатной какой-нибудь. Подсунули мне втихую, думали, не замечу. Фиг вам! Задарма не буду его мыть, пусть хоть грязью зарастет.— Он крепко выругался и стал нехотя мести аллею.

Не ожидая от властей ничего подобного, горожане оторопели. Общему возмущению, как айрану, требуются заправка и время для брожения. А тут еще подоспел чемпионат мира по футболу. Курчавенький господин точно рассчитал, когда и как ответить на бунт статуй. Высокий накал страстей легко сотрет в памяти людей то, что волновало их до него. А там уж можно будет и дальше выстраивать в шеренгу все новые и новые статуи. Претендентов хватает...

Но все обернулось совсем иначе.

На следующее утро, ясное и светлое, как улыбка ребенка, статуя Касимова была обнаружена поверженной. Упав с постамента вперед и подмяв бетонные плитки аллеи, она раскололась на части и не подлежала восстановлению. В мэрии решили, что во всем виновата спешка. И центр тяжести статуи при установке не был якобы соблюден, да и закрепили ее явно недостаточно.

Однако Автор только посмеивался, читая об этом на сайте мэрии. Он-то догадывался, что могло случиться на самом деле. И когда проходил как-то по скверу, то остановился возле Назарбекова и внимательно посмотрел на него. Лицо из серого гранита слегка дрогнуло, разгладилось и правый глаз вдруг заговорщицки, как показалось Автору, подмигнул ему.

ЧТО БЫЛО СНАЧАЛА

«Эх, Миша, Миша Мусакулов, зачем же ты так мучаешь меня, все чаще напоминая о том давнем случае, который, казалось, похоронен вместе с тобой, придавленный тяжелым грузом десятилетий? Почему ты с такой пронзительной тоской смотришь из глубины времен, словно именно я повинен в твоём раннем уходе?»

Об этом думал, терзая себя, Олег, когда пробуждался поутру и перебирал разбросанные на полотне жизни свои поступки, требующие, на его взгляд, непереносимого покаяния. И почему-то сразу перед ним всплывало это юное смуглое лицо с тонким прямым носом, четкой линией губ и зачесанным на бок густым, черным, как смоль, чубом.

О, эта наша мнительность! Как часто мы приписываем кому-то из наших родных, друзей или знакомых те мысли, то отношение к нам, какого не было и не могло быть. Как часто нам удается убедить себя в обоснованности своих пустых подозрений и потом долго мучаться и страдать...

Вопреки его представлениям, на самом деле ни малейшего упрека не таили блестящие темные Мишины глаза. В них только застыл, пробиваясь сквозь необъятную даль, казалось бы, простой вопрос: «Что, Олег, забыл про меня? А ты-то сам как там живешь на белом свете, все ли у тебя в порядке?»

Помнится, Олег узнал Мишу с первого раза, едва его образ возник перед ним, и поначалу даже обрадовался. С годами дружба детства вольно или невольно теряются на задворках памяти, их внезапное появление, как на экране компьютера после щелчка мышки, освежает душу...

Жили они тогда — ох и давно ж это было! — в тихом казахском городе Чимкенте, на одной улице, учились в одном классе, помогали друг другу в учебе, да и в домашних делах, которые выпадали на долю пацанов предвоенного поколения.

Вместе со слепым отцом, который постоянно молился, перебирая сухими пальцами четки, и маленькой, худенькой матерью-труженицей Миша ютился в небольшой комнате длинного саманного дома. Соседи — их близкие, дальние и очень дальние родственники-узбеки. Стены и потолок комнаты всегда были аккуратно побелены, а земляной пол идеально выглажен глиной. Посередине он застилался тонким разноцветным

самодельным ковриком, на котором стоял низенький стол. Вокруг него, поджав под себя ноги, садилась обедать или пить чай вся Мишина семья. За ним же Миша готовил уроки. Для Олега, изредка заглядывавшего к другу, всегда находились пиала горячего чая и ломоть свежей лепешки.

Видимо, удалось-таки вымолить отцу Миши помощь у Бога. Как инвалиду, ему разрешили пристроить к своей части дома крохотную кухню. Вся работа, естественно, легла на худенькие Мишины плечи. Олег, когда был свободен, охотно помогал ему делать кирпичи из хорошо перемешанной босыми ногами глины с саманом, выкладывать стены, крыть камышовую крышу. Их считали самыми близкими друзьями.

После школы Олег уехал во Фрунзе, поступил на филфак университета, а Миша четыре года служил в морфлоте на Балтике. Они постоянно обменивались письмами. Оба всерьез занимались боксом, много читали, увлекались девчонками, им было о чем поведать друг другу. По армейским фото, которые порою присылал Миша, Олег видел, как окреп, налился силой его друг. На бушлате, обтягивающем широкую грудь парня, все прибавлялись различного рода значки, награды, которые свидетельствовали о его успехах в спорте и боевой подготовке.

Вернувшись в Чимкент, Миша стал работать на хлебозаводе в бригаде сантехников. У него болела мать, нужны были деньги, и быстрее, легче всего можно было устроиться именно сюда.

Приехав как-то на недельку к родителям и встретившись с ним, Олег заметил, что Миша слегка под хмельком. Второй и третий раз – тоже. Но уже покрепче. На удивленный вопрос Олега Миша отшутился: «У нас счастливая бригада, что ни день – обязательно чей-нибудь день рождения отмечаем».

Тут явно что-то было не так. Олег чувствовал это. Но выпытывать у друга, хоть он уже весьма отдалился от него, истинные побудительные мотивы пьянок ему не захотелось. Понадобится, дескать, сам расскажет. Или он еще не понимал, что доверительное отношение между людьми, возможность предотвратить падение имеют свои сроки? Или куда-нибудь спешил, торопился?..

В те годы Олег был поглощен газетной работой. Все некогда, некогда... Впрочем, ему это нравилось. Нравилось писать на разные темы, видеть свое имя под крупными статья-

ми на газетной полосе «Комсомольца Киргизии», «Советской Киргизии», нравилось, когда читатели обращались к нему за помощью. Бывая в Чимкенте, он заходил в редакцию «Южно-Казахстанской правды» – поболтать с коллегами, а то и написать что-нибудь для них.

С другом детства они виделись все реже. Да и то как-то мимоходом, вскользь, случайно. Миша похудел, осунулся, какая-то внутренняя надломленность ощущалась в нем. Но он бодрился, хорохорился, словно боялся пробудить к себе жалость. «Привет мастерам пера! – задиристо говорил Миша. И, прищурившись, продолжал: – Как же, читаем. Лихо пишешь, мудрено. Во: «Нюансы спорной добродетели»! Каков заголовок, а? Без разбега не дотянуться, не уразуметь. А у нас что, у нас все просто, крути себе гайки, зарабатывая на поесть да попить».

Нарочитое ерничанье не обижало Олега. Ему бы возразить, поспорить, в чем-то согласиться, потолковать с ним, добиться искренности. А он ограничивался дежурными фразами, спешил, сославшись на занятость, отклоняться. Увы, наши интересы, думал он, разъехались в разные стороны, как лыжи на склоне, и тут уж ничего не поделаешь.

Внешне все на их тихой улице Бекета Батыра оставалось еще неизменным. И теплая, серебристая густая пыль летней дороги, как в детстве, щекощущая ноздри терпким, горьковатым запахом; и чуть надтреснутый говор бегущего вдоль дороги извилистого старого арычка; и усталые, изо всех сил старающиеся держаться прямо саманные дома с обвалившейся то тут, то там штукатуркой. Больше почему-то менялись сами люди, утончались, лопались давние связи, нарождались другие.

Как-то, готовя переезд своих родителей во Фрунзе, Олег достаточно долго не появлялся в Чимкенте. А когда приехал, решил заглянуть в редакцию областной газеты, где ему всегда были рады. Уже в коридоре его перехватил главный редактор.

– О, давненько не виделись, – зарокотал грузный пожилой мужчина, пожимая Олегу руку. – А ну-ка, зайдем ко мне. Если в данный момент кто и нужен позарез редакции, так это ты.

– А что стряслось, Георгий Николаевич? – удивился Олег. – Сель, пожар, наводнение?

— Хуже. Нас будут заслушивать на Бюро обкома партии. Только сейчас сообщили.

Сидя в кабинете главреда, Олег узнавал, каков расклад вопросов, по которым намечается порка редакции, и что от него требуется. Во всем была кампанейщина. Борьба с пороками в обществе велась то бурно, то никак. Газете нужно срочно заткнуть дыры в освещении злободневных проблем. Кое-что, естественно, уже делается. С утра корреспонденты сидят по кабинетам и скрипят перьями. А вот статьей по пьянству, о чем редакция давно не писала, заняться некому. Надежда только на Олега. Необходим материал с моральным, нравственным уклоном, а это его конек.

Доверительный тон разговора главреда с непривычно проскальзывающими просительными нотками был вызван чрезвычайными для редакции обстоятельствами. Олегу, конечно же, это льстило. Но дальше, дальше-то что? Чем он может помочь?

— Получается, — сказал Олег, — что есть только голая тема для статьи, однако ни фактов, на которых она бы строилась, ни времени, чтобы их собрать, по сути, нет. Так ведь? А высасывать все это из пальца, заниматься морализаторством в общих словах у меня, простите, Георгий Николаевич, не получается. Хотелось бы поддержать, но... — он сожаляющее вздохнул.

— Подожди, но ты же, насколько я знаю, вырос здесь, в Чимкенте. У тебя наверняка осталось немало знакомых, приятелей. Неужели среди них нет выпивох, таких, кого можно было бы пристыдить через газету, образумить, направить, в конце концов, на путь истинный? Покопайся в памяти, наверняка найдешь.

Олег задумался. И тут, как назло, ему вспомнился Миша Мусакулов. словно кто-то взял и угодливо подsunул с недоброй тайной ухмылкой: вот о нем, дескать, и напиши. Можно было бы отмахнуться, сказать, что никого на примете нет. Но уж больно грело, что сам главред обратился к нему, молодому журналисту, с такой просьбой. Как при этом отмолчишься, спрячешься в кусты?

— Есть один парень, с детства его знаю. Всем был хорош, даже очень, и умница, и спортсмен, но вот после армии попал в бригаду сантехников и пристрастился к выпивке. Боюсь за него: покачнувшись, сумеет ли удержаться, выстоять?

— Так помоги своему другу, подставь плечо, обратись к

нему через газету, по-доброму посоветуй, каким образом вернуться к самому себе. После этого, надеюсь, и у окружающих убавится прыти спаивать его... Чувствую, — зорко глянув на Олега, сказал главред, — ты уже созрел для статьи. Объем — шесть страниц на машинке. Жду завтра утром.

Заголовок статьи родился в голове Олега еще на пути домой. У поэта Павла Когана есть строки: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал». Отталкиваясь от их смысла, Олег определил стержень, главный мотив обращения к другу детства — «Нарисуй свой угол, Миша!» Дома, объяснив родителям, что у него срочное редакционное задание, он заперся в маленькой комнатке и весь погрузился в статью.

Писалось ему легко, без натуги. Он знал, хорошо знал Мишу Мусакулова, с которым рос и учился вместе, чьи отзывчивость и доброта ставились учителями в пример. Да и в армии он показал себя сильным и образцовым парнем. Где же он поскользнулся, как попал в объятия порока, что произошло и происходит с ним? Если прежде у Олега на этот счет были кое-какие сомнения, так, кстати, до конца и не развеянные, то в заказной статье, которую будут читать партийные боссы, все должно быть прописано четко и убедительно. И кто повинен, и как теперь герою следует действовать самому. Иначе обвинят газету в том, что ее автор не сумел выяснить все необходимые факты, и результативность публикации почти нулевая. И вместо помощи редакции он только подведет ее.

Олегу было ясно: чтобы тебе поверил читатель, надо сильно поверить в свой замысел самому. И он сумел преодолеть внутреннее брожение, разброс чувств. Статья получилась искренней, взволнованной, вызывающей безусловную симпатию к Мише Мусакулову, такому чистому и ясному в юности, и неприязнь к его товарищам по бригаде, которые спаивали Мишу. Из всего, что Олег написал, естественно следовал его совет другу детства: прояви наконец волю, порви с окружением, и ты обрешь ту жизнь, которой с юности был достоин.

Прочитав статью, главред удовлетворенно крикнул и прямо над заголовком размахисто начертал визу: срочно в печать! Потом поднялся из-за стола, по-отцовски приобнял Олега и сказал, что он молодец, крепко выручил редакцию и в качестве благодарности ему сейчас же будет выплачен гонорар в двойном размере. Олега тогда аж распирало от гордо-

сти. В тот же день, отправив контейнер с вещами родителей во Фрунзе, он вместе с отцом и матерью навсегда покинул Чимкент.

Олег ожидал от Миши если не признательности, то хотя бы какой-нибудь реакции. Но ничего подобного не последовало. Тогда он сам написал ему. И опять – ни ответа ни привета. Такое отношение друга детства, которому он через газету постарался помочь, сильно огорчило Олега. Ну что ж, решил он, каждому свое. Была бы рука протянута, а уж тот, кому худо, волен сам либо воспользоваться ею, либо отвергнуть ее.

На том все так бы и затянулось, закрылось густеющей дымкой лет. Но вот совершенно случайно на выходе из станции метро ВДНХ в Москве, куда он приехал по журналистским делам, Олег столкнулся с давним школьным товарищем Виктором Невдашовым, который жил когда-то неподалеку от его родительского дома. Они обрадовались встрече, зашли в кафе, заказали по бокалу красного вина, и волна воспоминаний о безвозвратно ушедшей юности, о тех, кто тогда был рядом с ними, подхватила их и понесла, понесла...

– Эй, погоди, погоди, – вдруг остановил товарища Олег, которого словно толкнула, поднявшись откуда-то из глубин, мысль о Мише. – Ты с Мусакуловым давненько виделся? Как он там? Уже, наверное, и детьми, и внуками обзавелся?

Виктор, пригубивший как раз вино, слегка поперхнулся и диковато глянул на Олега.

– А ты что, ничего не знаешь?

Тот пожал плечами.

– В каком смысле? С тех пор как я перевез родителей во Фрунзе, мне с ним так и не удалось связаться. Хотя я пробовал. Но как в глухую стену.

– Умер Миша, умер, вот ведь штука какая, – вздохнул Виктор. – Когда? Мы-то, сам знаешь, не очень были дружны. Но мне говорили, что это случилось вскоре после твоей статьи. Читал ли я? Конечно. Мы тогда все читали. Хорошая была статья. Мне вообще нравится, как ты пишешь. А умер Миша, как и следовало ожидать, все от того же. Что-то там якобы на работе стряслось, какая-то разборка в бригаде, он распахивался, выпил, а ему вроде бы уже совсем было нельзя, вот и отправился мужик на тот свет, мир его праху. Известно мне все это в общих чертах, с чужих слов, в детали я не вдавался, где тут правда, где вранье – поди разберись...

От печальной вести, которую услышал Олег, у него екнуло, защемило сердце, ему стало жаль Мишу Мусакулова, закадычного друга детства. Рано ушел Миша из жизни, очень рано. Впрочем, утешал себя Олег, не он первый, не он последний. Вон стал Невдашов вспоминать, кто из их знакомых, приятелей покинул земную обитель, со счета сбился. В тот раз у Олега даже мысли не промелькнуло о собственной причастности к тому, что произошло с Мишей

Но непременно приходит время, когда человек замедляет свой бег средь непрестанной суеты. Им овладевает желание неспешно обернуться назад, на пройденный путь, и спросить себя, всегда ли он жил достойно, по совести, без высокомерия, зависти и гордыни, где и в чем, преступив тонкую грань добра, он сотворил зло, пусть невольно, без умысла, но сотворил. И как этот его поступок отозвался на судьбе того или иного человека.

Настала, видно, такая пора и для Олега. Однажды он лег спать, как обычно, в одиннадцать вечера, а проснулся не в семь или шесть утра, как обычно, а в четыре. Зима, темень за окном страшная. Черт не только, действуя по Гоголю, луну стащил с неба и спрятал за пазуху, но заодно и фонарь, что висел рядом с домом, сорвал, как апельсин, и сунул туда же. Попытался Олег заснуть, используя старый метод считалки, но почему-то тут же привиделся ему Невдашов, перечисляющий уйму ушедших в небытие друзей и знакомых, а следом за ним возникло крупным планом смуглое, с прямым, тонким носом и четкой линией губ лицо Миши Мусакулова. Его черные глаза пристально смотрели прямо в душу Олега.

Пребывая не то в полусне, не то в полуяви, Олег обрадованно воскликнул: «Привет, Миша, привет, дружище! Куда ты пропал? Сколько лет мы не виделись с тобой?» Но Миша молчал, ничто не дрогнуло в его лице. И тут Олега осенило: да они же в разных мирах, никакого общения меж ними и быть не может!.. В черных недвижных глазах Миши, как в бездне, таилось все, что угодно. Ему же почудилось, будто смотрит он на него прицельно – с немим укором, обидой. Видимо, где-то глубоко, в подсознании жило в Олеге предощущение именно этого и теперь проявилось, всплыло на поверхность.

Сотни газетных и журнальных статей, написанных Олегом, были опубликованы за многие годы в различных изданиях. Большинство из них – критические. Обнаружить зло и, собрав

подтверждающие факты, взять его за шиворот, вытащить на свет божий и суд людской – тут схема, в общем-то, определенная, достаточно простая. При этом он всегда учитывал, что на каждый нанесенный им удар в печати противник постарается непременно ответить ударом. Поэтому нужно самому досконально все проверить, убедиться в безукоризненной точности фактов и только тогда приниматься за статью. Иначе... Это как в боксе: пошел в атаку, открыл, обуянный азартом, челюсть и можешь оказаться на полу. Таких промахов, когда он кого-то резко критиковал, низвергал, у Олега, насколько ему помнилось, не было. А вот с Мишей Мусакуловым, другом детства, которому он хотел помочь, получилось, судя по всему, наоборот.

Как же это вышло?.. Миша смотрел на него, будто с экрана черно-белого старенького телевизора. Казалось, он чего-то ждет. Без напряжения, совершенно спокойно, располагая для своего ожидания вечностью.

Олег мучительно перебирал варианты, все пытался найти, где же он ошибся, пошел по ложному пути, в результате чего навредил Мише? Впрочем, в нем роились противоречивые чувства. Писал-то он, исходя из того, что Миша ему рассказывал. Про те же каждодневные дни рождения с пьянками. Наверняка такая традиция сложилась в бригаде еще до него. Вот он и был сломлен. О чем весьма красочно и писалось в статье...

Стоп, останавливал себя Олег, которому пришла в голову шальная мысль: а что, если именно его друг сам породил в бригаде привычку к каждодневным пьянкам? Мало ли что его на это толкнуло. Неразделенная любовь, например. Тогда после статьи ему действительно могли устроить крепкую разборку... Невдашов говорил, что он сильно напился, а пить ему уже было нельзя. Может, Миша лечился от пьянства, а тут эта статья?..

Причины того, что неожиданно происходит с нами, зачастую напоминают лесные грибы, которые спрятаны под ворохом слежалой листвы. Далеко не сразу удастся их найти. Олег то пытался оправдывать себя, то корил. Конечно, если бы, дескать, не спешка, с которой готовилась статья, если бы ему довелось все досконально узнать... Но что же все-таки было сначала: он согласился писать на эту тему или захотел таким образом сделать доброе дело для Миши? Не получилось ли

так, что, выручая редакцию, он подставил своего друга, усугубил его положение?

Та бессонная ночь с украденными луной и фонарем и множество ночей подобных, когда только приход зыбкого, вялого рассвета прекращал пытку прошлым, заставили Олега по-иному взглянуть на некоторые события, эпизоды своей жизни, которые, казалось, быльем поросли, в них, казалось, все ясно, его поступки почти безупречны и бессмысленно их ворошить. Увы!.. Запоздалое раскаяние приводит к трудному, болезненному самоочищению – словно кожа сдирается с души.

Миша или находился рядом, потусторонним наблюдателем, или вовсе исчезал из вида. Выражение его лица едва заметно менялось в зависимости от того, какие борения умонастроений велись в Олеге и какое из них брало верх. Если для Олега покаяние и все связанное с ним еще имело смысл, то для него, пожалуй, вряд ли. Хотя как могут судить об этом живущие?..

Шоистаи РАВШАН

РАССКАЗЫ

ТВОЕЙ ДУШИ ОЧАРОВАНИЕ

Сегодня я купила кучу разноцветных свеч. Вспомнила присушие тебе пристрастия и приобрела в цветочном магазине твои любимые цветы – розы, орхидеи и белые лотосы. Потом направилась к магазину «Лакомка», где встретила знакомую нам много лет продавщицу, у которой мы часто покупали твои любимые сладости. Эта симпатичная женщина встретила меня с улыбкой...

– У вас праздник сегодня?

– Да, праздник – Ночь чествования души... при свечах!

– Выбирайте, здесь есть все любимые сладости вашего супруга.

– С удовольствием, я за этим и пришла.

Все верно, он очень любил вот этот наивкуснейший торт. С какой восторженной радостью он встречал меня, когда я входила в дом с тортом в руке. Вился, смеясь вокруг меня, маленькой ложечкой изящно отрезал лакомый кусочек и, отправив в рот, восхищенно говорил:

– О, какое чудо! Какой божественный вкус! Спасибо тебе, моя дорогая! Спасибо, душа моя!..

В такие вечера, когда наш стол украшали сладости, ты любил зажигать свечи, и чтобы обязательно были живые цветы. Ты спешил за ними в цветочный магазин, выбирал и приносил домой самые свежие и самые красивые. Наполнив вазу водой, бережно ставил каждый цветок по отдельности в вазу. Потом ставил всю эту красоту на стол, расставлял вокруг бу-

кета горящие свечи, из опавших лепестков собирал на столе причудливые узоры. Весь дом наполнялся цветочным ароматом, который будоражил наши сердца и возбуждал восторженную страсть. Ты был таким чутким и таким все понимающим другом...

А каким ты был мудрым и заботливым отцом... Прежде всего, перед обедом мы по твоему настоянию должны были выпить по стакану чистой прохладной воды, потом отведать овощные салаты и только потом приступали к основному обеду. Полчаса спустя ты, вооружившись ножом, приступал к разрезанию торта и, ставя по кусочку на тарелки, говорил:

– Пожалуйста, приступайте к трапезе, милая госпожа моя и мои богатыри, сыночки мои ненаглядные, цветы моей жизни, самые родные мои на этой земле!

Твое приподнятое настроение передавалось нам, твои по-детски наивные шутки веселили нас и окрыляли... Какими счастливыми мы были в эти часы! От мерцающих свечей веяло романтикой, пространство наполнялось ожиданием чего-то волшебного, неземного... Ты очень любил классическую музыку. Бетховен и Шопен были твоими любимыми композиторами. Когда ты слушал симфоническую музыку, твое лицо преображалось, озарялось светом, я в такие минуты не могла оторвать взгляда от твоего прекрасного лица. О, эти приспущенные бархатные ресницы, эти смоляные кудри! Ты витал на просторах своей любимой музыки, а я самозабвенно любовалась тобой, и помню, как сладко мне было, как я боялась нарушить эту идиллию, я даже дышать боялась в такие минуты!.. И дети, наши дети, замирали, глядя на нас... Мальчики, молча, удалялись в свои комнаты. Они понимали, что отец в такие моменты целиком уходит в свои мысли и переживания.

Работа у тебя была очень тяжелой: исследования, консультации, операции, любая операция – риск для жизни пациента и гарантий на ее удачный исход нет. Бывает, что смерть побеждает. В такие ночи ты не сдерживаешь своих слез. Слезы из больших, бездонных глаз заливают твое скорбное лицо. Я осторожно осушаю полотенцем твои щеки и говорю:

– Мы будем молиться за этого парня (... девушку... старушку...старика.). Пусть его душа обретет покой на небесах. Не кори себя, ты сделал все, что от тебя зависело. Это судьба. Ты не всемогущ, мы все смертны пред Богом... Я, как могла, успокаивала тебя, гладила твою курчавую голову и просила не казнить себя...

— Десять часов ты стоял в операционной, десять часов упорного труда. Подумай и о себе, любимый. Иди прими ванну и ложись спать. Отоспись, завтра ты будешь нужен другим больным...

И когда ты впадал в глубокий сон, я еще долго стояла, вглядываясь в твое усталое лицо, понимала тебя и жалела тебя... С утра и до позднего вечера (а иногда до рассвета) ты пропадал на работе. Если операция завершалась успешно, невзирая на физическую усталость, ты входил домой с улыбкой на лице, целовал всех нас поочередно, и мы, твоя семья, без слов понимали, что кому-то ты сегодня спас жизнь. Мы радовались за тебя, благодарили Аллаха, и радости нашей не было конца.

Однако, однако... Ирония судьбы... Ты сам попал на операционный стол. Сердце. Инфаркт. Ведь ты у нас был всезнающим доктором и всем нам говорил, что с сердцем шутить нельзя, что сердце надо беречь. В последнее время твое сердце шалило. Однако для своего сердца у тебя не было времени. Увы! Это случилось. Тебя оперировали твои ученики. В тот день у дверей больницы собрались все твои друзья. У дверей операционной стояли все корифеи врачевания республики — доценты и профессора — но что делать, как спасти тебя, никто не знал. Знаменитый хирург сам сегодня нуждался в хирурге. Сегодня хирургический скальпель спасал твое тело.

Мы, все члены твоей семьи, стояли потерянные и потрясенные внезапно обрушившимся на нас горем. Никогда не думали, что ты, герой нашей семьи, наш веселый и находчивый лидер, окажешься в таком беспомощном состоянии. В нашем сознании, само собой, утвердилось убеждение, что заболеть ты себе не позволишь, ведь ты сам большой доктор и сможешь заранее предупредить любую болезнь. Но ты, вылечивая от болезней других людей, не находил времени для борьбы с собственным недугом. Люди всегда прислушивались к твоим советам, следовали твоим наставлениям по сохранению здоровья и правильного лечения. Твои коллеги всегда консультировались с тобой и часто по ходу операции звали тебя помочь им или звонили, чтобы услышать совет по внезапно возникшей сложной ситуации. Ты никому не отказывал, в любое время суток, если возникала такая необходимость, ты спешил на помощь, чтобы спасти чью-то жизнь. Для тебя это было делом чести. Почти все дни твоей жизни проходили в таком сумасшедшем ритме. И вот настал день, когда не выдержало твое

сердце. Прямо во время операции у тебя случился инфаркт. Со скальпелем в руках ты рухнул на пол. Как случилось, что твои коллеги не смогли спасти тебя?! Невозможно поверить. Почему? Как так случилось, что тебя не спасли? Раз за разом я спрашивала врачей. Человек, который никогда серьезно не болел. Да, был замучен работой, неимоверно усталый был... Почти не отдыхал... Но...

В коридоре больницы, кроме нас, твоих близких, собрались твои друзья-хирурги, именитые светила медицины республики и вместе мы ждали вести о состоянии твоём. Часы на стене отстукивали час за часом... Мучительное ожидание... Ну почему никто не выйдет из операционной и не поддержит нас надеждой? Когда же выйдут и объявят, что операция завершилась, что доктор профессор Ардашер Азими спасен!!! Я временами не слышала стуков собственного сердца, но не теряла надежды на чудо. Отбрасывала все плохие предчувствия, представляла тебя веселого и здорового. Вспомнила, как ты заботился обо мне после рождения наших детей, ты уговаривал меня спать и не тревожиться о новорожденном. Брал плачущего ребенка в свои объятия и, что-то приговаривая, укачивал его на руках, пока он не засыпал. Самым удивительным было то, что ты вел с новорожденным беседу, что-то ему рассказывал, сам задавал вопросы и сам отвечал на них, и ребенок будто понимал тебя, вскоре засыпал. И тогда ты тихонечко укладывал его в кровать. И он погружался в безмятежный сон. Ты был моим верным помощником во всех моих хозяйственных делах. Никогда не разделял обязанности по дому на женские и мужские. Помогал мне в приготовлении обеда, стирке, покупке продуктов, одним словом, был соратником во всех наших житейских делах. То ли в шутку, то ли всерьез, часто говорил: «Хочу, моя любимая, чтобы ты всегда была у меня такой красивой, как сейчас, не хочу, чтобы на твоём прекрасном лице появились преждевременные морщинки! Будь всегда молодой и благоухающей, как сейчас!»

Двери операционной открылись. Мы все бросились профессору навстречу. По его бледному измождённому лицу катились слезы. Его испуганный, беспомощный взгляд искал меня...

— Как? Как все прошло? Скажите, что с ним?!

Этот доктор был другом и учеником моего мужа. Они всегда были вместе и на работе, и в выходные, и в праздники... Он обнял меня, чтобы не дать упасть.

— Потеряли мы устода! Ничего не смогли сделать! Мы не смогли спасти его! Простите! Простите меня!

В этот момент все стены моей жизни обрушились на меня. Все окна мои, все двери разом рухнули на землю. Я стояла на обломках моей жизни...

— Мой Ардашер! Мой защитник! Как случилось, что ты не уберег себя?! Почему ты всех любил, а о себе не думал?!

Мои причитания лились сами собой. Я потеряла от горя чувство пространства и времени. Никто не мог меня остановить... Брызгали мне воду на лицо. Успокаивали, что-то говорили... Но пожар отчаяния все больше и больше разгорался в моей груди, все мое существо не могло смириться с тем, что я потеряла тебя навсегда, что тебя больше не будет в моей жизни!..

Весь мир стал для меня холодным, бесцветным, равнодушным и бессмысленным. Я разом постарела, морщины покрыли вчера еще молодое и гладкое лицо. Я теперь не красавица — жена твоя... я трауром окутанная, сгорбленная вдова теперь... Нет тебя с нами. Ты нас покинул. Оставил меня, и сыновей своих оставил... Слезы лились и лились из моих глаз... Наши мальчики, три наших сына, были в то время подростками. Горе обрушилось и на их хрупкие плечи.

Прошли годы. В наш дом так и не вернулось то тепло, которое ты унес с собой... Но сегодня я решила зажечь твои любимые свечи. Сегодня день твоего рождения. Видишь, мой милый, как горят свечи? На столе стоит твой любимый торт, твои любимые лакомства. Звучит твоя любимая музыка. И цветы, цветы... Все три сына одновременно вышли из своих комнат.

— Что случилось, мама? С тобой все в порядке? Почему звучит папина музыка?..

Младший заплакал...

Я поцеловала всех троих и сказала: «Я решила этот вечер посвятить нашему папе. Он сейчас смотрит на нас и хочет, чтобы вы знали, что он с нами и будет с нами всегда, пока мы есть на этой земле!»

Бетховен и Шопен вернули нас в добрые старые времена... мы молча слушали великую музыку и боялись нарушить твой покой.

— Светлый дух вашего отца сегодня с нами! И с нами он будет всегда, где бы мы ни были!

Глаза моих мальчиков засветились. Впервые за долгое время я видела улыбку на их лицах.

— Мы ведь не хотим печалить дух нашего папы? Будьте всегда такими же веселыми и заботливыми со своими близкими, как ваш папа. Смотрите, как полыхнула свеча! Музыка зазвучала громче! Он здесь! Он с нами!

Я представила откинувшегося в кресле с прикрытыми ресницами мужа... Он весь был во власти захватившей его музыки... Он наслаждался общением с любимой женой и милыми детками своими... Я села ближе к его креслу, провела ладонью по его черным кудрям... Но он молчал...

КОКУ-ОДУВАНЧИК

Помню, как-то в детстве мама дала мне желтый цветок.

— Мама, а как называется этот цветок? — спросила я.

— Коку-одуванчик, — ответила мама.

— Кокууу-одуууванчик! Как красиво! — воскликнула я. Мама обняла меня и сказала:

— Кто в начале весны возьмет в руки цветок одуванчика и проведет им по своему лицу, тот до конца своей жизни останется весенним и лицо его никогда не покроют морщины. До сих пор я помню и верю этим словам моей любимой мамы. Как увижу по весне первые желтые цветочки, вспоминаю маму и тот день, когда я узнала о волшебных свойствах такого обыкновенного одуванчика. Я беру в руки цветок и играю с ним, как играла в детстве. Я запомнила каждый день своего детства и несу бережно по жизни свои детские восторги и удивления. В эти свои годы я могу сказать, что слова моей мамы сбылись. Я не потеряла любовь к прекрасному, сохранила в себе тот восторг и то чувство счастья от сознания причастности меня к этому миру. Каждое высказывание моей мамы я несу в себе как напутствие, и всегда, когда меня настигают трудности этой жизни, я вспоминаю желтый весенний одуванчик в руке моей мамы. Цветочек одуванчика бережет меня. Закрываю глаза, и оживает тот день, когда моя красивая, молодая мама протягивает мне первый весенний цветок. Мамин подарок дает мне силы и настроение, он всегда со мной.

Скоро придет новая весна, и первым вестником ее будет одуванчик. Желтые цветочки взойдут на лужайках, на полях,

вдоль арыков, они снова вернут меня в незабываемые дни моего детства, когда была жива мама. Приди, взойди, мой цветок коку – мой одуванчик, принеси мне новые воспоминания, новую радость принеси мне! В моих мыслях ты самый важный цветок, для меня ты красивее, чем все пышные розы и астры всего мира. Желтый цветочек моей мамы, хранитель и утешитель мой в этом многообразном и полном проблемами мире. Цветок коку-одуванчик, моей мамы цветок!

РИСУНКИ НА СНЕГУ

Как-то выпал большой снег и покрыл наш двор белым пушистым одеялом. Я была маленькой девочкой и очень любила наблюдать падение с неба белых, пушистых снежинок. Вся земля вокруг моментально преображалась, и, когда выглядывало солнышко, невозможно было без рези в глазах смотреть на эту волшебную красоту. Я любила рисовать на снегу длинной палочкой образы моих близких – сестер, брата, маму с папой и, конечно, моих бабушек и дедушек. Любила я рисовать по свежему снегу ранним утром. Вскакивала с постели и, выбежав во двор, тут же приступала к своему любимому занятию. В одно такое заснеженное утро я проснулась позже обычного и поспешила к окну посмотреть, на месте ли мое художество... И, о ужас! Моя мама с огромной метлой в руках энергично сметала мои наснежные картины. Я выбежала во двор и устремилась к маме:

– Мама! Ты зачем мое снежное поле испортила?! Я здесь начала рисовать и хотела сегодня продолжить...

Мама выпрямилась и сказала:

– Доченька, если я сейчас не прочищу дорожку через наш двор, снег подтаает и превратится в ледяное поле. Ты выйдешь на улицу, поскользнешься и упадешь.

В этот момент я поняла, что мама делает доброе дело. Я подошла к ней и с чувством безграничной благодарности обняла ее...

– Спасибо тебе, моя мама, моя любимая мама, что ты чистишь мою дорожку, что так заботишься обо мне!

Мама сказала в ответ:

– Я всегда, пока жива, буду внимательно следить за чистотой твоих жизненных дорог, чтобы ты, моя доченька, нигде

и никогда не соскользнула, не споткнулась, чтобы не удари-
лась больно!

И сегодня я чувствую, как моя мама сметает своей длин-
ной метлой с моего пути весь мусор, все нечистоты, все бо-
лезни и напасти. Она бережет и хранит меня. Я давно уже не-
молода, но при случае рисую палочкой на снегу свои родные
образы. Вижу, что нет уже с нами мамы, папы, бабушек и деду-
шек... Но они живы в моей памяти, и я рисую их лица на новых
снегах и хочу, чтобы они вечно оживали в моих «галереях»,
пока живу я...

Сыпется белый снег. Каждый раз, когда падает с неба бе-
лый снег, вскипает во мне мое художественное вдохновение.
Оживают мои детские чувства, и возникает, пробуждаясь, рве-
ние, желание рисовать.

Кружи, кружи и падай, белый снег, создай для меня бе-
лое полотно, чтобы могла я на нем изобразить лица моих
родных, ушедших в безвременье. Эти мгновения повторяют,
отражают мою жизненную философию. Пусть сегодня земля
забрала, впитала в себя образы моих предков, но сколько но-
вых родных образов появилось в моей жизни: мои дети, мои
внуки. Как хорошо, что увеличилось число лиц, что я рисую на
своих снежных полотнах. Слезы застилают мои глаза, но моя
кисть, словно волшебная палочка, готова творить... Где род-
ные лица моих родителей, где лица моих дедушек и бабушек,
лица, которые я видела наяву и в своих детских рисунках? По-
чему так быстро они ушли от меня? Как быстротечна река жиз-
ни. Только в моем сердце и в моей памяти будут вечно жить
их образы. Кружи, кружи и падай, белый снег моего детства.
Ложись, складывайся слоями, чтобы я могла нанести на тебя
образы моих родных. Чтобы могла я с умилением смотреть на
их лица. Вспомнить, насладиться, всплакнуть и сказать:

— О, как я люблю белый, чистый снег моего детства!
Сыпсья, сыпсья, легкий, пушистый, белый снежок, бальзам
для сердца моего, родина моих рисунков, хранитель моей па-
мяти. Кружи, кружи и падай, белый снег!

ТУМАН

Рассказ

– Вас он тоже притягивает? – где-то совсем рядом прозвучал женский голос.

Игнат слегка вздрогнул, он был глубоко погружен в свои размытые мысли и почти задремал. От дыхания запотело замерзшее снаружи окно. Игнату показалось, что вопрос был обращен к нему. Он вынул наушник телефона из правого уха и повернул голову. Рядом сидела девушка и смотрела на него.

– Извините, вы что-то сказали? – спросил Игнат.

– Да, – ответила девушка и улыбнулась, – я спросила, вас он тоже притягивает? Я имею в виду туман. Просто вы словно заморожены им. – Она кивнула в сторону окна. Сквозь запотевшее стекло были видны контуры деревьев и густая мутная пелена тумана, почти полностью заволокшая поля. Деревья мелькали, а туман никуда не двигался, был одинаков на всем своем протяжении.

– Да, – задумчиво сказал Игнат, не отрывая взгляда от окна, – есть в нем что-то inferнальное...

– Inferнальное? – удивилась девушка и перестала улыбаться, – это, наверное, от того, что туман есть нечто потаенное и неразгаданное. Вас страшит неопределенность, она не передается словами. Извините, если влезаю в ваш внутренний мир.

Колесо наскочило на кочку, и салон тряхнуло. Несколько человек охнуло от неожиданности. Игнат этого не заметил, взглянул на девушку. Она села рядом с ним очень давно и в другой реальности, даже спросила, свободно ли место. Та реальность осталась позади, за чертой города закончилось ее пространство.

Совершенно незнакомое лицо, миловидное и...интересное. Длинные прямые рыжие волосы. Не то карие, не то зеленые глаза. Тонкие губы и широкий нос. Он увидел ее только тогда, когда она с ним заговорила. Интересно, кого видела она...

Игнат не стал долго всматриваться, чтобы не смутить собеседницу и не смутиться самому. В левом наушнике до сих пор звучала музыка, Игнат глянул на телефон и выключил ее. Тишины не прибавилось, музыку сменила фраза «вас страшит неопределенность». Она тут же растеклась по сознанию, не имея четкой формы. Страшит ли его неопределенность? И что скрывает за собой это слово?

Время сегодня было очень медленным и тягучим, соответствуя восприятию происходящего или же самому происходящему. День для Игната не содержал событий и целей, но, несмотря на это, длился и проходил. Возможно, где-то между часами или минутами и затаилась гнетущая неопределенность. Возможно, она тянулась со вчера, с позавчера, началась неделю или месяц назад. Была невидна и все равно ощущалась и вызывала опасение. Или ее вовсе не было и его ничего не страшило, и фраза рыжеволосой девушки не имела ничего общего с нынешним состоянием Игната. Он просто ехал из города в деревню, менял обстановку, реальность и ход мыслей. Шла суббота, что ему еще оставалось делать. Два выходных, начало декабря, случайная девушка, сидящая рядом, и туман за окном. Никаких совпадений. Он просто ехал в гости навестить старого друга, которого не видел уже очень давно. Рыжая девушка тоже ехала куда-то и к кому-то, ехала откуда-то, у нее тоже есть своя история. Две истории пересеклись на минуту.

От лобового стекла отделяли три пассажирских сиденья и сиденье водителя. Если немного приподняться над ними, то все равно ничего не увидишь, кроме небольшого отрезка дороги, освещенного фарами. То же самое видел и водитель, поэтому ехал очень медленно.

— Что же потаенного может быть в тумане? — спросил Игнат, чувствуя, что пауза в начавшемся разговоре до неприличия затягивается. — Скажем, водитель не видит сейчас дороги, но он ведь знает, что она есть, и знает, куда она ведет. Туман сокращает видимость и повышает опасность столкновения с машинами, едущими на встречу. В этом и зловещее, как по мне.

– Вы, наверное, материалист? – предположила девушка. У нее на коленях лежал небольшой рюкзак, и она мяла его лямки в ожидании ответа, затем быстро прекратила. – Вы смотрите прямо при поиске дороги и думаете, что она одна. Может, так оно и есть на самом деле. Затем вы посмотрели в сторону, чтобы отвлечься на время пути. Неужели туман не привлек ваше внимание?

Только как фон, подумал Игнат, какой в этом пейзаж. В окно видны лишь контуры деревьев, и совсем ничего за ними, ни полей, ни тем более гор, ничего. Его мысли и так размыты, в голове никак не проглядывается завтрашний день, ни к чему отвлекаться на созерцание тумана.

– Отчасти да, – ответил Игнат, – но только потому, что, кроме него, в окно ничего не видно. Так бы я смотрел на горизонт.

– Да, горизонт исчез, – сказала девушка и глянула в окно из-за плеча Игната, – меня туман именно этим и привлекает.

– Чем именно? – спросил Игнат и с долей интереса посмотрел на девушку, даже повернулся немного. Разговор начинал затягивать и отвлекать от мыслей, которые не хотели думаться сегодня.

– Тем, что благодаря ему не видно горизонта, – сказала девушка и глазами уклонилась от взгляда Игната, – туман отменяет все границы и условности. Для тумана существует только он сам вне зависимости от того, где находится. Он – стихия.

Прикрытие еще не означает отмены, подумалось Игнату, оно лишь дает фантазии дополнительное пространство для полета. Мысли не летят дальше, лишь выются, совершая большее движение, но оно круговое и никуда не в состоянии привезти, кроме как обратно к началу.

В голове появилась новая идея, о круговом вращении мысли. Какая-то странная, неказистая, почти пустая. Не имеющая в себе ценности. Идея о том, что если мысли никуда лететь, то она возвращается обратно и ни с чем. И дело даже не в отсутствии воображения, а в том, что в таком случае она лишена цели. Мыслительный процесс становится бессмысленным и за циклируется сам на себе. Как, скажем, человек, которому никуда идти. Он будет постоянно идти по кругу, какого бы диаметра тот ни был. Путь может занять много времени, но человек все равно вернется к пониманию того, что идти никуда или стало никуда. Количество поворотов не играет роли.

Анна в тот момент подумала, что, наверное, трудно человеку не верить в чудо и жить в рамках рациональности и скептицизма. Трудно, наверное, закрывать глаза при невозможности отвернуться. Это казалось ей таким скучным и ошибочным.

Молодой человек, который сидел с ней рядом, и до начала разговора завороченно смотрел в окно, показался ей интересным и мыслящим. Поднял ворот куртки и всем видом демонстрировал закрытость. Он мечтатель, решила для себя Анна, с ним можно поговорить. Но он холодный, что-то такое случилось с ним, что заставило остыть и растеряться в мире.

Теперь же он не казался мечтателем, слишком рациональным был ход его мыслей, однако в нем виделась искренность, закрытость не была демонстративной. Куда же вела его эта едва различимая в тумане дорога? Грусть в глазах выдавала неопределенность. Он боится неопределенности.

Анна незаметно вздрогнула и поежилась, ее сапоги совсем прохудились. Она редко об этом вспоминала. Она ехала в тот город, потому что не была там еще ни разу и ей хотелось его посетить. Побродить по улицам и помахать людям в окнах. Бросать над собой снег и смеяться. Покинутый город ждал ее обратно, готов был ждать вечность. Чего же боюсь я, подумала Анна.

Там ведь точно есть что-то, за обочиной, за деревьями, там, в тумане. Ее сердце колыхалось от размытого вида за окном, иную секунду было даже трудно сдержаться, чтобы не выкрикнуть «эй, очнитесь! Неужели вы не видите?!» Анна хлопнула ладонями по лежавшему у нее на коленях почти пустому рюкзаку.

А люди в салоне тем временем стали засыпать. Лишь водитель сохранял бодрость, чертыхаясь на погоду и встречные автомобили, порой так неожиданно выскакивавшие из-за поворота.

— У вас, наверное, богатое воображение, — сказал Игнат после задумчивого молчания и улыбнулся. Мысль совершила круговое движение и вернулась обратно. Вокруг ничего не было найдено, но девушка начинала ему нравиться. Почему он не заговорил с ней первым? Как бы его в краску не бросило.

— Да, вы правы, — ответила Анна почти сразу, хоть в ней и появилось ощущение того, что разговор завершен и благополучно отправлен в прошлое.

– И, стало быть, образное мышление? – спросил Игнат с долей заинтересованности.

– Скорее образное, чем какое-либо другое, – неуверенно ответила Анна.

– В таком случае как вам может нравиться туман? – задал очередной вопрос Игнат. – В нем ведь размыто все и отсутствуют какие-либо очертания. Эта стихия затмевает не только линию горизонта, но и горы, поля, деревья и даже дорогу. И при этом она сама лишена образности. В ней не видно ничего, даже ее саму, так как это всего лишь капельки воды, застывшие в воздухе. Каким может быть образ, если ты не видишь его?

Взгляд Анны прошел сквозь Игната и окно, скользнул сквозь время. Что-то возникло у нее в голове, но она сама не могла понять это и не могла облачить в слово. Чувство материального накатило волной, подкинуло вверх и понесло к берегу то ли понимания, то ли необитаемого острова.

В ее сознании всегда возникали образы, причем не только материального мира. Они находились под контролем или существовали автономно: изменялись, переплетались, испарялись. Но они были ощутимы и видны. И для их видимости главным условием служила ясность. Потому что образы не могли быть сами по себе, они обязательно к чему-то вели, создавали произведение. Туман же в данной связи представлял собой субстанцию иного характера. Образ мог заблудиться в тумане. Мало того, мог вовсе не возникнуть.

В голове появилась идея о невидимом образе. Невидимый образ как чистый лист или холст, как молчащий в футляре музыкальный инструмент. Где он может существовать и куда отправиться? Что послужит подтверждением его существованию? Невидимый образ будет бродить в пустоте, подталкиваемый вдохновением. Он пройдет путь в тысячи километров, и в итоге выяснится, что не сдвинулся с места. Как, скажем, человек, у которого ничего нет.

Игнат в тот момент подумал, как трудно, наверное, вечно летать в облаках и не чувствовать земли под ногами. Как трудно прорехи в реальности прикрывать фантазиями. Но в этой девушке все-таки есть что-то необычное, если она не притворяется.

– Но мне ведь известно, как выглядят и горизонт, и горы, и поля, – сказала Анна. Невидимого образа не возникло, ее

внимание вернулось к Игнату и в настоящее время, – даже сейчас, когда я их не вижу. И пусть я не вижу в отдельности каждую капельку воды, застывшей в воздухе, я вижу их все в виде тумана. Кроме того, туман сам по себе реален, значит, может быть образом или местом, в котором образ возникает. Нужно только представить.

– Интересная мысль, – кивнул Игнат и скрестил пальцы, – мне следует подумать над ней.

– У вас, выходит, аналитическое мышление? – спросила Анна.

– Да, – согласился Игнат, – порой даже слишком.

– Вот почему вам не нравится туман, – улыбнулась Анна, – какой в нем может быть анализ, сплошные неизвестные...

– Хм, я об этом не подумал... – пришел в некоторое замешательство Игнат, – может, вы правы, если иметь в виду переносное значение слова «туман». Скажем, «туманное» как «неизвестное». Просто это явление в прямом его значении меня совсем не привлекает. Я не вижу в нем ничего особенного. И не знаю, что конкретно можно о нем поразмыслить.

– Но если даже не размышлять, – ухватилась за нить диалога Анна, и глаза ее сверкнули воодушевлением, – можно просто смотреть на него и получать удовольствие от увиденного.

– Я вряд ли смогу получить от этого удовольствие, – сказал Игнат, и вдруг почувствовал некую тяжесть внутри, скованность. Такое случалось временами, это чувство было неприятно. Игнат все никак не мог понять, откуда оно берется.

– Слушайте, – сказала Анна, ее наполнили непонятная легкость и воздушность. Она никогда не могла подобрать точных слов для объяснения этого состояния, поэтому старалась никому не говорить о нем. И сама с собой говорила о легкости крайне редко. Легкость вызывала опасения, Анна могла раствориться в воздухе, – а вам казалось когда-нибудь, что внутри тумана что-то есть?

– Внутри него? – переспросил с удивлением в голосе Игнат.

– Именно, – кивнула Анна, – кто-то или что-то там находится. Дело в том, что туман, закрывая один горизонт, вполне возможно, образует свою реальность с другим горизонтом. Когда я вижу туман, у меня постоянно возникает ощущение, будто я смотрю в другой мир.

— Но горизонт с появлением тумана никуда не девается, — возразил Игнат, — его просто не видно. А другой мир является лишь плодом вашего воображения.

— Как сказать, — ухмыльнулась Анна и посмотрела в окно, — может быть, он действительно исчезает. Или это действительно плод моего воображения. А может, все исчезает под воздействием воображения.

Игнат тихо хохотнул и качнул головой.

— Чему вы смеетесь? — спросила Анна, не находя свои слова смешными.

— Нет, вы не подумайте, что я сейчас смеялся над вами, — сказал извиняющимся тоном Игнат и посмотрел Анне в глаза и вновь не понял, карие они или зеленые, — просто мне вдруг вспомнился один сон... Извините, а как вас зовут?

— Анна, — добродушно сказала Анна и улыбнулась.

Игнат тоже представился, и они пожали друг другу руки. Ладонь Игната оказалась холодной, ладонь Анны — на удивление теплой. И оба одновременно подумали, отчего же так. И не заметили, как время вокруг стало стремительно замедляться. Все остальные пассажиры уже крепко спали.

— Расскажите об этом сне, Игнат, — заинтересованно попросила Анна после рукопожатия, — если вам сейчас что-то напомнило о нем. Каким бы странным он ни был.

— Вы правы, он был довольно странным, — согласился Игнат и тут же замаялся, — но не думаю, что стоит говорить об этом.

— Расскажите мне о нем, — настаивала Анна, — это ведь вам ничего не стоит.

Игнат никогда не воспринимал сны всерьез, считая их иррациональными вспышками, не имеющими смысла. Они ему не запоминались или же забывались очень быстро. Но один сон все-таки запечатлелся в памяти, причем на долгие годы.

Анне нравились сны как явление. Ей казалось, что в них таится что-то общее с тем, что таилось в тумане. Как будто сны и туман имели связь. Она часто запоминала свои сновидения и подолгу размышляла над ними, чаще всего не находя объяснений. Ей не хватало последовательности в поиске, порой внимания к мелочам. К тому же время своим бурным потоком часто вымывало из головы недостающие крупницы почти сформировавшихся теорий.

Упоминание сна не могло не заинтересовать Анну. По

мере продолжения разговора она находила все больше и больше странных совпадений в их встрече с Игнатом.

— Не томите, рассказывайте, — попросила Анна, едва сдерживая нетерпение, — только максимально подробно, пожалуйста.

Игнат сначала удивился такому неподдельному интересу собеседницы, затем задумался, может, действительно он вспомнил о сне неспроста и в этом есть еще что-то, кроме совпадения.

— Во сне я оказался в темном лесу, — начал рассказывать Игнат, — не помню, что за деревья там были, но они были очень высокие. Ветви над головой так заплетались, что сквозь них почти не проглядывалось небо. Мне не хотелось быть в этом лесу, внутри я чувствовал тревогу, и сердце билось быстро, я испытывал страх. Никаких дорог и тропинок в нем не было, поэтому я шел просто прямо, довольно долго. Пока не вышел то ли на луг, то ли в поле. Все застилал густой туман, примерно такой же, как и сейчас за окном. Хотя нет, тот туман был намного гуще, напоминал молоко. И запах у него был как у молока. Не скажу, что мне стало легче, но страх внезапно пропал. Я пошел по полю. Видел лишь на несколько шагов вперед. Земля под ногами отчего-то хрустела, и звук этот меня успокаивал. Я шел, пока не почувствовал дуновение ветра. На меня подул легкий теплый ветерок, и я остановился. Воздух внутри тумана вдруг необъяснимым образом изменился, стал другим, более мягким, что ли. И туман слегка разъяснился. Я прислушался и услышал тихие шаги, но мне показалось, что движется при этом что-то очень большое в размерах. Шаги приближались, их звук становился все отчетливее. Через несколько секунд я ощутил дыхание того, кто направлялся ко мне, а затем и увидел его...

— И кто это был? — спросила Анна. Игнат сейчас напоминал человека, введенного в гипноз. Во время рассказа он протянул руку вперед, почти касаясь пальцами спинки соседнего сидения. — Кого вы увидели?

— Я увидел белого слона, — сказал Игнат и опустил руку. Состояние, напоминавшее гипноз, тут же улетучилось.

— Белого слона? — переспросила Анна и хлопнула по рюкзaku от удивления.

— Да, передо мной стоял огромный белый слон, — кивнул Игнат, — он вышел ко мне прямо из тумана. То, что я принял за теплый ветерок, было его дыханием. Слон смотрел на меня, я

на него. Мы оба замерли на некоторое время. А потом он протянул мне хобот, в нем оказался какой-то свиток. Я взял его. Свиток был из хрустящей желтой бумаги, был такой теплый. Затем слон качнул головой и махнул ушами, точно просил прочесть переданное, посмотрел на меня и исчез. Я ничего не успел сделать, ни пошевелиться, ни произнести хоть слово. Посмотрел на руку, она была пустая. Свиток тоже исчез вместе со слоном. После чего я проснулся. Такой вот сон.

Анна задумалась и опустила голову, уставившись на рюкзака. Похоже, она была чем-то озадачена. Их диалог со странной спонтанностью прерывался на длительные и необъяснимые паузы. Игнат достал из кармана куртки телефон, нажал на кнопку и посмотрел на экран. Часы на экране показывали четверть второго, маршрутка была в пути всего двадцать минут. Игнату показалось, что намного дольше. Он убрал телефон обратно в карман.

– Извините, что замолчала, – сказала Анна и подняла голову. Скрестила пальцы на рюкзаке, – Игнат, ваш сон весьма занимательный. Вы слукавили, сказав, что туман вас не ворожит. Почему вы не хотите найти в нем своего слона?

– Анна, – произнес Игнат и развел руками, – это был всего лишь сон, а за окном всего лишь туман. Или вы шутите сейчас?

– Совсе нет, – она покачала головой и будто слегка обиделась за то, что ее не хотели воспринимать всерьез, – я не шучу. Почему бы не поверить во что-нибудь иррациональное? Там вы ни разу не искали ответов.

Она словно по сознанию моему ползет, мелькнула мысль в его голове. Такая необыкновенная девушка, кто она и откуда. И зачем ей весь этот разговор? В Игнате всплыло по умолчанию установленное чувство недоверия к незнакомым людям. К тому же, может ли она разобраться в себе. Анна боится яви и определенности.

– Не искал в грезах? – спросил Игнат.

– В потаенном, – ответила Анна, – в потустороннем, если угодно. Вам все это приснилось не просто так, не просто так вы это запомнили. Вам нужны слон и тот свиток, который он вам передал. Вы отмахнулись от него и не ищите. В этом суть всех ваших проблем.

– В чем же суть ваших проблем? – спросил Игнат, раз уж беседа принимала столь откровенный характер.

– Я... – запнулась Анна и посмотрела в окно, – ...могу я вам сказать чуть позже?

– Как вам угодно, – сказал Игнат и увидел, что взгляд Анны в данный момент прикован к чему-то за окном, – Анна, что-то случилось?

– Думаю, да, – загадочно произнесла Анна, – Игнат, а лес из вашего сна состоял не из таких деревьев?

Игнат повернулся к окну и посмотрел. На обочине он увидел высокое черное дерево с длинными и густо переплетенными ветвями. Оно было намного выше и крупнее соседних карагачей, посаженных на всем протяжении дороги, и не походило на них. В груди Игната дрогнуло сердце. Он совсем не помнил, из каких деревьев состоял лес из сна, но это, увиденное на обочине, их очень напоминало. Лишь спустя несколько секунд Игнат заметил, что маршрутка стоит на месте.

– Мы остановились? – Игнат задал вопрос скорее самому себе, нежели Анне.

– Мне кажется, время остановилось, – ответила Анна тихо.

Игнат посмотрел на нее непонимающим взглядом и автоматически потянулся за телефоном. Часы на экране вновь показали четверть второго. Игнат привстал и глянул на пассажиров в салоне. Все, кроме них с Анной, спали. Водителя не было видно из-за водительского сиденья.

– Извините, – громко произнес Игнат, – почему мы остановились?

Ему ничего не ответили, никто из спящих даже не пошевелился. Воздух в салоне стал значительно холоднее. А еще он будто начал сгущаться, делая контуры размытыми. Спереди сидели двое мужчин, один спал, уткнувшись лбом в окно, второй – запрокинув голову. Игнат потряс обоих за плечи, и те никак не отреагировали. Затем Игнат обернулся, сзади, прижавшись друг к другу, спали парень и девушка. Игнат попытался разбудить их и также не добился пробуждения. Сел обратно, мысли в голове перемешались.

Анна казалась совершенно спокойной, но и она тоже приподнялась и бегло осмотрела салон.

– Что происходит? – в легком недоумении спросил Игнат. – Все люди спят...

– Видимо, потому, что им следовало уснуть, – неуверенно сказала Анна, – неужели реальности соприкоснулись...

От догадки глаза Анны сверкнули огоньком радости и любопытства. Игнат пристально посмотрел на нее в поисках понимания ситуации.

— О чем вы? — спросил он.

— Что-то вдруг произошло вокруг нас и в нас, — скорее размышляла, чем отвечала на вопрос Анна, — я не знаю, что. Наверное, все дело в тумане. Или в том, что мы говорили о нем. Реальность изменилась.

Игнат никогда бы не поверил ей, если бы собственными глазами не видел происходившие вокруг странные изменения. Маршрутка остановилась, все люди в салоне спят глубоким сном и не пробуждаются, густой туман и это дерево за окном... Казалось, его воображение ни на шутку разыгралось, но причин тому не было. Не мог же затянувшийся диалог с чудакватой незнакомкой так повлиять на него. Вдобавок еще этот сон о белом слоне. Все вдруг стало таким размытым, словно сознание погрузилось в полудрему и не различало теперь границ между реальностью и вымыслом.

А может, происходящее — это только внушение? Себе-седница создала в своем сознании некий вымышленный мир и попыталась убедить Игната в том, что он часть этого мира? И теперь он стал одним из образов, которые она ищет в тумане. Игнат внутренне усмехнулся над собой. Люди не могут так просто становиться куклами.

Анна всей кожей почувствовала изменения. Изменился не только воздух, но и свет. Прежняя хмурость пасмурного декабрьского дня посветлела, правда, видимость от этого не улучшилась. Границы реального стирались на глазах. Находящиеся поблизости люди и предметы становились размытыми и напоминали видения. Анне было очень любопытно наблюдать за происходящим, вместе с тем внутри возникло опасение, что она сама могла оказаться видением. А еще она видела недоверие во взгляде Игната, он отдалялся.

— Не знаю, насколько могла измениться реальность, но все так необычно, — сказал Игнат. Мысли тонули в попытках найти логическое объяснение тому, что сейчас происходило, — может, мы уснули незаметно?

— Не знаю, все может быть, — сказала Анна, — Игнат, у меня к вам предложение. Раз уж мы остановились, давайте выйдем и погуляем немного. Так хочется свежего воздуха.

— Хорошо, — согласился Игнат, — свежий воздух нам сейчас не помешает.

Они почти синхронно встали и как можно тише, чтобы не разбудить никого в салоне, направились к выходу. Оба при этом почувствовали, как неожиданно сильно затекли их тела от столь недолгого сидения. В ногах ощущалась слабость, колени почти подгибались, руки будто налились свинцом и поднимались с трудом. Поход к двери занял около минуты.

Дверь маршрутки громко скрипнула и туго открылась, впустив в салон морозный воздух и крупницы снега. Снаружи оказалось ослепительно светло, словно в лицо направили десятки прожекторов. Игнат и Анна тут же прищурились и прикрыли глаза ладонями. Через несколько секунд прожектора погасли. Игнат выпрямил спину и потянулся, услышав при этом хруст позвонков. И провел аналогию с медведем, который только что выбрался из берлоги после долгой спячки. Анна пару раз подпрыгнула на месте, у нее захрустело в коленях. Подпрыгнула в третий раз и чуть не оторвалась от земли. Может, и оторвалась бы, если бы не ухватила Игната за плечо. Сейчас она была как воздушный шарик, привязанный тонкой нитью к хрупкому стеблю.

Вокруг было невероятно тихо, казалось, звуки полностью исчезли, и последним напоминанием о них стал скрип открывшейся двери. По щекам скользил ветерок открытого пространства, но ветви на деревьях были неподвижны, даже самые малые, с них даже снег не осыпался. Мир или замер, или впал в спячку.

Туман укутал поля и дорогу, позволяя видеть пространство лишь на несколько метров. Поэтому смотрящему по сторонам Игнату не удалось определить, где именно они сейчас находились. Анну это вовсе не интересовало, она смотрела только в сторону поля, пытаясь разглядеть там что-нибудь.

— Такое странное ощущение, — сказал Игнат и услышал собственный голос так, как если бы говорил не он сам, а кто-то рядом говорил его голосом, — я совсем не знаю, где нахожусь. Будто очутился здесь в первый раз. Хотя по этой вот самой дороге я езжу уже долгие годы.

Анна стояла в полуметре от Игната, но слышала его отдаленно.

— Я здесь в первый раз, — сказала она и тоже услышала свой голос не из себя, — но у меня такое ощущение, будто я здесь уже была когда-то. Не помню, когда и зачем.

— Такой густой туман, — сказал Игнат, — не думал, что он бывает таким.

– Я тоже, – сказала Анна, – он необычный. То дерево...

Прервав себя на полфразы, Анна вышла на дорогу и увидела на параллельной обочине высокое черное дерево, которое показалось ей странным. Оно зловеще возвышалось над остальными и вызывало тревогу. Ветви его переплелись в огромный клубок.

– Не хочется мне к нему идти, – сказал Игнат, оставаясь на обочине. Он не видел дерева из-за маршрутки.

Не захотелось и Анне, к тому же для этого потребовалось бы пересечь дорогу. Происходящее плавно обретало черты метафоры, придуманной ею, но давно позабытой. И отчего же данный кусочек мира казался таким знакомым? Может, ей это уже снилось когда-то...

Повернувшись, Анна обнаружила Игната стоящим на самой границе тумана. Он водил рукой перед собой, слегка касаясь тумана пальцами. Видеть его таким было для Анны странно.

– Анна, вы были правы, – крикнул Игнат, – он действительно притягивает!

– Давайте войдем в него, – предложила Анна, подходя к Игнату. – Когда еще выпадет такая возможность. Заодно и узнаем, что там внутри.

– Да, теперь и мне кажется, что в нем что-то есть, – кивнул Игнат, – слушайте, а мы потом найдем путь обратно?

– Да, если понадобится, – сказала Анна, будучи неуверенной в своих словах и вообще во всем, что ее сейчас окружало.

Игната, видимо, ответ устроил, он запустил руку в туман и поводил ею там. Затем робко сделал шаг и медленно погрузился в туман всем телом.

– Что вы чувствуете, Игнат? – спросила Анна.

Игнат промолчал и сделал еще пару шагов, смотря по сторонам, затем еще несколько шагов, отчего превратился для Анны в размытый силуэт. Анна тут же последовала за ним, чтобы не потерять из вида.

Окунувшись в туман, Анна испытала необычайную легкость и свежесть, словно сама была ненамного плотнее растворенной в воздухе воды. Мир предельно отдалился от нее и остался по ту сторону.

– Я чувствую ясность, – наконец ответил Игнат и повернулся к Анне, – ясность мыслей. Здесь так странно находиться.

– Давайте пройдем чуть дальше, – предложила Анна, только возьми меня за руку.

– Хорошо, – согласился Игнат.

Анна протянула руку, и Игнат взял ее в свою. Его ладонь стала намного теплее, ее ладонь, наоборот, остыла, их температуры выровнялись. И оба почувствовали это. И в глазах обоих промелькнуло что-то необъяснимое.

– Потаенное там впереди, – сказала Анна, глядя Игнату в глаза.

– Ты уверена? – спросил Игнат, глядя в глаза Анне.

Их взгляды наполнились поиском то ли ответов, то ли себя. И каждый подумал о том, что человек, стоящий рядом, скорее всего, является ключом, а туман – дверью. И теперь единственно верным решением является движение вперед.

– Если его там нет, то, значит, нет нигде, – ответила Анна.

Мысли и чувства ее всегда были далеки от той тайны, которую она хотела раскрыть. Она боялась, что если тайна будет раскрыта, то мир потеряет ценность, а жизнь – смысл. Краски лишатся цвета, и все вокруг станет серым, неразличимым. Поэтому Анна сторонилась тайны, наслаждаясь ее присутствием. Вдохновляясь туманом, она никогда не думала, что попробует войти в него.

Игнат никогда не думал, что ему захочется заняться таким логически сомнительным занятием, как прогулка в тумане. Он направлялся сейчас в сторону от дороги. Изначальная цель терялась, находясь не здесь и с каждым шагом все отдаляясь. Но отчего-то становилось легче дышать...

Взявшись за руки, двое пошли вперед. Шли, не говоря ни слова. Туман теперь обволакивал не только весь мир вокруг, но и их самих. Постепенно проникал внутрь и растворялся там. Земля была промерзшая и гладкая, идти по ней было легко. Идти к неопределенному, но очень важному. Почувствовать потаенное становилось возможным.

Анна была рада нахождению здесь. Ее сердце трепетало от новых, возникавших с каждым пройденным метром ощущений. Перед глазами проплывало невероятное количество образов, порой они переплетались, создавая картины или истории. И все больше манили идти вперед для постижения сути невидимого образа и того, что невидимое существует. Пустой рюкзак незаметно начал наполняться и давить на плечи. Взгляд восторженно скользил по туману, рассекал его или заплетался в нем. Анна была настолько увлечена процессом,

что забывала дышать. Лишь тепло человеческой ладони напоминало о том, что без нового вдоха невозможен следующий шаг. И Анна поняла, что всегда находила не те образы.

Прошло, наверное, около получаса с начала прогулки. Игнат подумал о круговом вращении мысли. В реальном мире, где все видимо, ощутимо и объяснимо, его мысль вечно вращалась по кругу и возвращалась ни с чем. И вдруг здесь, в тумане, мысль наполнилась смыслом, ей не следовало совершать круги, она просто текла, куда хотела. И Игнат понял, что думал слишком много о бесполезном.

Анна была увлечена протяженностью пути. Это позволяло больше погрузиться в себя и дольше думать обо всем на свете, не думая ни о чем конкретно. Ей так хотелось взлететь сейчас. И она уже не боялась взлететь, потому что человек, находившийся рядом, обязательно ее удержит.

Спустя пару минут рука Анны потянулась назад. Игнат остановился.

— Аня, стой, — сказал Игнат, — мы идем уже слишком долго. Думаю, нам нужно возвращаться. В тумане действительно есть что-то, но всего должно быть в меру.

— Игнат, а как же потаенное? — удивилась Анна. — Как же то, что за ним?

— За ним ничего нет, Аня, — сказал Игнат. — Потаенное в самом тумане, в ощущении ясности, которую он придает благодаря своей неясности. Нужно видеть его, а не пытаться за него заглянуть.

Анна остановилась в нерешительности. Ее задели слова Игната, они что-то потревожили внутри. И произошло это внезапно. Оказалось, человек, поверивший ей, поверил только наполовину, и вторую половину его веры она теперь безвозвратно теряла. А почему Анна подумала, что он должен был поступить иначе?

Туман начал отступать и разъясняться, будто уже не желал их присутствия в себе. Анна посмотрела в сторону невидимого горизонта, и он слегка проступил сквозь призрачную дымку. Это вызвало неприятное удивление, будоражащее разум и больно бьющее по надежде, по мечте. Анна едва слышно всхлипнула, не желая соглашаться и понимая, что отчасти согласна. Так же и часть Игната до сих пор пребывала в тумане и искала потаенное.

— А как же белый слон? — спросила Анна, ее голос прозвучал изнутри, а неоткуда-то рядом. — Как же слон?

– Слон? – удивился Игнат. – Тебе до сих пор нужен слон?
– Да, слон, он ведь... – Анна посмотрела в сторону горизонта, прищурилась немного, затем посмотрела на Игната.

Образ некоего чего-то внезапно всколыхнул ее и отдернул на самом рубеже сомнения. В легкой на поле пелене, помимо всего, чего могло и не быть, оставался белый слон. И он находился совсем близко к пониманию того, что из себя представляет. Игнат не понимал, чего же еще она хочет и ищет.

– Мы сделаем еще несколько шагов и повернем, хорошо? – спросила Анна тоном скорее убеждения, нежели вопроса. – Несколько шагов и все!

– Но только несколько! – сказала Игнат скептически. – Скажем, семь.

– Хорошо, – кивнула Анна.

Его пленило и огорчало ее наивное рвение, ведущее к разочарованию. Так не хотелось лишать ее уверенности в том, что там что-то есть, но и удержать не хватило сил. И они сделали еще семь шагов...

– Постой, – окликнула Анна Игната, повернувшего на седьмом шаге обратно, – слышишь? Как будто идет кто-то.

Игнат остановился и прислушался.

– Аня, нет там никого, – Игнат начал выходить из себя.

– Нет, нет, ты послушай! – прошептала Анна и подняла указательный палец в знак молчания.

Игнат подошел к ней и уже собирался взять ее за плечо, как вдруг услышал медленные тихие шаги. Они постепенно приближались. Оба переглянулись и поняли, что ощущают сейчас одно и то же удивление, хоть и относятся к этому совершенно по-разному.

Не может такого быть, подумал Игнат. У реальности со сном имелось много различий: во сне он был один, во сне он бежал, во сне был лес. Это, наверное, человек идет навстречу. Шаги такие тихие.

И все равно сердце Игната задрожало внутри, и по коже побежали мурашки.

Анна замерла, сильно сжав ладонь своего спутника. Она хотела вскрикнуть от возбуждения, но крик застрял внутри и не смог вырваться.

Шаги стали раздаваться уже совсем близко и затем стихли. Невидимое что-то остановилось. Теперь слышалось лишь

спокойное дыхание, обдававшее легким теплом. Спустя несколько секунд из тумана медленно выплыл белый хобот. За ним показались большие белые уши. Существо стояло на месте, рассеивая туман перед собой и становясь видимым. Ни Игнат, ни Анна не могли пошевелиться, замерев от нереальности происходящего.

Белый слон смотрел на них, затем махнул ушами и качнул головой. Он будто ждал этой встречи, хотел ее и теперь радовался случившемуся. Видя, что люди поражены его появлением, он еще раз махнул ушами и протянул к ним хобот, в котором держал что-то.

– Свиток, – сказал Игнат, дрогнув.

– Возьми его, – сказала Анна и слегка толкнула Игната в плечо.

В этот момент мир окончательно изменился. Туман, раскрывая одну из своих тайн, преображал сознание.

Игнат шагнул вперед и нерешительно протянул руку. Все его тело пронизывала дрожь странного происхождения. Это не было страхом. Путники не боялись слона, его появление было наполнено таинственностью и потаенным, но потаенное не содержало в себе ничего ужасного.

Слон осторожно выпустил свиток в протянутую руку. Посмотрел на Игната и качнул головой, словно просил прочесть переданное. После чего исчез, так же неожиданно, как и возник. Стоило лишь моргнуть.

Анне показалось, что только слон и был сейчас реален, а все остальное, в том числе она и Игнат, являлись плодом чьего-то воображения. Игнату показались сном все те годы, которые прошли с момента их первой встречи со слоном, будто он уснул от усталости и потерянности и теперь вновь проснулся, а слон терпеливо ждал его пробуждения.

Свиток был небольшого размера и вполне умещался в руке, был из хрустящей желтой бумаги. Излучал тепло и покой. Игнат быстро развернул его в боязни, что свиток тоже исчезнет, как это произошло во сне. На развернутом листе Игнат увидел лишь одну фразу, выведенную черными чернилами красивым каллиграфическим почерком: «Нужно поверить в чудо, ведь чудо есть все, и жизнь, и любовь». Через секунду свиток исчез.

– Успел прочитать? – спросила Анна. Она выглядела довольной.

– Да, но... – ответил Игнат, продолжая смотреть в пространство между пустых рук, где только что находилось потаенное, – здесь все так быстро исчезает...

Его сердце забилося очень быстро. Он повернулся к Анне и увидел, что ее тоже переполняет волнение.

– Ты ведь не исчезнешь? – спросил Игнат, – Аня, скажи мне, ты ведь не исчезнешь?

– Зажмурься и узнаешь, – ответила Анна.

Игнат зажмурился ненадолго и вновь открыл глаза.

– А вот теперь пора возвращаться, – сказала Анна.

Ее голос был теперь таким близким и родным.

Юлия КУЛЕШОВА

МАСКАРАПОЗ¹

РАССКАЗ

От небольшой запятой, которой начинается глаз, до поднятой стрелы, которой он заканчивается, – белые ровные, широкие мазки раз за разом покрывают лицо, пряча истинный цвет. Так спокойней, так свободней.

Холодная черная краска влажно блестит, закрепляясь на веках. И капли алого расцветают – в границах трафарета. Чужие длинные волосы, давно уж мертвые, рассыпаются по плечам, покалывают чуть ниже лопаток. Украденное платье жмёт. Но пусть уж лучше платье сейчас, чем петля палача потом. Слишком живы воспоминания о том, как качалась на ветру его небольшая семья – отец и мать, постукивая друг о друга. Подать баю не справили – вот и вся вина их. И мальчонку не пощадили бы псы баевы, да делся тот куда, будто сквозь землю провалился. Только что цеплялся за белдемчи матери, прятался за юбку, ревел, размазывая слёзы и придорожную пыль по белому лицу, столь не похожему на смуглые лица деревенской ребятни, как вдруг пропал, стоило нукерам двинуться в его сторону.

То, что было прежде, уж подёрнуто дымом, словно и не было вовсе, кажется сном сказочным прошлая жизнь. «Илгери-илгери...»², – нараспев читает в памяти его бабушка, маленькая, сухонькая, почившая прежде того, как несчастье обрушилось на них, прежде того, как вступил в свои права новый

¹ Маскарапоз (кырг.) – шут, клоун

² Илгери-илгери – давным-давно. Так традиционно начинаются кыргызские сказки

бай – наследник старого, бывшего хоть и суровым, но не столь жестоким и жадным, как сын его.

Радость своя, для себя, думы о лёгком, не сложном, воздушном, смех беззаботный – всё это там, за стеной, куда не вернуться, а здесь...

– Маскарапоз, – шипит, втискивая ноги в ичиги, ещё хранящие тепло остывающего тела. Брызги крови, причудливые росчерки – новый орнамент на молочно-белом ала кийизе¹. Посланик бая в чёрных одеждах, с распоротой грудью, разверстой, влажно мерцающей – нелепый среди вороха скомканных тошоков². А чуть поодаль лежит она – с замолкшими колокольчиками на длинных косах, в платье, окрасившемся в багровый: цветок, распутившийся в её груди, оказался смертельным.

Тот, кто пришёл забрать его по приказу бая, проиграл, обманувшись хрупкой внешностью – не ожидал, что мечами преступник владеет не хуже, а то и лучше. Искусство потешать народ бывает опасным, особенно если господину здешних мест правда не по нраву...

... – Не по нраву я тебе? – спрашивает девица в ярком наряде, обманчиво смущённо перебирает пальцами косички, чёрными змеями спускающиеся по светлой ткани рукавов и мелодично спрашивающие крохотными колокольчиками на уровне расшитого пояса: «Погляди, погляди на нас. Посмотри, как красивы мы, как желанны мы. Ухвати, ухвати. Попробуй ухвати нас». Дзинь, и девица взмахивает косичками, разлетаются те, разбивая Луну в брызги.

– Что же ты молчишь? – смотрит требовательно, алые губы упрямо сжаты. То и гляди, топнет ножкой, обутой в нежнейший сафьян, и разразится гневным плачем, переходящим в крик – как же это так, не отвечают ей, смеют просто глядеть непонятно, голову только на бок склонив.

– Не привык я, чтобы девица сама себя предлагала, – ему смешно. Вот уж не думал, что здесь есть такие. То в городах не редкость, а в селении, пусть и большом богатом, невидаль.

– Как смеешь ты? – вспыхивает, впервые нервно оглядывается, не видит ли кто. Но нет, у наспех поставленных подмостков – перевёрнутых телег – никого, кроме них. Уж ночь окутала своим тёмным одеянием и землю, и небо, и их самих.

¹ Ала кийиз – ковёр из войлока

² Тошок – стёганный матрас. Тошоки бывают четырёх видов: жууркан (одеяло), жер-тошок (матрац), бешик жасалгалары (детские одеяла) и жаздык (подушка).

Окошки сельчан – не звёзды, хоть часты, но всё же редки, и свет от них скуден.

– А если и смею, то что ж? – ему не впервой улыбаться, да так, чтоб себе подчинить. И если шагнуть чуть ближе, вот так, чтобы слышать дыхание и сердце друг друга, как будто нечаянно коснуться рукою руки и, всё же поддавшись, качнуть колокольчик, за ним уж другой, и третий, четвёртый...

А после, обнявшись, лежать и слушать про то, как всё село ненавидит – её. Боится так сильно, завидует в чём-то, никто не жалеет, но все, как один, ненавидят. И первая в том – она же сама.

– Я выбрать могла ли? Он просто увидел и взял. А мог не увидеть – всё равно бы отдали. Как плата за мир, худой весь, косой такой мир, но... мир. Потом уж вернул. И юрту пожаловал эту. Нукерам охранять наказал... Сначала... Потом уж забыл. Другую забрал. Меха и наряды, и кольца, жемчуга и монеты остались. Всё дал, куда занятна была... Сейчас я вольна. Женою любого стать я могу, да только не хочет... никто. Никому не нужна. Пропадающая. Но мне повезло. Я хоть живая. Не все возвращаются. Не всем так везёт.

– Несговорчивые?

– Дело не в том. Захочет – убьёт, захочет – одарит. Мне повезло, что другою забылся. Быть может, и нет уж её... И мать, и отец не раз уж слезами землю омыли, не зная о ней ничего.

– И также у всех? Что твои?

– Нет их. Умерли. Меня не дождались, – сказав, закрывает глаза. Но ресницы для слёз не преграда. Одна, следом вторая, словно крадучись, к виску выбегают.

– А хочешь, сыграю? – теперь уж он перебирает косички. Те растрепались немного, и колокольчики есть не на всех, чуть слышно звенят, будто просят о чём-то. Одну приподнял и ею качнул. – Так хочешь или нет? Сыграю?

– На чём?

– На подмостках. Сыграю – тебя, и сельчан, и бая. И, может, себя...

...толпа замирала, забывая дышать. Вот первая кукла пошла – на бая очень похожа: рот приподнялся в глумливой усмешке, чёрные брови вразлёт, глаза откровенно смеются, вроде не злой, так и не скажешь, что может убить взмахом одним камчи, зажатой в руке. А следом куклы другие. Всё село их. Вот девицы, коих немало уж сгнуло, вот девицы те же в

покоях у бая. Вот чёрное облако баевых псов – нукеров с мечами. Как саранча поля накрывают, сёла, дома – кто не справил корзины с зерном иль прочим, тех самих забирают. И вот уж висят, только ветер качает. И снова село. И снова жатва на полях. И снова живут. И песни выводят – сначала протяжно, потом в плясовую. И голову в небо никто не поднимет. Все ходят и только и могут, что кланяться, так низко, что шарниры на куклах скрипеть бы должны от натуги такой, да только призывки – беззвучно, безропотно.

Сначала молчали. Собаки брехали, меж собой говоря. А люди молчали. Потом кто-то крикнул и бросил в него размякший инжир. Не попал. И тут началось. Сельчане шумели, вопили, что ложь, что так не бывает, что бай не таков. И некто другие с глазами хитрющими шныряли уж между рядов, жадно каждое слово хватая.

Он раньше сбежал, чем стража успела хватиться – до этого и сами внимали всему, что пред ними устроил заезжий фигляр. А позже и след уж простыл, куда...

... – Куда ты теперь? – к нему прижимаясь, спросила испуганно.

– Не знаю, – смеясь ей ответил, – ну как? Как представление? Понравилось?

– Глупый... Зачем ты...

– Старые счёты. Я утром уйду. Со мною пойдёшь?

– Не... не знаю, – она отвернулась, колокольчики жалобно звякнули.

– Сама говорила, тебя здесь не любит никто. Как прокажённая. Со мною пойдёшь, будешь свободна.

– И мертва, – ответила тихо, – свободны только мёртвые.

– Как знаешь, – плечами пожал и начал нехитрый свой скарб собирать. Оглаживал платья на куклах, приблизив к глазам, подолгу смотрел и складывал одну за другой. – Я скоро уйду. Дождусь, чтоб село всё заснуло.

– Не надо, останься, – шепнула, косички свои теребя. – Быть может, забудут...

– Смешно говоришь. Даже странно, чего не идёшь. Могла веселить бы народ.

– Зачем ты?

– Прости.

– Меня, меня прости, – шепчет жарко, кидается к нему, обвивает руками белыми и дышит горячо, часто, а из-под ресниц слёзы бегут горячие, частые, и колокольчики в такт им на

косах звенят трепетно, часто. И откладывает он кукол в сторону, поднимается к ней, устремляется, по косам рукою проводит, сжимает их, тянет, к выгнувшейся шее губами припадает и целует неистово, жадно, забываясь в перезвоне колокольчиков, в перешёптывании скользящих, стекающих одежд, когда внезапный ветер непрошеным гостем врывается и гасит огонь в очаге.

Вскрикнула девушка. И косы намокли вдруг, взметнулись звоном, замолкли. Невидимый враг закружил по юрте, прячась во мраке, мягко, едва слышно ступая по тошкам, и только лунный свет нет-нет да пытался ухватить сталь в его руке, об-агрённую кровью.

— Думал, успеешь сбежать? — будто тьма сама, не человек, спросила. — Думал ещё и девку прихватить? Грязный маскарапоз, — последнее слово змеиным шипением сквозь зубы выпустил недруг. — Только мертва уж она. Хотела прощение себе, милость у бая выпросить. Гонцов послала о тебе сообщить. Но бай не прощает неверных.

Несчастливая уже не дышала. Лежала, раскинувшись на спине под тундуком¹, и лунный свет струился по её лицу, касался угасших глаз и застывших колокольчиков на косах.

— Зря убил, — ответил маскарапоз.

— Она же тебя предала, — возразила темнота с удивлением.

— Не её вина. Ведь за мной пришёл. От бая? Почему меня не убил? Почему её?

— Бай хочет тебя живым, а девка ему давно не нужна. Уж больно диковинная ты зверушка. Зачем ты ему — то дело не моё. Развлекать ли своими чудесами или желает он лично голову твою на копьё насадить — неведомо мне. Моё дело малое — девку убить, тебя привести. Рубаху накинь только, а то в исподнем одном негоже являться пред ним.

Говорит, а сам ближе подходит, раскачивается, словно кобра перед броском. И лица не разглядеть — замотано в тёмную ткань. Только глаза в просвете глядят, углями горят.

— Собирайся, — властно бросает.

— А ежели нет?

— Силой поведу.

Кивнул маскарапоз. Посмеиваясь, наклонился плавно, неспешно — одежку подобрать. Замешкался, нащупывая что-то

¹ Тундук (кырг.) - деревянный круглый обод, опора для крыши юрты

под расслабленным взглядом нукера и вдруг прыгнул стрелой, взметнулся с шёлковыми лентами в руках, кувыркнулся, успев захватить лентами меч, выхватить его из вражеских пальцев и в тот же миг встать за спиною пошатнувшегося нукера. Тот и слова молвить не успел, как холодная сталь в тело вошла, криво горячей желая напиться вдоволь.

— Недалёко увёл. Вот и меч твой предал тебя. Тело ножами стало. Бывает же так. Забавно. Может, сыграю тебя, а теперь...

... теперь снова бежать, скрываться под разными личинами, выжидая, когда можно будет вернуться, чтобы повеселить народ правдой. Но есть ли толк в этой правде, коли люди только и могут, что смеяться иль сплёвывать в досаде, передавать друг другу истории, стараясь перенять манеру бродячего циркача, выделяя самые потешные моменты и упуская главное? А если б и не упускали — что могут они, почерневшие от тяжёлой работы под жарким солнцем, огрубевшие под пыльными ветрами, с песком, въевшимся в волосы, кожу, не видящие ничего, кроме полей бая и его же плетей? Остались ли у них желания, мысли? Не о каждодневном труде, не о награде или наказании, а о чём-то другом — о том, о чём мечталось, ну хотя бы в детстве, когда мать ещё носила на закорках, сажала в густо пахнущую траву, давала в руки нехитрые игрушки из войлока и принималась работать, изредка оглядываясь, проверяя, как он там, улыбаясь ему не только губами, но и всеми морщинками-полумесяцами?

Почему он должен страдать за правду для них, если им это не нужно? Если они не знают, что делать с этой правдой, а и знали бы, не стали ничего делать. Потому что страшно. До дрожи в коленях страшно. Потому что помнят ещё, как вороньём слетались всадники бая и били каждого, кто попадался на пути, камчой, и та жалила пуще ос, вспарывая вместе с тканью одежды и кожу, поднимая брызги горячей крови. Хотя была ли горячей та кровь? Должно быть, в жилах тех, кто привык жить в страхе, кровь течёт совсем иная — едва тёплая, едва пригодная на то, чтобы приводить в движение члены, чтобы заводить их каждое утро для выполнения работ.

Они радостно приветствовали бродячего артиста, когда он появлялся на краю их селений, и улюлюкали вслед, когда он бежал, подгоняемый бряцаньем оружия и топотом копыт приближающейся погони.

«Маскарапоз!» — кричали, размахивая руками, те, кто же-

лал быть замеченными слугами бая, чтобы тот наградил их усердие в поимке преступника.

«Маскарапоз!» – визжали женщины, закрывая юбками детей, а те норовили пролезть, выглянуть, чтобы восторженно прошептать по слогам: «Ма-ска-ра-поз».

– Маскарапоз, – шипел он, зажимая рану на плече (наёмник бая всё же успел задеть, шайтан). Надо спешить, если он надеялся уйти живым. Благо конь – вот он, на месте, возле юрты нетерпеливо переступает, словно чуя опасность, грозящую хозяину. Луна обкусанным краем выглядывает из-за кудлатых туч, указывает призрачную дорогу сквозь поля, через цепь холмов. А хотя бы и туда – он запрыгивает в седло, ударяет пятками по конским бокам и устремляется к выходу из селения.

У ворот стража – в прошлую ночь, это он точно помнил, здесь стояли только двое, сегодня же их четверо, чуть поодаль слышатся шаги ещё одних дозорных. Так просто не проскочить.

– Маскарапоз... здесь скрывается..? – ветер доносит обрывки разговора, –...всё прочесали... не удалось... надежда на охотника...

Чем ближе, тем сильнее бьётся сердце, и тем тише переступают копыта.

– Кто такая? Куда путь держишь? – хмурит брови один из нукеров. Голос у него хриплый, как бывает, когда долгое время приходится молчать. Напарники глядят оценивающе из-под насупленных бровей, пальцы оглаживают древки копий.

– Известное дело, к баю, – отвечает, искажая голос, заставляя его звучать тоньше, звонче, добавляя в него колокольчиков, поводя обманчиво тонким плечом, молясь Тенгри, чтобы кровь не успела проступить сквозь ткань, чтобы стражники купились на его алые губы и манящий влажный взгляд.

– Вроде недавно только брал господин себе девушку отсюда, – засомневался первый стражник. Главный, видимо. Оттого и позволено ему сомневаться – роскошь не для тех, кто в подчинении. – Ладно, – выдаёт после недолгого раздумья, – езжай.

И он легонько понукает коня, не забывая напоследок одарить стражников взмахом ресниц, – играет свою роль до конца. Те стоят, провожая его сонными глазами. Растревожённое

плечо горит, на светлой ткани расплзается тёмное пятно – и не видно в ночи, какого цвета оно, да и неважно. Глаза одного из стражников расширяются, когда он видит это.

– Маскарапооз! – разлетается над спящим селением. Собаки просыпаются первыми – начинают брехать на все лады, поднимая хозяев. Стражники мечутся в поисках коней, не решаясь метнуть копы – а вдруг нельзя убивать? А вдруг бай осерчает?

А он уже далеко. Смеётся, жадно ловя ртом свободный ветер, стремясь обогнать сами звёзды в их сумасшедшей пляске, и кажется даже, что тесное прежде платье уже не жмёт. Да и ерунда, в сущности, это платье. Главное – уйти от погони. А ловко он придумал отвязать коней – и стражников задержал, и бая порядком истощил.

«Маскарапоз», – говорили про него. Вот только он считал иначе – ведь все они рано или поздно оказывались на сцене его театра; играли отведённые им роли, а потом покоились на дне походного сундука. На смену старым, сломанным куклам приходили новые – и жадные бай, и гордые красавицы, и несчастные бедняки, и храбрые юноши. И все одинаково могли получить от зрителей презрительное: «маскарапоз».

Олег БОНДАРЕНКО

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ

Рассказ

Зябко.

Я весь похолодел.

От волнения.

Слушаю — и не могу поверить своим ушам. Прямо мороз по коже подирает...

— ...И этот, м-м, запах горных трав, — продолжает мой собеседник, стараясь лишний раз не смотреть на меня, — он сумасшедший, он, м-м, словно проникает в каждую клеточку твоего существа и заставляет видеть мир как великое и доброе начало. Только, — грустно усмехается, — только я-то понимаю, что это ощущение ложно, оно коварно и обманчиво. Мы с вами знаем, э-э, каков мир на самом деле...

Наконец бросает взгляд в мою сторону — немного пришибленный, где-то даже виноватый.

— Я чувствую, — говорит, — что это всё-таки не моё, не моё. Э-э... Не моё.

Я молчу и переживаю.

— З-зато, к-кажется, м-моё, — произношу после долгой паузы. И, как бывает нередко с тех пор, как случилась Катастрофа, начинаю заикаться.

— М-мир вовсе не з-злой, — пытаюсь объяснить свою позицию. — Если вы имеете в-в... виду эту трагедию, когда р-рвана психотронная б-бомба, и всё... п-перепуталось... Это не мир виноват, это л-люди...

— Но запахи... — тот, другой не сдаётся. — Они... э-э... сбивают с толку. Горы пахнут слишком хорошо, слишком, м-м, чисто, я бы сказал, и это даёт слабому и наивному неоправданную надежду.

Не знаю, как возразить – да мне и не хочется спорить, а хочется слушать ещё и ещё. Не про гадкий лживый мир. Про запахи.

– А... Ч-что ещё вы п-помните? – спрашиваю.

– Ещё? М-м... Ещё помню белые войлочные юрты на горных пастбищах, джайлоо, – тот, другой опять начинает рассказывать с отсутствующим видом. Вспоминает, как будто это его не касается. Я же – я весь дрожу. – Там была одна такая особо красивая юрта, с узорами на войлоке... В ней, э-э, девушка, её звали Джазгуль, что значит «весенний цветок». Она тоже дивно пахла – молодостью, прелестью, свежестью. Угощала меня, м-м, кумысом, который сама же приготовила, и у этого напитка был... аромат дыма и свободы. Да-да, почему-то мне тогда казалось, что свободы.

Я чуть не теряю сознание – настолько меня захватили чужие воспоминания, настолько всколыхнуло всё во мне.

Встаю и нервно начинаю ходить туда-сюда. Туда-сюда. А тому, другому как будто его собственные видения, картинки из его памяти не интересны.

– В-ветер п-пах? – останавливаюсь и задаю контрольный вопрос.

– Э-э, приятель... – медлит тот, другой. – Пах. Яростью, красотой и, м-м, безумием. Тем более когда несёшься на лошади галопом и ветер в лицо. – Он произносит святые вещи, но таким скучным, невыразительным голосом, что я и не представляю, с чем это сравнить.

Зато отлично представляю – сам себе тут же начал воображать – запах лошади, вспотевшей от быстрого бега, и ещё кожи, кожаного седла, сбруи, попоны.

Это невыносимо приятно!

– Я уверен, ч-что... В-ваши воспоминания – на самом деле не ваши, а м-мои. – Говорю и понимаю, что перешагнул некую черту. – Эмоционально они м-мои. Я нашёл! Я нашёл свою п-память!

Тот, другой, пожимает плечами.

– М-м, я так и думал... Что-то подобное. – Он совсем не выглядит окрылённым. – Технически я всё помню, но родного, близкого в воспоминаниях не нахожу. Как будто со стороны сам себя, э-э, воспринимаю... Ну, так сейчас обстоят дела у большинства населения – после Взрыва.

Я согласно киваю.

– Т-точно! У людей всё п-перемешалось – мы теперь вла-

деем не с-своей памятью, у каждого чуж... жая! Не разберёшь, где ч-чья...

— Ага! Вот и приходится искать свою, опрашивать сотни, тысячи, э-э, незнакомцев, объявления читать в газетах: в голове, мол, хранится то-то и то-то, может, оно на подсознательном уровне отзовётся в чьей-то душе, вдруг нужно кому?.. М-м...

Я возбуждён. Не могу найти себе места.

— Оч-чень рад, — сообщаю, — что мы с вами п-пересеклись. Вы вернёте мне м-моё?

— Минуточку, приятель! — Тот, другой выглядит настороженным. — Ладно, допустим, что я — носитель вашего прошлого. Но... э-э... мне же нужно взамен моё. А вдруг вы помните слишком для меня чуждое, слишком, м-м, постороннее, что я никогда не прочувствую? Не опознаю? Тогда обмен памятью для меня будет лишён смысла.

— Да, конечно, к-конечно! — Мне и самому стало неловко за собственную поспешность. — Я готов вам п-пересказать, что п-помню.

— Слушаю! — Тот, другой устраивается поудобнее и прикрывает глаза. — Начинайте...

Я, сосредоточившись, вытаскиваю из памяти целый ворох воспоминаний и торопливо, порой сбивчиво стараюсь донести их до моего визави.

Мало что чувствую при этом — просто пересказываю, пересказываю.

Тот, другой сидит, нахмурившись.

Молчит.

Сопит.

Я рассказываю про остров в океане — небольшой, если судить по карте, его можно весь обойти за три-четыре дня. Люди там занимают пару деревушек. Климат на острове умеренный и вместе с тем тёплый, широколиственные леса перемежаются с кое-какой субтропической растительностью. Кругом растёт бамбук — низкорослый, по колено; они с травой дополняют друг друга. Мягкие очертания зелёных мохнатых сопот — иногда их поглощает туман, шум моря и влажный бриз, чёрные покосившиеся от времени домики тут и там.

Говоря, я даже перестаю заикаться. Ведь картины, возникающие в моей голове, скорее напоминают кино, нежели пережитый личный опыт...

Вспоминаю, как мы втроем — с парой друзей, он и она, —

пошли на побережье собирать морской шиповник. Растение низенькое и стелется вдоль земли; ягоды, наоборот, крупные, мясистые, из них получается просто отличное варенье. Набрали каждый по мешку. Но мой как бы друг повредил ногу и едва шёл, а на обратном пути мы столкнулись с приливом, отрезавшим на несколько часов единственную дорогу вдоль берега (никто из нас почему-то не подумал с утра о такой возможности). И мне пришлось тащить его подругу, посадив к себе на плечи, брести по воде... Часть мешков с шиповником бросили на песке...

— Довольно! — вдруг кричит тот, другой. Он вскакивает и внимательно глядит на меня, во все глаза. Вроде как взволнован; пожалуй, какие-то чувства пробудились в нём. — Этого достаточно! — повышает голос. — Я согласен на обмен. М-м, немедленно! Сейчас же!

Лицо его, кажется, покраснелось. Дышит часто, взгляд горит.

Искренен? Неискренен?? Переигрывает??? Непонятно.

На этот раз медлю я...

И опять, кажется, начинаю заикаться.

— Вы к-клянётесь, что это в-ваши в-воспоминания? Если так, то я очень р-рад. Надеюсь, вы не имеете отношения к т-торговцам памятью, о которых сейчас много го-говорят...

Тот, другой гордо встряхивает головой.

Произносит:

— Не волнуйтесь, друг. Я честный человек, желающий, как и все после той ужасной Катастрофы, вновь обрести свою личность. Стать, м-м, самим собой...

Я растроган.

Сердце моё наполняется любовью, а душа — светлым ожиданием.

Выпрямляюсь.

Мы, почти не сговариваясь, становимся друг напротив друга.

Встречаемся глазами.

Чего-то ждём.

Готовимся...

Потом, сойдясь, наклоняемся корпусом и соединяемся головами, темечко к темечку.

Прижимаемся.

Я своими руками беру его голову, с боков.

Он – так же – мою.
Мы держимся друг за друга.
Крепко, по-мужски.
Напряжение.
Вот сейчас!
Сейчас всё восстановится!!
Да неужели же?!.
Господи, как долго я этого ждал!!!

Вспышка и темнота.

...Я лежу на земле, и у меня звёзды в черепушке. Всё кружится, всё плывёт. Мрак здесь, там, – мрак везде. Чернота нарушается лишь этими самыми звёздами...

Боль. Тупая и тягучая. Непонятно где; она наполняет собой и меня, и пространство.

Господи, да где же это я?..

Кое-как, постепенно, прихожу в себя. Слышу голос – знакомый? Незнакомый? Кто это?

О чём он говорит?

По мобильному телефону, что ли? По телефону...

– ...Да, шеф, всё сделано! Как вы хотели! Всё прошло, как по маслу, м-м, как по маслу!.. Ага, этот олух отдал мне всё и ни о чём не догадался!..

Это он о ком? Обо мне? Не обо мне?

А кто я вообще такой?

Пытаюсь понять.

Ничего не получается.

Боже, я не знаю, кто я...

– Точно, шеф! – скалится в трубку тот, другой. – Я выполнил ваше задание и теперь являюсь носителем двупамяти! И прежняя, и новая!.. Можно копить дальше – и через фирму – продавать!.. Есть – возвращаться в офис! Уже бегу!

Он отключается и внезапно замечает меня.

Я, ословелый, сижу на земле.

Гляжу непонимающе на того, другого.

Он – на меня.

– Вы к-кто? – спрашиваю.

– Э, приятель, ты лучше спроси самого себя: кто ты? – ухмыляется тот.

И быстрым шагом уходит.
Исчезает.
Оставив меня одного...
Я с трудом, пошатываясь, встаю.
Хочу идти – но не осознаю куда.
Где я?
И главное – кто я?
Ничего не знаю. Ничего не помню.
Пустота... Во мне – пустота...
Стою, одуревший, потерянный. Отчего-то хочется пла-
кать.
Не понимаю...
Ощущаю вокруг необъяснимый холод.
Обхватываю себя руками. Зачем? Чтобы согреться?
Чтобы почувствовать, что существую ещё?
ДА КТО ЖЕ Я ТАКОЙ?
ЧТО Я ЕСТЬ??
ЖИВ ЛИ Я???

Мне становится крайне не по себе.
Я дрожу.
Жутко и страшно.
Зябко...

Артем ХЕГАЙ

НЕ СВОЯ СМЕРТЬ

Главы из романа

Молодой московский медбрат Радмир уже отчаялся оплатить лечение матери. Но в это время ему поступает чрезвычайно выгодное предложение от незнакомки. Известно только ее имя – Полина. Зато Полина, похоже, знает о Радмире гораздо больше, чем показывает.

Таинственная нанимательница уверяет: обыкновенный медбрат наделен удивительным даром – ярко переживать любое чувство. Именно эта его способность заинтересовала весьма влиятельных людей. Радмиру пророчат большое будущее – влияние, силу, богатство.

Однако сам Радмир предчувствует подвох. Как именно хотят использовать его умения? Вдруг щедрые посулы на деле являются лишь сыром в мышеловке? Не окажется ли мир – видящийся таким привычным из окна родной квартиры – совсем иным? Полным надежды, тайн, волшебства. И чудовищ.

Глава четвертая. Корень зла

Радмир сидел на скамье под обледенелыми деревьями. Иней покрывал узорчатую ограду. Вдали виднелась река – серая, замершая. Казалось, сам зимний воздух остановился и прислушивается к чему-то.

Сосредоточенно сдвинув брови, Радмир изучал собственное резюме, потом свернул его в трубку, принялся легонько похлопывать по колену. Судя по вчерашней встрече, ра-

ботодателю – кем бы он ни был – уже многое было известно. Поэтому теперь, после некоторых раздумий, Радмир решительно скомкал резюме и бросил в каменную урну по соседству со скамьей.

Вот в дальнем конце аллеи показалась Полина: черные джинсы заправлены в сапоги на массивной подошве, кожаная куртка застегнута до самого горла, будто бы для того, чтобы согреть хозяйку. Однако шапки на девушке не было – как видно, копна волос с успехом ее заменяла.

Поглядывая по сторонам, Полина по-мужски протянула ладонь:

– Привет. Правильно сделал, что пришел.

– Здравствуй. Но у меня, кажется, и выбора особого не было.

Девушка равнодушно пожала плечами:

– От таких предложений не отказываются. Идем.

Радмир последовал за ней с изрядной долей настороженности. Они прошли мимо зимней реки, потом углубились в парк.

Деревья по сторонам вздымались высоко. Ветви их так переплелись, что удерживали синеватый снежный полог над аллеей. Было тихо-тихо. Однако Радмира не покидало ощущение, будто за ними пристально следят.

За поворотом открылся старинный особняк, обнесенный оградой. Миновав шлагбаум и будку охраны, Полина уверенно повела Радмира дальше. Мимо заснеженных кустов и старых елей.

– Вы как-то связаны с правительством?

– Нет. С чего ты взял?

– Ну, место солидное, напоминает памятник архитектуры.

– Это он и есть. По документам проходит как, – Полина хмыкнула, – «объект культурного наследия, находящийся на реставрации». Тут случился пожар. Давно. Потом здание начали восстанавливать. Правда, процедура эта, ха-ха, длится с тех самых пор. И благополучно будет идти дальше – надо только вовремя платить правильным людям.

Особняк с бледно-желтыми стенами дремал среди сугробов, тускло поблескивал голубоватым куполом. Они обогнули круглую клумбу у фасада, направились к парадному входу с колоннами.

За дверью открылся просторный холл. Зеркальный пол,

светильники на стенах, хрустальная люстра – все здесь дышало готовностью принимать важных гостей. На непритязательный взгляд Радмира последние годы «реставрации» явно пошли особняку на пользу.

– Подожди здесь. Я должна кое-что узнать.

Полина легко взбежала по лестнице на второй этаж и скрылась с глаз.

Как раз над лестницей – на самом видном месте – красовался герб: Георгий Победоносец в доспехах с развевающейся мантией, сидя на могучем скакуне, пронзал копьём черного змея. Это вновь навело Радмира на мысль о связи таинственной организации с властями.

– В самом деле, сквозь стены полыхаешь! Наконец-то я вижу это «собственноглазно». По аналогии с «собственноручно». Здорово, Радмир!

Из бокового коридора подошел незнакомый парень в шерстяном свитере – даже крупная вязка не могла скрыть его худобу. Он широко улыбался:

– Меня Вадим зовут. А тебя здесь уже знают.

– Очень приятно, но откуда... такая известность?

– Так ведь со вчерашнего дня все внимание приковано к тебе одному! Странно, почему мы не нашли тебя гораздо раньше. Как офис? – Вадим картинно огляделся, будто сам был здесь впервые. – Нравится?

– Да. Представительно. Хотя, если честно, такая роскошь даже подавляет немного. Чувствуешь себя, будто на официальном приеме в посольстве.

– Вот именно – чувствуешь! У тебя получается это так искренне, так ярко! Ох, Радмир, теперь-то мы заживем: с твоей-то помощью всех заткнем за пояс! Уверяю, всегда найдется, кого туда затыкать.

В это время вернулась Полина – уже без куртки, в темной водолазке.

– Познакомились? Хорошо. Мне поручили провести инициацию.

Вадим хлопнул Радмира по плечу:

– Читал «Алису в стране чудес»? Теперь Полина будет «кроликом». Но учти: у норы, в которую ты свалишься, нет выхода. И проснуться уже не выйдет.

Полина повела Радмира за собой. Только направились они не в светлые кабинеты и залы верхних этажей, а вниз – в

подвал. Начали спускаться по узкой лестнице, где освещение давали только витиеватые медные бра.

– У Вадима ведь линзы, да? Такой цвет неестественно-зеленый...

– Нет. Это его настоящие глаза. И, знаешь, держись от него подальше.

– Да он вроде нормальный парень...

Полина не оборачивалась на ходу, а потому впереди можно было видеть только ее хрупкие плечи в облаке волнистых волос:

– Он псих. Никто не знает, что у него в голове творится. К тому же Вадим выполняет особые поручения Ярослава. Надеюсь, тебе не придется заниматься тем же, – мрачновато добавила Полина, не сбавляя шага.

Радмир заметил, что на медных креплениях светильников искусно выгравирован все тот же герб, который висел в холле:

– Почему здесь везде изображения Георгия Победоносца?

– Это герб нашего клана. А сам Георгий – его основатель. Он был первым, кто научился не только видеть «змеев», но и побеждать их.

– Ничего не понимаю, – Радмир нахмурился. – О каких змеях речь?

– Пришли. Сейчас узнаешь.

С этими словами Полина толкнула тяжелую подвальную дверь.

Под лампами дневного света тянулись высокие стеллажи. На полках стояли клетки с мышами и птицами, кошками, собаками. В голубоватых аквариумах плавали крупные рыбы и медузы. Все это обрамляла пышная зелень – даже с потолка свисали на цепях горшки с растениями.

– У вас здесь какая-то лаборатория?

– Нет. Это полигон, – Полина прошлась вдоль стеллажа, брэнча пальцами по прутьям клеток. – Мы здесь учимся магии. Учимся видеть. И сражаться с теми самыми «змеями». У них много названий. А суть одна.

Услышав о магии, Радмир растерялся.

– Вы... секта?

Девушка обернулась, приподняла одну бровь:

– Да, секта. Вытягиваем деньги из людей, требуем доку-

менты на их квартиры, а потом устраиваем массовые самоубийства. И еще косметику по телефону продаем. – Полина фыркнула. – Давай так: мне без разницы, что ты думаешь. В течение десяти минут просто следуй инструкциям. А потом можешь вернуться к самоубийствам и сектам, если захочешь. И для начала придется испытать магию на себе. Начнем?

– Ладно, убедила, – Радмир неуверенно рассмеялся.

Как вдруг сверху обрушилась такая слабость, что он пошатнулся. Ухватившись за стеллаж, насупился, пытаясь понять, что происходит.

Всего миг назад тело было послушным, бодрым. А теперь в спине и ногах, в ослабших пальцах текла настоящая немощь – отвратительная до дрожи старческая дряхлость. Хотелось закричать, немедленно встряхнуться, чтобы прогнать ее. И хуже всего становилось от осознания, насколько глубоко она проникла – не только в тело, но и в душу.

Цепляясь за стойку стеллажа, Радмир медленно опустился на корточки. Подавленно уставился в бетонный пол:

– Мне плохо.

– Прекращаю. Сейчас будет лучше.

Полина протянула ему ладонь, помогая подняться. Тот выпрямился, но продолжал цепляться за металлическую полку. Пошатывался.

Отступить немощь не спешила. Требовались усилия, чтобы прогнать ее: приходилось сжимать и разжимать кулаки, переступать на месте, шевелить оцепеневшими плечами. Только тогда она таяла, а мышцы согревались.

Вот, сумрачно глядя на девушку, Радмир сказал:

– Это и была твоя магия?

– Да. Но вижу, ты не веришь. Тогда повторим.

Возразить Радмир не успел. Мир выцвел, сделался никчемным. А следом на грудь навалилась глыба глухой тоски. Радмир застонал – от мучительной удушливой безысходности не было спасения. Когда же он попытался вдохнуть, то обнаружил, что тоска душит буквально – не хватало воздуха! Сипя, Радмир тяжело привалился спиной к стеллажу. Качнулись зеленые ветви плюща наверху, в клетке забегали встревоженные мыши.

– Сама недавно под такое угодила. Приятного мало.

Это было последним, что услышал Радмир, прежде чем рухнуть на пол.

В себя он пришел, лежа на диване все в том же подвале. На потолке цокала лампа дневного света. Вот ее заслонило хмурое лицо Полины:

– Извини. Похоже, не рассчитала силы. Но все новички обычно защищаются, а ты этого не сделал. Совсем. Почему?

– Да ну тебя! – Радмир рывком сел – заскрипела кожаная обивка дивана. – Откуда мне знать, как защищаться?!

Полина ничуть не смутилась. В задумчивости сдвинув брови, девушка направилась к кулеру, стоявшему у стены. Нацедила воды.

– Незачем было объяснять. Защита всегда срабатывает сама собой. От тебя требовалось одно – испугаться. – Она примирительно протянула Радмиру белый пластиковый стаканчик.

– Не испугался, потому что доверял. Думал, ты знаешь, что делаешь, – буркнул тот, отпивая. – Странная у тебя магия. Первый раз – слабость. Второй раз – я задыхался. Всегда по-разному? Как вообще это работает?!

– Чтобы атаковать магией, нужны эмоции, чувства, – Полина устроилась в глубоком кресле по соседству. – Раздражение, ненависть или гнев. Чем они сильнее в тебе, тем опасней чары для жертвы. Замечал, наверное, когда сердиться, злость сама так и просится наружу? Мне кажется, способности к магии заложены в нас самой природой. Изначально, – она помолчала. – В состоянии гнева большинству людей хочется ударить, накричать. Но это все от беспомощности – от неумения пользоваться колдовским даром.

– Хочешь сказать, такой дар есть у каждого?

– Конечно. Люди даже пользуются им. Неумело, не осознавая собственных сил. Но пользуются. Интуитивно. Доводилось сталкиваться с хамством? Идешь в хорошем настроении. Никого не трогаешь. И тут на тебя – без всякой причины – выплескивают тонну негатива. Поверь, это атака. Самая настоящая. Вот скажи, что ты обычно чувствуешь тогда?

– Ну... Растерянность. Настроение портится.

– Давай подскажу: еще – слабость, подавленность и уныние. Обученный маг действует сходным образом. Только делает это гораздо быстрее, сильнее. И молча. Рывком доводит твои негативные переживания до максимума. Чтобы ты от них умер, – девушка взглянула на Радмира. – Тебе – как медбрату – надо объяснять с медицинской точки зрения, почему у край-

не расстроенных людей обычно отказывает сердце? Или вдруг случается инсульт, приступ удушья или что-нибудь еще?..

Радмир, криво улыбнувшись, хмыкнул:

— Нет, не надо, я понимаю.

— Хорошо. Тогда вернемся к защите. Тут все просто: страх достаточно силен сам по себе, поэтому способен блокировать другие эмоции и чувства. Страх... — Полина покрутила пальцем в воздухе, подыскивая слово, — как бы смыывает чары. Я могу сколько угодно пытаться тебя заставить умереть от печали. Но если ты будешь достаточно испуган, у меня ничего не выйдет.

— И что же определяет, достаточно страха или недостаточно?

Полина внимательно посмотрела на Радмира:

— То, насколько я была зла при атаке.

Услышав такой ответ, Радмир взволнованно запустил пальцы в волосы.

— Но послушай... Ведь от страха тоже можно умереть!

— Верно. Наши враги именно так и поступают. Убивают страхом. Нам эти чары — как и многие другие из их дьявольского арсенала — недоступны. — В осуждающем голосе девушки Радмиру послышалась едва различимая нота зависти. — Неважно. Сражаться можно и так. Запомни главное: гнев — для атаки, страх — для защиты. Сама человеческая природа об этом позаботилась. Ведь, заметь, если гнев обычно просится наружу, то страх всегда остается с нами. Да, думаю, такая физиология у нас не случайна.

— Постой-постой, Полина, ты упомянула врагов.

— А теперь самое время перейти к главному. Инициации.

Девушка поднялась из кресла и нырнула в проход среди стеллажей. Оттуда послышалось дребезжание дверец от клеток, потом шорох.

— У нас есть враги из числа людей. Но о них я расскажу позже. Гораздо опаснее другие — те, кто вредит человечеству и всему живому испокон веков, — говорила Полина, выискивая что-то. — Сейчас я вас познакомлю.

Радмир на диване забеспокоился:

— Может, позже? У меня еще магия в голове не уложилась.

— Нет. Самое время. Ты почувствовал чары на собственной шкуре. Поэтому твои привычные — набившие оскомину — представления о мире сейчас разрушены и не действуют.

— Среди полок снова раздался шум возни. — Именно в такой момент окно познания приоткрывается шире, чем обычно. Люди оказываются способны узнать и — это особенно важно! — принять нечто действительно новое. То, что не вписывается в старую картину мира... Черт, да где же... Короче, надо успеть провести инициацию. Потому что данное состояние продлится недолго. Очень скоро твой разум постарается вернуться в комфортные для него условия. Попытается отреставрировать прежнее восприятие реальности. Пусть даже с помощью самообмана, отрицания или самоубеждения — подобных средств у него всегда предостаточно.

Полина вернулась с цветочным горшком, из которого торчала самая обыкновенная комнатная фиалка. Растение, как видно, погибало: большинство листьев либо уже засохли, либо начинали загнивать.

Радмир скептически взглянул на девушку, пока та располагала цветочный горшок на низеньком стеклянном столике возле дивана.

— Так вот каков он, Черный Властелин? Немыслимое коварство. На каждой кухне мира ведь, в каждой спальне...

— Ага. Через пару минут вместе посмеемся, — хмуро перебила Полина. — После инициации. А теперь, пожалуйста, слушай внимательно. Верить в это не обязательно, просто слушай. — Устроившись напротив Радмира, она посмотрела вверх умирающего растения. — Если оглядишься по сторонам, то увидишь живых существ, разные предметы и явления. Ну там, как снег идет, как я с тобой сейчас разговариваю. Или вот этот стол между нами... Проблема в том, что твое зрение показывает тебе не все. Оно утаивает одну очень существенную деталь. — Полина сощурилась. — Есть особый способ смотреть на окружающую реальность, чтобы видно было действительно все. Такой способ называется зорок.

— Зорок?

— Это старое-престарое слово. Обозначает примерно то же, что и «взгляд», — отмахнулась Полина. — Главное, что смотреть можно обычным зрением, а можно — зороком. Во втором случае видно то, что большинству недоступно. Ты начинаешь понимать настоящие причины всех болезней. Всех несчастных случаев. И всех смертей, которые так или иначе происходят.

Радмир наморщил лоб, пытаясь разобраться:

— Это вроде ясновидения? Типа как экстрасенсы? С предсказаниями?..

– Нет. Ты просто начинаешь видеть тех, кто творит все эти беды.

На некоторое время в подвале установилась тишина, только чуть слышно цокала лампа под потолком. Затем Полина продолжила:

– В разных культурах мира их называли по-разному. Например, нашим давним предкам – древним славянам – они были известны как навьи. Еще в те глухие времена уже стало всем ясно: эти существа несут вовсе не добро. Разумеется, люди хотели задобрить их разными способами. Пытались защититься амулетами и оберегами. Просто прятались в домах. Только все это мало помогало. Ко всему прочему, для обычного человека навьи оставались незримы. А как можно спастись от незримого?.. К счастью, некоторые из людей развили в себе особый навык – видеть этих тварей. Так появился зорок. И тогда стало ясно как день, что ни угощения, ни любые другие попытки задобрить – ничто из этого навьям не нужно. Совершенно. Жизненная сила – вот чем они питаются на самом деле. Только ею одной. – Лицо Полины сделалось непроницаемым. – Поэтому горшок с медовой кашей, наивно оставленный у входа в дом, никак от них не защитит. Никак.

Хотя в подвале горел свет, Радмиру сделалось неуютно.

– Значит, приходят они не за кашей... Ладно. И что дальше?

– Благодаря зороку люди увидели, с кем имеют дело. Но как бороться с навьями, никто не знал. Порой попадались, конечно, отдельные личности, – Полина махнула рукой. – Но они либо не передавали своих знаний, либо никто не мог последовать по их пути. Ну, святые там, блаженные и так далее... Это продолжалось до тех пор, пока не появился Георгий Победоносец.

– Так ведь он тоже святой, – растерялся Радмир.

– Верно. Но в отличие от других он сумел – как сказано в летописях – «вложить копье, поразившее змея, в руки последователей».

– И что это за копье?

– Та самая магия, которую ты испытал на себе.

– Магия? В руках святого?!

– Да какая разница, – Полина пожала плечами. – Можешь считать это волевым усилием, помноженным на эмоцию. От названия суть не изменится. Главное заключается в том, что Георгий Победоносец передал свои знания. Так зародился

наш клан. И в честь основателя мы теперь зовемся георгосами.

– Георгосы... А что стало с навьями? Вы их победили?

– Нет. – Девушка устало оперлась ладонями о собственные колени. – С тех пор прошло много веков непрерывной войны. Сейчас о навьях никто не слышит. Но сами эти существа никуда не исчезли. Они по-прежнему здесь. Только теперь в клане мы стали называть их иначе. – Полина стиснула ладони. – Умертвия. Такое название хорошо отражает их сущность и базовую потребность – умерщвлять все живое вокруг.

Она взялась за цветочный горшок обеими руками:

– Сейчас я покажу одно из них.

Полина вытряхнула цветок прямо на столик. По стеклянной поверхности рассыпались комочки земли и торфа, неприятно звякнули мелкие камешки. Радмир, морщась, вглядывался в темно-зеленые пятна гниющих листьев:

– Тут нет ничего.

– Есть. Смотри внимательней.

– Куда смотреть-то?..

Полина блеснула глазами исподлобья:

– Что? Вообще ничего не видишь? Похоже, окно познания закрывается. Надо спешить. – Она придвинулась ближе. – Подумай еще раз о магии, которую ты недавно испытал на себе! Помнишь? Или мне повторить? А?!

– Не надо ничего повторять, я верю, верю, – Радмир с опаской переводил взгляд с умирающей фиалки на собеседницу. – Просто тут...

Один из комочков темной земли рассыпался, что-то шевельнулось под засыхающим листом. Как вдруг Радмир громко выругался и отпрянул.

– Это еще что за... – спиной вжался в диван.

Как оказалось, смотрел он вовсе не туда. Стоило сощуриться, и открывалось тайное: в россыпях торфа корчилось коричневое существо, похожее на чешуйчатую куколку крупного насекомого. Извиваясь, оно жалило стол, сухие листья. Потом вслепую подползло к основанию корня. Тотчас впилося и присмирело. Видно было, как по тельцу прокатывают волны.

– Это и есть умертвие. Мелкое.

Радмир оторвал взгляд от стола и уставился за спину Полины:

– Что... тут за место?

– Я же сказала – полигон.

Подвал было не узнать. По стенам ползла бурая плесень, над цветами вилась крупная мошкара. Но главное, в клетках и аквариумах – бок о бок с животными и рыбами – копошились невиданные создания. Безобразные, многоликие, хищные. Ползли по стеллажам, потолок, змеились по полу.

Вот тощая собачонка со слезящимися глазами лежит в углу клетки, вздыхает поминутно, дрожит. А вся спина у нее обросла паразитами, похожими на черных мидий. Те шевелятся, приоткрывают и закрывают створки, будто дышат. Соседнюю полку занавешивает обыкновенный плющ, но стоит присмотреться, и видно, как среди увядающих побегов снуют чьи-то жадные хоботки – высасывают из растения силы. Поблизости прячется за стеллажами нечто темное, крупное. Тянется длинным пугливым щупальцем к клеткам с морскими свинками, хочет достать.

Радмир часто-часто моргал, зажмуривался – всякий раз картина менялась. Обычное зрение порой возвращалось, и тогда все становилось на места, выглядело привычным образом. Но стоило сощуриться, как зорек нараспашку открывал другую реальность, дополненную уродливыми созданиями – точно явившимися из дурного сна.

Благодаря зороку Радмир вовремя заметил, что по кожаному подлокотнику дивана к его пальцам подбирается одно из умертвий – крохотная гидра с зеленым пучком колышущихся отростков. Отдернув руку, воскликнул:

– Да они же тут повсюду!

– Умертвия, которые ползают здесь, летают, и вон та плесень на стене – это все мелочь. Такие опасны, только если ты фикус или мышь. – Полина чуть улыбнулась, однако улыбка вскоре сползла с ее лица. – За людьми на улицах охотятся другие. Твари покрупней и посмышленнее. Ты скоро их встретишь.

Глава пятая. Предательство

Несколько часов Радмир не покидал смотровой площадки на Воробьевых горах. Смотрел на стадион «Лужники», тонущий в серой морозной дымке, вглядывался в далекие и темные башни делового центра «Москва-Сити». Отсюда открывался привычный вид на зимнюю столицу. Таковым он оставался ровно до тех пор, пока Радмир не начинал шуриться.

С голых ветвей теперь свешивались причудливые лишайники, светящиеся паутинки, кругом шевелящейся бахромой расстилались мхи. По гранитной балюстраде смотровой площадки, под ногами у прохожих сновали мелкие умертвия, напоминающие ящериц. А над «Лужниками» кружили странные птицы с очень длинными гибкими хвостами – купались в клубах тумана, вдруг обрушивались вниз, потом снова взмывали вверх.

Одно из самых неприятных открытий заключалось в том, что люди проходили сквозь умертвий и даже не догадывались об их существовании. Зато умертвия видели каждого человека. Эти многоликие хищники всякий раз замирали, когда приближался очередной прохожий, расступались или, напротив, тянулись следом некоторое время. Чуть позже Радмир увидел и тех, кто издавна питался жизненной силой людей.

Вначале послышался кашель. Мимо прошла пожилая женщина в дубленке: она прижимала платок к бледным губам, но даже не подозревала, чем вызван этот кашель на самом деле. Шею ей облепило черным воротником ноздреватого теста, которое тяжело шевелилось и пережимало жертве горло. Затем среди прохожих показался хмурый подросток. За ним неотступно летел рой крупной мошкеры: странные насекомые поминутно жалили парнишку сквозь спортивную шапку прямо в голову, порой присаживались ему на темя, нетерпеливо сучили желтовато-серыми лапками.

С Воробьевых гор Радмир отправился домой. И всюду, всюду ему теперь попадались по дороге страшные спутники людей. Особенно поразило огромное умертвие, поселившееся в метро: под сводами станции «Парк культуры» лепился бурый нарост. Из его недр поминутно спускались белесые плети, вяло поглаживали пассажиров по плечам, а потом прятались обратно. В самом наросте при этом что-то вздыхало, тяжело ворочалось. Когда одна из плетей потянулась к Радмиру, он отскочил с перепуга, да так, что едва не сбил с ног влюбленную парочку. Пришлось извиняться. А когда на улице к Радмиру стал присматриваться полицейский, стало ясно: пользоваться зором следует аккуратно. Или, по крайней мере, не выдавать истинных эмоций, разглядывая Москву по-новому.

Родной многоэтажный дом Радмир едва узнал. Наползину обросший черной лозой, с подозрительными гнездами под карнизами, дом напоминал крепость, где обитают темные силы. Однако подъезд оказался, на удивление, чистым – Рад-

мир поднялся по лестнице, так и не встретив ничего опасней лишайников на стенах. Словно кто-то здесь совсем недавно навел порядок.

Порог квартиры он переступил с замиранием сердца. Пугала возможность обнаружить скопище жутких созданий где-нибудь под ванной или их тайное логово на балконе. Но нашлась только багряная плесень, неторопливо пожирающая на кухонном окне любимый мамин цветок «женское счастье». Еще при появлении Радмира что-то темное успело юркнуть в вентиляцию, вот только разглядеть это умертвие не удалось.

Он прошелся по комнатам, осмотрел каждый угол. На все настороженные вопросы мамы и сестры ничего вразумительного сразу придумать не удалось. В итоге из зала послышалось печальное мамино замечание:

– Кажется, Радмирка выпил. Оставь его в покое, Ириша. Пусть поспит.

И действительно, стоило устроиться на постели в своей комнате, как тотчас стали накатывать волны глубокого сна. Слишком уж много выпало переживаний для одного-единственного дня. Радмир даже умываться не стал и уснул в одежде. Будто в глухой обморок провалился.

Разбудил его звонок сотового телефона. Сквозь занавески белоснежно-кипящим водопадом лился утренний свет. Радмир нехотя принял вызов.

– Здравствуй. Это Ярослав. Мне надо...

– Что? Какой Ярослав? – перебил он, щурясь спросонья.

– Ты вчера прошел инициацию, стал одним из георгосов.

А я глава клана – можно сказать, твой работодатель. Просыпайся, Радмир! Через час будь у Исторического музея. – Мужчина в трубке чуть смягчил голос. – Позавтракаем, получишь первое задание. И не опаздывай.

На этом телефонный разговор был окончен.

Радмир завозился на постели. Как вдруг вскочил: запустив пальцы в волосы, с минуту стоял посреди комнаты, часто моргая. Потом, путаясь в занавеске, приник к оконному стеклу. Сощурился. И тотчас отпрянул:

– О, господи! Я их все-таки вижу...

Кирпично-красная гора Исторического музея грелась под зимним солнцем. Радмир пришел немного раньше, и потому стал свидетелем того, как с Красной площади к нему направляется некий господин. Его хотелось назвать именно «господином» – по-старинному, с долей уважения и лести, хотя тот

был еще не стар. А потом Радмир распознал в нем мужчину, в обществе которого у метро впервые увидел Полину.

Ярослав подошел и, сняв перчатку, ответил на рукопожатие:

– Пройдемся. Тут неподалеку есть одно место, где можно позавтракать.

– Да. Давайте пойдем, – Радмир обратил внимание, что поневоле поместил Ярослава в разряд тех людей, к которым обращаются на «вы». Такое отношение порождала его манера держаться – уверенная, с изрядной долей воздушного лоска, столичной грациозной горделивости. А второй причиной послужила ранняя седина в коротких волосах Ярослава.

В заведении они оставили вещи у входа. Радмиру было чуть неловко вешать свою простецкую спортивную куртку рядом с неброским, но явно дорогим замшевым пальто мужчины.

Устроившись за столиком, Ярослав принялся в молчании изучать меню. Радмир с неуверенностью тоже взял пурпурно-красную книжицу. Но, едва взглянул на цены, как сразу потерял всякий аппетит. Мужчина напротив, не поднимая взгляда, задумчиво пробормотал:

– Заказывай, что хочешь. Угощаю.

– Спасибо, но я не голоден.

Ярослав наконец поднял на него серые глаза, чуть поморщился:

– Все равно закажи. Даже если не будешь есть.

– Зачем?..

– Мне некомфортно. Хочу, чтоб перед тобой стояла еда, когда я буду завтракать. Тебе ведь не сложно, правда?

Радмир кивнул и снова взялся за меню. Путаясь в незнакомых названиях, осторожно выбирая блюда с оглядкой на цены, сосредоточенно хмурился. Сейчас он поневоле размышлял над тем, сколько уколов с выездом на дом – как мед-брату – ему пришлось бы сделать, чтобы оплатить очередное кушанье в списке. Вот замысловатый грибной суп с травами, который стоит шесть уколов – это полдня в разъездах. А вот медальоны из телятины – двенадцать уколов по меньшей мере. «О! Замечательный белый чай – всего три укольчика!», – Радмир хмыкнул. Но тут ему на глаза попался бизнес-ланч, ради которого, пожалуй, пришлось бы научиться работать со скоростью татуировочной машинки. В итоге он заказал салат «Греческий» и стакан грейпфрутового сока. А пока официант

расставлял перед Ярославом череду блюд, думал над тем, какой из трех вилок теперь придется есть.

Вот мужчина придвинул тарелку, чтобы сподручней было резать мясо:

— Если я правильно помню, у твоей матери проблемы со здоровьем.

— Да, — от этих слов Радмир помрачнел. — У нее остеопороз.

— Раз так, тебе нужны деньги. Ты ведь хочешь ее вылечить? Или, допустим, отправить на отдых в хороший санаторий? В ее возрасте это уже не роскошь — это необходимость. Прости за острый вопрос, но все же: как думаешь, сколько она продержится без соответствующего ухода?

Радмир подавленно оглядел свой салат, потом бросил вилку на стол:

— Зачем вы это говорите? Что значит «сколько продержится»?!

— Напрасно сердиться, — Ярослав невозмутимо прожевал кусочек стейка. — Я хочу сказать одно: у нее нет времени ждать, пока ты разбогатеешь, работая медбратом. Лечение и уход ей нужны сейчас. Да и сестра твоя могла бы учиться в более престижном заведении. Чего уж там.

Ярослав на минуту отвлекся от завтрака. Вынул из внутреннего кармана темный конверт и положил перед сотрапезником. Придвинул:

— Держи. Это тебе.

Заглянув внутрь, Радмир тотчас отложил конверт. Казалось, содержимое попросту не может принадлежать ему и очутилось здесь по ошибке.

— Я это должен кому-то передать? — Но заметив выражение лица Ярослава, разволновался. — Там больше ста тысяч. Если это моя зарплата, то... за какой срок? И что потребуется делать?

— Это не зарплата. Это аванс. Я не настолько глуп, чтобы экономить на сотрудниках. Но и благотворительностью наш клан тоже не занимается. — Мужчина вытер кончики пальцев салфеткой. — Итак, у тебя в руках деньги на лечение матери. Скажи, на что ты готов ради нее?

— Ради мамы? На все.

— А если сегодня потребуется человека убить?

Радмир тяжело сглотнул и замер, не отводя взгляда от конверта.

– Не спеши. Мне нужен от тебя взвешенный ответ.

Ярослав, как ни в чем не бывало, снова принялся за еду.

Прошло несколько минут, прежде чем Радмир решился. С внутренним усилием он передвинул темный конверт по столу обратно к мужчине:

– Такая работа не по мне. Спасибо.

– Только потому, что твоя мать еще неплохо держится? – Ярослав испытующе взглянул на собеседника. – А если завтра ей станет хуже? Вернешься и станешь просить? Скажешь, что передумал?

– Нет. Причина в другом. Если б она только узнала, как заработаны эти деньги, то отказалась бы от лечения. Даже умирая, отказалась бы. Вот.

Ярослав покивал своим мыслям и обмакнул жареный хлебец в горячий сыр:

– А если бы тебе по долгу службы пришлось убивать умертвий?

– Конечно, на такое-то я согласен! Они же вредят людям.

– Ясно. – Мужчина вздохнул. – Что ж, Полина уже рассказала тебе историю нашего клана. Но как георгосы работают сейчас? Я изложу дело вкратце. На сегодня клан состоит из нескольких частей. Есть детективное агентство, где, помимо прочих сотрудников, работают хакеры. Это приносит некоторый доход. А главное, позволяет следить за настоящими врагами из числа людей. В том же особняке расположен закрытый научно-исследовательский институт. Там якобы занимаются исследованиями в области биологии. На самом же деле предмет изучения там только один – умертвий. И все что с ними связано. Также у нас имеется финансовый отдел, через который проходят все платежи. Но это лишь то, что на поверхности! Люди, работающие там, даже не догадываются о существовании клана георгосов. У них все... скучно, прозаически. – Мужчина снисходительно усмехнулся. – Верхушка клана выглядит иначе. Я стою во главе, как некогда стоял мой отец. – Ярослав перестал улыбаться. – Можешь называть меня экзарх. Такое обращение бытует в клане уже много столетий. Ниже стоят балии – все остальные маги. Ты теперь тоже один из них. Балий. Самые сильные из вас выполняют особые поручения клана. Мои. Сейчас ими занимается Вадим.

– А что за поручения? – Радмир вспомнил, с какой опаской об этих поручениях отзывалась Полина.

– Позже, позже. Об этом – позже, – экзарх поморщил-

ся. — Важно другое: ниже лабораторий НИИ есть тайные залы. Музей георгосов. Там хранятся поистине бесценные реликвии, свидетельства старины. Точнее, хранились до недавнего времени. — Лицо ексарха сделалось жестким. — Нас ограбили. Хуже того — предали! И кто?.. Изменники, бывшие балии из числа георгосов. Они не только украли самые ценные свитки с описаниями обрядов, но и переманили к себе молодых магов. И переманили не столько обещаниями, сколько ложью. А тех, кого обмануть не удалось... Отступая, предатели убили многих из нас. — Ярослав опустил голову. — Сегодня клан георгосов в упадке. Таким слабым он не был еще никогда. Мы едва держимся.

— Почему те балии предали вас? Ради чего?

— Они предали не только меня. И не только саму идею нашего клана. Все гораздо хуже. — Мужчина помолчал. — Они предали заветы нашего основателя — Георгия Победоносца. Предали весь человеческий род, потому что пошли против собственной природы. Их измена — она чудовищна. Я до сих пор не могу понять этого, не могу принять, но... — Ярослав бесильно уронил руки. — Они объединились с умертвиями.

— Нет. Не может быть! — Радмир даже придвинулся ближе, облокотившись о стол. — Разве с ними вообще можно взаимодействовать?

— А ты не знал? Высшие умертвия — особенно те, которые пожирают жизненную силу людей, — они разумны. Вполне! Ты даже можешь с ними поговорить при встрече. Только, боюсь, это будет последний разговор в твоей жизни. — Ярослав вздохнул. — Умертвия беспощадны и вечно голодны. Люди, примкнувшие к ним, стали не хозяевами, а слугами. И многие умертвия теперь питаются своими рабами.

— Так что стало с предателями? Они, наверное, все погибли?

— О, нет! Дела у них идут восхитительно. По крайней мере, видимость создается именно такая. Участь раба незначительна, но от своего хозяина он все-таки получает некую выгоду. Умертвия поделились с ними крохотной толикой своей демонической силы. Этого оказалось достаточно, чтобы изменники получили невероятное могущество. Любой их маг в бою стоит двух, а то и трех наших балиев! И сила их с каждым днем только растет.

Ярослав обвел взглядом зал. За дальними столиками уже сидели семейные пары с детьми. Чуть ближе расположи-

лись бизнесмены, которые завтракали, не отрывая взглядов от ноутбуков и бумаг. Мимо прохаживались официанты. Впрочем, никто из посетителей не обращал внимания на Ярослава с Радмиром. Точно они сидели за непроницаемой стеной.

– Как думаешь, измены и всего того, о чем я говорил, достаточно, чтобы их ненавидеть? – Не дождавшись ответа от растерянного Радмира, мужчина продолжил. – А ведь они на этом не остановились. Они пошли дальше! Да.

Ярослав подобрался. Взгляд его сделался суровым:

– Отколовшись от клана георгосов, предатели вначале обосновались в Москве. А потом распространили свое влияние на десятки других городов. Знаешь, как они это сделали? Открыли сеть частных медицинских клиник. Вот. Вот именно так проявляются их коварство, двуличность! Лицемерие! – Ярослав стиснул салфетку в кулаке. – Думаешь, они там действительно людей лечат?! Они там кормят своих хозяев – умертвий. Кормят их жизненной силой пациентов. Больных людей, которые пришли за помощью! Это... Я не могу об этом говорить спокойно. И не могу теперь называть предателей людьми. Они... нелюди. – Екзарх остро взглянул собеседнику в глаза. – Скажи, Радмир, разве эти отродья заслуживают снисхождения или понимания?.. Когда я спрашивал, готов ли ты убить человека, я не имел в виду прохожих на улице, твоих или моих соседей. Нет. Я имел в виду этих зверей. Так что ты скажешь теперь?

Радмир опустил взгляд. Слова Ярослава казались рассказом о жутком сне. Не верилось, что кто-то в реальности способен пойти на подобную бесчеловечность. И оттого Радмир еще не допускал мысли, что его руки однажды окажутся испачканными кровью. Чьей бы то ни было.

– Сейчас, сейчас... Постойте... Что это за клиники? Где они? Где все это происходит? Кто ими руководит? Кто вообще эти предатели?

Ярослав отпил воды, потер лицо руками, чтобы вновь обрести самообладание. Уже сдержанным голосом ответил:

– Отколовшись от геогосов, они обосновали свой собственный клан. Их екзарха зовут Всеволод. Это мудрый, как змей, и крайне опасный старик. В отличие от большинства остальных рабов, умертвия наделили его магической силой сполна. Не покупались. Его магия чудовищна. К Всеволоду не подступиться – его, ко всему прочему, берегут как зеницу ока. К счастью, он уже дряхлый. Скоро хозяева полакомятся его

жизненной силой. Жду не дождусь этого момента! – Ярослав покивал. – А именуют они себя лазаритами. По названию сети клиник «Лазарь Плюс» – паучьей сети, которую они раскинули по всей стране.

Едва услышав название, Радмир окаменел. Та самая клиника, где столько раз уже – при участии Игоря! – бывала мама. Лечилась.

Ярослав заметил изменившееся лицо Радмира:

– Что? Уже видел одну из их клиник в Москве?

– У них бывала моя мама. Я сам отправлял ее туда...

– Часто был свидетелем подобного «лечения». – Мужчины презрительно цыкнул. – Дай угадаю: всякий раз – временное улучшение. Верно? Мама твоя, должно быть, возвращалась поспежившей?

– Да. Так и было.

– А ты задумывался, почему они до сих пор не вылечили ее полностью? Будь уверен, они могут! Но вот какое дело: временное улучшение – это их приманка. Чтобы люди шли. Если деньги. Рассказывали знакомым. А потом возвращались снова. Ты же теперь и сам все понимаешь: лазаритам надо кормить хозяев. Регулярно. Умертвия не бывают сыты.

– Нет. Нет, нет! Так не может быть, – Радмир зажмурился и потер виски.

Любая мысль об Игоре, любое воспоминание о нем теперь сделались мучительными. Лучший друг просто не мог поступить так!

– Маму. Туда. Не води. Никогда, – отдельно произнес Ярослав и откинулся на спинку стула. – Но хватит об этом. Я назначил встречу именно здесь не случайно. Хакеры из нашего детективного агентства следят за лазаритами. Один из предателей сегодня появится тут. Точнее, одна. Что весьма кстати! – Екзарх довольно сощурился. – И она уже пришла. Посмотри в окно, Радмир.

Морщась как от боли, тот обернулся к огромному окну заведения. За стеклом виднелись припаркованные машины и улица, на противоположной стороне которой темнел за оградой палисадник. Как раз там, у ограды, стояла девушка в лиловом пальто. Дулька ее агатово-черных волос была на восточный манер заколота двумя спицами. Черноволосая незнакомка еще не заметила ни Ярослава, ни Радмира – она настроженно вглядывалась куда-то в темноту палисадника. Точно говорила со спящими в снегу деревьями.

У Радмира в голове вдруг поднялся знакомый звон. Этот безумно тонкий писк на границе слышимости буквально заставлял любого человека обратить все внимание внутрь самого себя. Вот и теперь Радмир, отвернувшись от окна, измученно закрыл глаза.

Лазариты? Незнакомка? Клиники? Это не имело ни малейшего значения. Сейчас все отступало на второй план перед одной-единственной мыслью: Игорь – друг детства, лучший друг! почти брат! – его давно предал. Несколько лет кормил умертвий жизненной силой мамы! Как можно было пережить, а тем более простить подобное?

– Очнись, Радмир! О чем бы ты сейчас ни думал, очнись! Это она делает так, чтобы ты задумался. Отводит глаза. Не поддавайся, действуй наоборот – сосредоточься на ней! Сделай усилие, и чары потеряют власть.

Радмир хмуро поморгал и поднял взгляд от стола. Снова посмотрел на девушку со спицами в волосах. Только теперь воспользовался зорком.

Рядом с незнакомкой стояло умертвие. Больше всего Радмира поразило то, что это жуткое существо обладало человеческим телом и лицом: высокий лоб, бледные скулы и взгляд, в котором читалось не то страдание, не то истома. Лицо это было прекрасным. Однако вместо волос на голове умертвия шевелились гибкие хлысты с крючьями жал на концах. Эти страшные «волосы» двигались независимо друг от друга, порой вздрагивали. Трепеща, поглаживали свою ужасную хозяйку, тянулись к девушке. Та словно не замечала прикосновений, блестящие от яда жала ее не беспокоили. Напротив, по ходу дела она даже обернулась и с улыбкой что-то сказала «напарнице».

– Видишь, Радмир? Эта лазария с умертвием заодно. Они не враждуют! А теперь приготовься – я уменьшу численность лазаритов. – С этими словами Ярослав ненавидяще оглядел девушку и на выдохе с силой стиснул кулаки.

Тотчас она болезненно выгнулась, словно в спину ей ударили шилом. Крика не было слышно за толстым стеклом.

Радмир вцепился в скатерть, наблюдая за происходящим.

Незнакомка упала на тротуар, пачкая пальто в слякоти. Корчась от боли, оно все же сумела поднять голову – пыталась понять, откуда пришел удар.

Умертвие рядом с ней вначале отпрянуло, но потом рух-

нуло на четвереньки, пытаясь закрыть девушку собой. Женское лицо чудовища сделалось дьявольски хищным – умертвие осматривалось с нетерпеливой яростью рыси, которая защищает свое потомство.

Ярослава и Радмира за прозрачным стеклом заведения лазария со своей кошмарной спутницей заметили одновременно.

Не поднимаясь с четверенок, умертвие ринулось в атаку. Оно приближалось так быстро, что Радмир понял: бегство ничем не поможет. Непроизвольно вскочив, он схватил первое, что попало под руку, – нож. При этом на пол полетела чайная чашка и разлетелась на сотню белых осколков, но никто в кафе – ни посетители, ни официанты – не заметили этого.

Ярославу пришлось разжать кулаки. Вместо этого он взмахнул пальцами, точно перерезая путь чудовищу. Умертвие перекувыркнулось в воздухе, уворачиваясь от невидимого удара, и одним прыжком преодолело расстояние до последней преграды.

– Радмир! Помогай! – бросил мужчина.

– Как?!

Просунув страшную голову сквозь стекло, умертвие зашипело: хлысты с жалами на концах вдруг вытянулись необычайно, вздыбились к потолку. И хлестнули наотмашь – по столу, по Радмиру с Ярославом, по стульям и цветочным горшкам на подоконнике.

Екзарх выстоял – он успел закрыться руками. Зато Радмир, выронив нож, тяжело повалился на сиденье: все тело онемело от удара, а руки и плечи, куда на миг вонзились кривые жала, он теперь и вовсе не чувствовал.

Ярослав не собирался проигрывать: на выдохе сцепил ладони в замок, в упор глядя на врага. Умертвие точно отшвырнуло взрывом – путаясь в собственных извивающихся хлыстах, оно перелетело припаркованные автомобили и даже дорогу, вновь оказавшись у стены палисадника.

Однако приземлилось умертвие на обе ноги. И злорадно улыбнулось, обнажив серые иглы зубов. Только теперь Радмир заметил, что незнакомки со спицами в волосах уже нигде нет. Пока умертвие отвлекало Ярослава, лазария успела сбежать.

Продолжая улыбаться, чудовище погрозило Ярославу тонким пальцем. Смертоносные «волосы» существа принялись цепляться за ограду, потом плавно подняли свою хозяйку

в воздух и перенесли на другую сторону. Еще несколько мгновений в темноте палисадника виднелось какое-то движение, а затем все замерло в привычном зимнем оцепенении.

Ярослав проводил умертвие взглядом. Затем, не скрывая разочарования, обернулся к Радмиру и буркнул:

– Балий называется. За нож схватился. Материя для этих тварей не опасна. Они могут сквозь стены, даже сквозь толщу земли ходить. К счастью, им это дается с большим трудом. – Экзарх, морщась, помассировал собственную ладонь. – Где была твоя магия? Почему ты не атаковал?

– Я не... умею, – с трудом выговорил Радмир.

Ярослав только вздохнул в ответ. Бросил, не глядя, несколько крупных купюр на стол. Поправляя запонки, деловым тоном сказал:

– Боль и слабость скоро пройдут. Главное, что ни одно из жал не попало в сердце – иначе ты бы уже умер. С сегодняшнего дня начнешь учиться магии. Отправляйся в дом клана, Полина займется тобой. И старайся, Радмир, прилагай усилия! Беспомощные сотрудники мне не нужны.

Экзарх уже собирался уходить, когда парень позвал:

– Подождите. Вы деньги забыли. Конверт.

Мужчина чуть помедлил. Потом посмотрел ему в глаза:

– Оставь себе. – Видя непонимание на лице балия, фыркнул. – Да, ты их не заслужил. Ты не сделал ровным счетом ничего, чтобы их заработать. Но их заслужила твоя мать. Тем, что воспитала порядочного человека. А такой товар нынче в цене...

Постанывая, Радмир сел на стуле ровно. Принялся разминать шею, одеревеневшие пальцы. Ярослав ушел, прихватив пальто. Но едва дверь закрылась за ним, как посетители начали оглядываться на Радмира. Тут же подошел официант: поинтересовался самочувствием и напомнил, что за разбитую посуду придется заплатить отдельно.

Рядом возникла молоденькая девушка в белом переднике – щеткой принялась аккуратно заметать осколки в совок на длинной ручке. Краем глаза она с интересом наблюдала за Радмиром до тех пор, пока тот не покинул заведение вслед за Ярославом.

ПОЭЗИЯ

Светлана СУСЛОВА
Народный поэт Кыргызстана

...БЕЗ МЕНЯ НЕ ВЫПАДЕТ УДАЧИ

НОВЫЕ СТИХИ

Непреходящее

Шелестят голоса.
Попадают лица
В незнакомой толпе вдруг родные до слёз.
Сколько раз на земле приходилось родиться?
Сколько жизней своих приняла я всерьёз,
Суею затмевая минувшего память,
Погружаясь в заботы слепого Сейчас?
Но, увы, не могу злободневное славить
И меняться, у этой же злобы учась.
Так и тянет застыть посредине движения
И закуклиться меж нескончаемых дел,
И закончить души своей преображенье,
И уйти за немыслимый взгляду предел.
Но вокруг шелестят голоса, осуждая.
Проступают в прохожих родные черты.
За предел подниматься положено в стае,
Покидая пустые земные сады.

Ученик и учитель.
Качели,
А не равные чаши весов.
Пляшет стрелка невидимой цели.
Вечный взгляд поднебесья высок.

Умирает восход, истекая
Светлой кровью всевышней души.
Эта дивная даль золотая
Будет прожита вся за гроши:
В суете, в непонятной тревоге
Из-за хлеба и крыши худой.
Мой Учитель,
Пойдём по дороге
Прямо к морю, в искрящийся зной.
Ты научишь меня не печалюсь
Проживать за мгновенье века.
Эту тёплую звёздную завязь
Благодарная примет рука.
Чтобы снова в каком-то рожденье
В твою ждущую чуда ладонь
Положила я плод обретенья —
Прометея сгубивший огонь.

У меня — слова. Жёстче чем дела.
У меня снова голова бела.
В детстве как ленок прядь была светла,
Но судьба-зима всё повымела.
Только вдруг в ребро поздний бьётся бес,
И на мой порог белый всходит лес,
Просит сказок он, снегом опалён,
В нём метель — как звон с четырёх сторон,
В нём мороз силён — и не выселишь,
Всё возьмёт в полон, разве — мысли лишь:
У мыслей слова — как в печи дрова,
Дурью маются, разгораются.
Отложу дела!
А не то зола от добра и зла
Лишь останется,
Перемелется, перемается:
Ведь слова снова мир творят всегда:
Был ленок, трава,
Стал ковыль — беда.
Но в него — о да, —
Вновь падёт звезда.

Фонарь. И ночь. И пусть – аптека.
Потусторонний в стеклах свет.
Я – из серебряного века,
А не из атомного, нет.
Снег серебром припудрил плечи
И в ореол замкнул фонарь.
Который раз вот этот вечер
Случился, вплёлся в календарь?
Ведь ничего не изменилось
На грешной, праведной земле:
Всё так же, словно чью-то милость,
Мы счастья ждём в тревожной мгле,
Всё так же войны не стихая
Собирают страшный свой улов,
Всё так же ложь струится, хая
Малейший всплеск правдивых слов,
И золотой телец, жирея,
Сосёт из душ людских любовь,
Чтоб люд, податливо старея,
Топтал небес высоких кровь,
Свет превращая в грязь и жижу,
Спеша к корыту скучных благ...
Взгляд запрокинув к небу, вижу
Небесных сил горящий флаг,
Как символ веры в человека,
Почти спасённого от тьмы...
Я из серебряного века.
Как, впрочем, все по сути мы.

Ты сердисься за то, что нет во мне
Готовности к безоблачному счастью.
Но даже день в полуденном окне
Уже к вечерним сумеркам причастен;
А сколько нас в минувшем, – кто сочтет
Все эти взвеси прошлого в грядущем?
Кто виноват, что жизнь всегда течет
И сор несет с собою вездесущий?

Когда мы только встретились с тобой,
Мир исключив на время из вниманья,
Течение это нежно, как прибой,
Ласкало дни, и даль была в тумане.
Но не спасла незрячесть от камней,
Подводных скал, и омутов, и мелей.
Ты не сердись, что снова грустно мне.
Смотри: орехи падают, – поспели,
Хоть листья, как большие веера,
Заботливо скрывали их от взглядов.

Все то, что в сердце вызрело вчера,
Сегодня, как паденье, встретить надо.

СУДЬБА

Всё оказалось проще и страшней,
Чем в юности судьба грозила сбыться.
Мы ждали слишком многого,
О ней
Слагая сказки, словно о деснице.
Она как птица вдаль летела, чтоб
Гнездовье свить, найти дневную пищу
И расцвести цветком на пепелище
Как поцелуем божьим в холодный лоб,
Не смерти, – нет,
На свете не дано
Смертельной неизбежности случаться:
Лишь тьмой её спасительное дно
Мерцает каплей дёгтя в светлом счастье,
Что называем жизнью и судьбой,
Загаданной и сложенной не нами.
Жизнь – не свеча, рождающая пламя.
Она – огонь, творимый сам собой.

Зима, как будто нищенка, в тряпье
Одета – отовсюду клочья ваты.
А я в броню заковываюсь, в латы,

Чтоб сердце не мешало жить моё.
Но всё равно, глаза потупишь – взгляд
Всё отмечает, словно вижу кожей.
Кто виноват, что больно жить, о Боже?
Но Ты, я знаю, в том не виноват.
Не виноват базар, что грязен он,
Не виноват карман, что пуст, дырявый,
И серый день, пропитанный отравой,
Своей невиноватостью спасён.
Минуты время цедит не спеша:
Течет река, и мы – влекомы ею.
Когда бы мне ответила душа:
Ну почему наперерез не смею
Поплыть, чтоб на речной ступить песок,
На берегу с долгами распрощаться,
Увидеть вдруг, как синий день высок,
И ощутить себя частицей счастья?!
Преграда – жизнь...

Твой взгляд, что меня возводил в королевы,
Я, лишь потеряв, научилась ценить.
Ты правым был. Воля мерещилась – слева.
Вот так и порвалась незримая нить.
Потом были ночи:
Пронзая пространство,
Сливали в одно наши души – тоской.
Скажи мне, какое оно – постоянство?
Как хлеб зачерствевший?
Как вечный покой?
Ведь все в этом мире течет и струится,
Меняя мгновенно свой облик за миг;
Из клетки стремится свободная птица
Взлететь и погибнуть;
Подземный родник,
Из теплого чрева земли пробиваясь,
Срывается с кручи алмазами брызг,
Выходит под грозы нежнейшая завязь.
Вся жизнь – непредсказанность, глупость и риск.
Спасибо разлуке – свободные руки,
Неведомость завтра, туман и роса.

Скучны королеве послушные слуги,
Что только украдкой и смотрят в глаза.

Вам без меня не выпадет удачи.
Закрылась дверь в блистающую даль.
Не о себе, — о Вас в ночи заплачу,
Поймав в созвучье к жалости печаль.
Мечтаний Ваших тщетных не облечь мне
Теперь вовек в бессмертную строку.
Не за меня боялись Вы, невечный,
Отстав в пути на тихом берегу.
Там Ваш уют — очаг, и рай, и тленье
Уже отнюдь не выстраданных чувств.
Вся Ваша жизнь отныне — искупленье
За то, что без иллюзий жить учусь.
Я не умру. Завидуйте, сжимая
Тлен обещаний в праведной горсти.
Я не затем пришла предгрозем мая,
Чтоб возвращаться в зиму с полпути.
Я — Ваша боль отныне и навеки.
Я гром и свет, летящий из-за туч.
Взгляните вверх, смежив с опаской веки:
Он как стрела — летящий косо луч,
Он — мимо Вас, Вы слишком мал и узок,
Чтоб Вас пронзала радость бытия.
Простите Жизнь.
Она — лишь риск союза
Грозы, беды и песни соловья!

Преданья близкой старины.
Дней ускользающих стаккато.
Воспоминаньями больны,
Увы, приходим мы к закату,
Всю мировую скорбь неся,
Вобрав её в житейский опыт.
Спешит планета, колеся.
Скрипит Сансары древний обод.

И ощущаешь этот скрип
Заметив вдруг простую малость:
Лист в паутину, жухлый, влип
И рвётся прочь, хотя осталось
Ему, последнему, упасть
Мазком прощальным, всплеском лета
Как зверю в пасть
В слепую грязь
В ней раствориться, кануть в Лету,
Не быть ничем, не быть нигде.
И это всё непоправимо.
Вот так и мы проходим мимо
Всего, оставшись не у дел,
Как в паутине, в суете
Брезгливо стряхивая будни,
Воспоминанья — те, не те, —
Мечты — какими уж не будем
Мы никогда — сверкать, лететь,
Теряя лики как наряды.
Так вот она какая — смерть:
Отринуть всё и стать посметь
Преодолением преграды.

Я искала Бога на земле —
Я влюблялась в мудрых и красивых.
Слить сердца в одной туманной мгле
На мгновенье
Было мне по силам.
Я искала Бога в снах, в мечтах,
В трепете поэзии и мысли.
Слово я носила на устах
Тайной,
Непонятной нашей жизни.
Я искала Бога в чистоте
Светлых рос на чашечках цветочных,
Поклоняясь вечной немоте,
Как истоку тайны — древней, прочной,
В глубине заоблачной, бессрочно
Души призывающей в нигде.
Я себя теряла в суете,

В графах жизни ставя просто прочерк.
И, почти закончив путь земной,
Вдруг узнала то, что знать без толка:
Бог везде, —
Тобой рождаясь, мной, —
Ищет он во всех себя — и только.

С самого детства пела.
(Сколько веков пою?)
Ждущей страницей белой
Видела жизнь свою,
Веря в одно лишь свято:
Лучшее — впереди,
То, что спою когда-то,
То, что ношу в груди.
Лишь одного просила,
Певчий угар любя:
Господи, дай мне силы
Не пережить себя!

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Первозванный

Памяти Андрея Вознесенского

мне шестнадцать мы солнце зажгли
прочитали секреты земли
исповедуемся во весь голос
аве оза серебряный зов в юном небе серебряный шов
свете тихий звезда прокололась
озаренье смятение борьбы зов трубы ощущение судьбы
непонятной шальной первозданной
в охрущёвленной мгле октябрей имя слову звучало андрей
первозванный

мальчуган молодая москва первые молодые слова
партбюро смутный холод погони
я тетрадку андрею несу промокашка душа на весу
вдох как птица в ладони
нищей юности щедрый улов голос колотых колоколов
суматошная высь предсказаний
мир соборный внезапно добрей ибо так заповедал андрей
первозванный

изумлённого знания знак просветлённый андреевский флаг
рисовальщик русского слова
полиглот улетевших годов где я к прочим трудам не готов
и не жажду улова
первый гамлета хриплый урок первый водки колючий глоток
воробей на пари с парашютом

старшеклассник заоблачных гор
словом полнится свод сакре кёр
первозванным

всё в новинку отметят не раз лучики у смеющихся глаз
богуславская ангел дамасский
книги шкаф запрещённых имён как шумит надо мной аквилон
долгожданной оглаской
в этих антимирах позолот на таганку с собой позовёт
контрамарка вдвоём с парижанкой
строчки дней золотой перелёт алый кактусовый переплёт
первозванный

над котельнической в ноябре серый ветер на синей заре
бонуар гумилев серп-и-молот
ни врагов ни голгоф ни флажков вновь охота идет на волков
гаснет звук летаргический холод
не предвидеть столетий кривых
не видать смотровых домовых
дымный вечер зовёт перезвоном
зря ль над пропастью где-то во ржи по таким голосили кжи
первозванным

первым зван у богов на пиру начинал ты игру на ветру
мировом бесприютном желанном
ах как жизнь пролетела легко высоко это всё далеко
в белом парусном сне магелланном
пусть останется в этом краю в этом вещем аду и в раю
в некий век золотой предзакатный
на немыслимом срезе времен русской яви несбывшийся сон
первозванный

для кого он сегодня горит твой серебряный метеорит
в неотзывчивой мгле остывая
в неподвижной пустыне небес без обмана без истины без
отголоска земли узнавания
оборвался твой голос давно новое забродило вино
тяжек крест юным нехристям данный
в мельтешенье бурлящих годин будет много других
ты один
Первозванный

Встреча

вслед за скорбной молвой
ни о чем не спрашивая
темным ликом светлея в распаде годов
сокровенною поступью ксения некрасова
все минует заставы больших городов
мы встречали во тьме эти тени заснеженные
на изломах проспектов в просветах полей
их слепые глаза с отрешенною нежностью
проводжали года как толпу журавлей
одинокое небо начертано начерно
звонкий возглас обломит сосульку — и звон
серебристой утратой час обозначивая
ксения! — молча кричит перекресткам времен
сколько слов виноватых об этом ни сказано
виноватыми кажутся только — слова
среди горькой изначницы ксения некрасова
все читает рассветы светла и слаба
неуслышанной — ей не уютиться над осенью
но продлится над осенью ласковый вздох
под родимой брусчаткой историей тесанной
оскорбленно-обугленный жив скоморох
серый ветер и дождь
а над ними всесильная
и вселюбящая — светит странствий звезда
и с усталой улыбкой некрасова ксения
видит солнечный сон уносясь в никуда

История любви

Ангел, шумя винтами,
снижается над Юго-Западным кладбищем.
Пронзительные глазки его из-под набрякших век
шарят по рядам смыкающихся могил,
по мраморной крошке, сорнякам и лёссу,
ржавым венкам,
пластмассовым канистрам и безутешным клёнам,
он протирает очки,
прищуривается близоруко,
смагивает сварливую старческую слезу:

– Иван, сын Кузьмы Шаповалова, – есть такой? -
не откликается земля.
– Иван Шаповалов, – звереет ангел, –
куда ты к черту запропастился, эй там,
позовите его что ли!
– Скоро будет, – шелестит хор голосов
с Почётного квадрата,
где кучкуются воины Курска и Манчжоу-го,
Сталинграда и Кабула, Колымы и Кандагара, –
он скоро будет, он скоро будет,
он у сына на даче,
это неподалёку, это рядом,
это совсем близко,
сын его психанутый гнал машину мимо кладбища
и с шоссе пожаловался,
мол, батя, трудно мне без тебя,
пожил бы ты хоть маленько, поглядел
на этот бардак! –
старик и рванул за машиной,
скоро он вернётся, скоро он будет.

...Отец мой, отец мой,
ты прожил три четверти века и плюнул,
сколько еще можно!
Как мало фотографий осталось для внуков,
как мало внуков! -
эти старые фотографии на картоне,
внутри виньеток чернобородые мужчины,
а в центре – мальчуган в картузе
на руках у отца,
моего деда,
чей взгляд прожигает картон.

Это ли не история любви?..
Когда в 1912-м дед распродал стада
и уехал покорять Америку -
и год спустя вернулся за вами,
семья голодала и обовшивела,
а те, что ловили взгляды его,
забыли наш дом, –
ты помнишь? – дед мой и твой отец
вернулся за вами.

Увидев оскорблённые труды свои,
сорокадвухлетний воронобородый
ровесник Ленина,
вывел последнего исхудалого рысака
и погнал по селу.
И прятался народ: Кузьма мстить приехал!
А дед загнал коня,
набросив на его вспененную спину
нагольный полушубок
и потом полушубком этим одел семью -
как накормил пятью хлебами,
и вши исчезли (и вновь они могли бы
появиться через семнадцать лет,
но дед был умней,
чем коллективизация).
Однако в этот день
грянул на дворе выстрел Гаврилы Принципа –
и рухнул печально известный
неповинный эрцгерцог,
и закрылись российские границы.

...А голодные первые советские годы –
это ли не история любви? –
ты, отец мой,
курил первую свою самокрутку –
и спалил чужую ригу,
и полсела стало с дреколем у дома:
выдай нам мальчика! –
и вышел дед с топором,
прислонился к резным перилам,
блеснула знаменито-змеиная его улыбка
и блеснул утренний лучик
на лезвии топора –
и молча отхлынула толпа!
Тебе было одиннадцать лет, папа.
Это ли не история любви?..
А когда ты, отец, пробив лёд ноября,
стоял по горло в пруду, и тебя искали
те, возжаждавшие кожаных курток
и алых мандатов,
твои дружки,
те, что плясали под знаменитую твою гармонию,

что кормились в твоём доме в голод,
кого ты вырастил возле себя, —
нет, а помнишь, как в 58-м
ты впервые за тридцать лет приехал в нищее,
в родное село — Гордиенки
Камышинского некогда уезда,
и старики —
они стали старше тебя! —
целовали тебе руки и просили прощенья,
а под английским драпом
звенели фронтовые твои медали...
И какая же разница, скажите мне,
между историей любви и Историей?

Много раз умирала наша семья —
но вновь поднималась.
не сломили фамилию ни войны, ни казни.
Эпоха охотилась на тебя, как на волка,
отец мой,
но игла портного плела нить жизни.
И теперь, когда нет вас, старики,
и остались только мы,
стареющие сыновья ваши,
фамилия Шаповаловых чахнет —
и лишь двум юношам ее продолжить.
Я не владею иглой, отец,
а разум — оружие слабых.
И когда еду мимо кладбища,
я бросаю взгляд в сторону твоей
неотмщённой могилы.
История любви...

...И летит душа старика за машиной
над аламединской аркой и байтикским подъёмом,
прочь от чон-арыкского перевала.
Но сын быстро ездит и ГАИ не боится —
вот и никак не нагонит его отец,
никак его не пожалеет.
Сын, откинувшись на сиденье,
правит одной рукою,
зло срезает он повороты,
мимо кладбища проезжая,

вспоминает врагов отца повзводно
и поимённо —
не со всеми еще расчёлся.
«Что ж ты зовешь отца, беспокоишь
езди другой какой-нибудь дорогой,
или впрямь все уже так плохо?» —
вы спросите сына —
так он ответит такими словами,
что старый очкастый ангел,
притулившийся на памятнике, ожидая Ивана,
шарахнется, свалится с низкой стелы
к корням одинокой сирени.

Александр СИДОРЧЕНКО

С НЕБЕС РАССЫПАН ДЕНЬ ОСЕННИЙ....

«АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА»

В жареном Городе
Люди-глазуны
с прелыми лицами, злыми глазами,
все вспоминают блаженный Июнь и
молятся Небу под образами:

— Да ниспошли же нам
дождь, хоть горстями!
Марево душное. Звери-машины
нас вытесняют, мы стали гостями,
словно игрушки на рынке блошином.

Перетасованы
все карты Лета,
будто бы шулер раздал самолично.
Ждешь Короля, получаешь Валета.
Вновь недобор, но всё будет отлично!

Ставлю на кон Август
вместо Июля
к новой колоде. С запасом озона
знаю секрет (стар, как рвань ридикюля).
Город наш стал «АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА».

ИССЫК-КУЛЬСКИЙ НОКТЮР

Пустынный пляж. Без декораций.
Пьёт дома чачу Валико,
потом уехал друг Гораций,
Володя тоже далеко.

И продавец со сладкой ватой
исчез с походкою ежа,
лишь только ворон вороватый
один шагает не спеша
по кромке линии прилива
да сотни уток на волне.
Всё вкусно: дыня, персик, слива.
Пейзаж сентябрьский? Вполне.

Обрывки лета собирая,
бросает их на провода
бродяга-ветер. Бархат рая
и очень свежая вода.
С небес рассыпан день осенний
и жёлтый лист упал в ладонь,
а ночью снился мне Есенин.
Живой. Красивый. Молодой.

Играл задорно на тальянке,
пел песни на свои слова
под тост за женщин, но без пьянки,
чтоб не болела голова...
Потом серьёзно говорили
про тех, кто душит, где болит,
и мясо жарили на гриле,
забыв про даты мрачных плит.

АЛЛИЛУЙЯ!

(пересказ истории случайного попутчика)

Казалось, что нас небеса повенчали,
Умчались, исчезли тревоги, печали
И жить не могли даже дня друг без друга,
Когда разорвали всю правильность круга

Обычных забот и других расписаний.
Зимою несли запряжённые в сани
Звения бубенцами горячие кони,
Как будто старались уйти от погони.

Весною встречал нас задумчивый Таллин,
Где небо упало в объятья проталин,
Потом переезд и в красавице Риге
Забыты былые обиды, интриги.
Всё лето плескались на море, как дети,
Куда-то спешили, неслись на рассвете,
Мелькали деревья, дома, как в экране,
Без пробок обычных дороною ранней.

На завтрак нехитрый пакет с перекусом,
Обед был шикарный — лепёшка с арбузом,
Смородина красная, персики, дыни...
Тот вкус помню нежный и сочный поныне.
А осенью ранней вдвоём с рюкзаками
Под парусом шли по извилистой Каме,
Костёр ночью жгли, согревались в палатке
И чай пили утром с душицей несладкий.

Потом появились потоки сумятиц,
Отмеченных чёрным тринадцатых пятниц,
Людская молва и сомнений усталость,
От лучшего в нас ничего не осталось...
Ведь в каждой истории есть тени грусти,
Вдруг сердце рванёт, а чуть позже отпустит.
Залили дожди весь пожар поцелуя...
Ушло.

Отболело.
Аминь.

Пусть хоть палят под ухо пушки!
Да кабы Да. Да кабы Нет.
Усну. А вдруг приснится Пушкин
и пригласит в свой кабинет?!

МЕЖДУ «ДА» И «НЕТ»

(О недописанном, переписанном, др. и пр.)

Осколки фраз, обрывки предложений
лежали тихо по углам,
уснувший шум оборванных скольжений
напоминал забытый хлам
вчераших слов, не высказанных всеу,
им будет нужен свежий день,
как чистый лист. Он снова разрисует,
оформит эту дребедень,

блеск наведёт на глади циферблата,
запустит в такт пропавший пульс,
без лишних слов брожения и блата
вновь полетит быстрее пульс
со свистом в цель, знакомую на карте,
давно лежащую на дне
архивных строчек с надписью «В Джакарте»,
из дневников в пыли над ней

осколки фраз, обрывки предложений...

ТОСТ ДЛЯ ПИШУЩИХ ДРУЗЕЙ

Товарищ! Друг! Знакомый ник!
Издать желаю сотню книг,
Потом поймать такой кураж,
Чтоб миллионным стал тираж
Аж...

Алтынай ИМАНБЕКОВА

А СЕРДЦЕ БОЛИТ И БОЛИТ...

Новые стихи

ЯНВАРЬ В БИШКЕКЕ 2018 ГОДА

Надежды горел свет
в конце холодного туннеля.
Минус двадцать, минус двадцать
четыре, минус двадцать семь.
И видно из окна,
как люди в соседнем доме
сидят при свечах
и греют квартиры
газовыми горелками.
И дети закутаны,
как дети подземелья.
Закрыты школы, детсады...

Гаснет свет надежды
на третий день.
Пришло уныние.
Ночью замерзли люди.
А сегодня горел Ошский* базар.
Фото заледеневшей ТЭЦ*.
Мерзнут родные мои старики,
холодные ручки
у маленькой дочки.
Мерзнут соседи, коллеги.
И замер город...
То ли в ожидании чуда,
А может, еще большей беды.

*Ошский базар – самый большой рынок Бишкека

*заледеневшая ТЭЦ – авария в январе 2018 года

В ЯПОНСКОМ СТИЛЕ

Ночь. Клубника на столе.
Плачет мужчина
в соседней комнате.

Зимний вечер. Чай
не краснеет даже
от стыда. Врет реклама.

Снежинки кружат.
Скрип твоих уходящих
шагов вспомнила.

Девушка долго
крутится у зеркала.
Узоры на стекле.

Зыбко всё в жизни.
И тихое счастье стать
может печалью
в мгновение, даже когда
расцветает черешня.

Я тихо плачу
у окна, и надежды
несвершённые
на землю опадают
лепестками абрикоса.

Видю тебя и
млею, таю, как масло.
Я и сирень
молча всё принимаем.
Господи, где же гордость?

Да, я поняла
любить тебя – пустое
дело. Хочу я:
не ждать, не звать и не варить
вишнёвое варенье.

Годами ношу обиды,
молчу и совсем не могу
расслабиться
и встряхнуться,

Поэтому...
На дне моих глаз
невыплаканные слезы...

В ЗЕРКАЛО В ПОЛУМРАКЕ СМОТРЮ

А сердце болит и болит,
за дверью смерть стоит,
в зубах ковыряясь косой.
А ночью приходит родня,
и тетка, что давно умерла
говорит: «Подвинься,
дай рядом полежу»,
«Мать твою», - говорю,
чертыхаюсь и место даю.
Лежим, я дремлю,
а она смотрит и ждет...

А сердце болит и болит,
я на краю стою.
В зеркало в полумраке смотрю,
а там за спиной тени
зовут и зовут –
а я туда не спешу,
но и они на страже...

Ничего тебе не простила,
Я смотрела в окно на ливень.
Тоже плакать хотелось сильно
Но я плакать совсем не умею,
И стучала по стеклу ногтями
Раз, два, три, раз, два, три.
Лоб прижав к окну крепко,
вспоминала твои проделки.
Твоё бледное злое лицо.
Вот за что ты меня ненавидишь?
Чем тебя я так прогневил?
Ты же должен понять – разлюбила.
И давно жизнь с тобой мне не мила.
Я надежду всегда хранила,
что все будет у нас хорошо.
А теперь и надежда померкла,
только сердце мое больное
мне осталось от тебя.
Раз, два, три, раз, два, три.
Стучит ливень в окно,
стучат пальцы.
А сердце почти не стучит.
Болит и болит...

КЛУБНИКА

Клубника красная,
чуть-чуть прокислая,
и все ж такая
агрессивная.
Жизнь не стоит,
она все движется
и прогрессивная.
Вот еду я в такси
ближе к двенадцати,
и девушка в платке
возле машины
клубникой торгует в ночи.

Клубника красная
чуть-чуть прокислая
и агрессивная
мой манит взгляд.
И фонари везде горят.
А муж (наверное)
той девушки
спит в машине,
пока его любимая
с клубникой сидит в ночи.

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Александр КАМЫШЕВ

СБОРЫ

Очерк

*Будь такие все, как вы, ротозеи,
что б осталось от Москвы,
от Расау?*

Д. Бедный. «Проводы»

На воинские сборы я попал за свой длинный язык. Всегда со мной так, ляпну не подумав, чем это обернется, а потом расхлебываю. По специализации, полученной на военной кафедре Томского политехнического института, я подготовлен на должность командира взвода по заправке ракет горючим и окислителем на комплексе С-75. Сейчас, наверное, об этом уже можно говорить, но сорок пять лет назад мы давали подписку о неразглашении приобретенных секретных знаний, по этой причине отклонили мою служебную командировку в Монголию. «Курица не птица, Монголия не заграница», – успокаивал я себя. Так вот, прописанная в воинском билете специальность в Киргизии почему-то не пользовалась спросом. Военкомат меня тревожил редко, разве что капитан Снегирев присылал повестку на пару дней посидеть у него в кабинете и разложить по алфавиту учетные карточки. Душевный был капитан, каких еще поискать, уважительный, лучший товарищ всех офицеров запаса. Если кому-то требовалось отлучиться из дома или с работы на два-три дня, ну на недельку, не больше, то заезжали к Снегиреву, и он выписывал фиктивную повестку на срочные воинские сборы. Всего за бутылку коньяка обеспечивалось стопроцентное алиби для ревнивых жен или надоедливых начальников.

Двадцать третьего февраля, когда сотрудницы нашего Института инженерных изысканий в прозрачных нейлоновых блузках с наведенными прическами и подкрашенными глазами суетились вокруг праздничного стола, мне позвонили из военкомата и обязали безотлагательно явиться к капита-

ну Снегиреву. Тогда и тени сомнений не возникло в обстоятельствах вызова, подумалось, капитан хочет отпраздновать профессиональный праздник и собирает знакомых офицеров запаса к нему присоединиться. Впрочем, так предположил не только я, еще трое явились в военкомат полностью подготовленными со снаряженными коньяком и бутербродами портфелями. Капитан по-быстрому раздал собравшимся повестки с предписанием на следующее утро явиться с вещами для прохождения двухнедельных воинских сборов:

– У кого есть вопросы, останьтесь! Всем остальным – до завтра, и попрошу без опозданий!

Уяснить некоторые детали предстоящих сборов потребовалось офицерам запаса, прибывшим с объемными кожаными портфелями. «Решали вопросы» прямо в кабинете Снегирева, закрывшись на ключ и произнося короткие тосты: «Слава Советской Армии!» и «За наши непобедимые вооруженные силы!» Наполненные до краев граненые стаканы с коньяком осушали залпом.

На следующий день товарищи офицеры собирались с помятыми лицами и часовым опозданием. Да и военкомат оказался не на высоте, транспорта еще не было. Коротая время на холодном ветру, запасники приняли единодушное решение «послать гонца за бутылочкой винца». Принятый недавно антиалкогольный закон запрещал продажу спиртного в утренние часы, а после обеда за водкой выстраивались огромные очереди, однако шустрый посланник вернулся быстро и не с пустыми руками. Согревались и поправляли здоровье уже в автобусе, не отказался опохмелиться и капитан Снегирев. Так что на место дислокации Панфиловской мотострелковой дивизии, располагавшейся на Курдайском перевале в полста километрах от Фрунзе, мы прибыли в приподнятом настроении. Перед КПП выстроился десяток автобусов из районных военкоматов. Один из водителей, показывая на часы, громко закричал:

– Цигель, цигель, ай-лю-лю.

Наш капитан рванул с места в карьер, а за ним и мы мелким аллюром пронеслись по территории части и пристроились на фланге ожидавшей нас шеренги запасников. Вступив на плац, команда подтянулась, приняв суровое выражение лиц, видимо, генетическая память напомнила о дисциплине и воинском долге. Морозный порывистый ветерок с колючими

снежинками, как ни старался, не смог остудить благородный порыв разгоряченных офицеров запаса отслужить как надо и вернуться домой победителями.

За построением последовала политучеба, призванная поднять боевой дух. В просторном клубе молодой старший лейтенант около часа звонким голосом увещевал о мудрой политике партии, о всемирном авторитете генерального секретаря КПСС Михаила Сергеевича Горбачева и о несокрушимой мощи советского оружия, отрезвляющего натовских стратегов:

– Учитывая сложную международную обстановку, растущую агрессивность реакционных империалистических кругов, Политбюро уделяет неослабное внимание обороноспособности страны, боевой мощи Вооруженных сил СССР, укреплению воинской дисциплины...

Капитан Снегирев, сидевший рядом, клевал носом и негромко посапывал.

– Да кто на нас посмеет напасть? – шептал мне на ухо Александр, мой ровесник, ювелир из фирмы «Кыял», с которым мы познакомились в автобусе.

– Зачем воевать, если не будет ни побежденных, ни победителей? – кивал я ему в знак согласия.

Старшего лейтенанта на трибуне сменил сорокалетний полковник, и хорошо поставленным командным голосом он начал докладывать текущую задачу:

– В боевой обстановке спрос будет со всех один, независимо, кадровый ли ты офицер или призван из запаса. Поставленные задачи должны выполняться четко, со знанием своих обязанностей и совершенным владением вверенной военной техникой и личным оружием. Повторюсь, вы прибыли не на краткосрочный отдых, а на интенсивные занятия и знакомство со своими воинскими специальностями. Разгильдяйства и расхлябанности я не допущу.

Громкий голос командира разбудил капитана Снегирева, нагнувшись ко мне, он начал шептать:

– Это комдив Лукьянов Валентин Михайлович. В свои тридцать пять он уже командовал танковой дивизией в группе советских войск в Германии, крутой служака, принципиальный сверх меры, постарайся лишний раз не попадаться ему на глаза.

После лекции нас накормили в солдатской столовой и строем отправили в штаб. Воинские билеты просматривал

седой подполковник, его ненормативная, отточенная до совершенства лексика не позволяет воспроизвести в оригинале речь при осмотре привезенных кадров, и потому передается только суть:

— Ты кого... мне доставил? Зачем мне понтонер, где я в степи мосты буду наводить? — громко выговаривал он нашему капитану. — А это что? На должность заместителя командира дивизиона ты мне подсовываешь ... оперативного дежурного.

— Где я других возьму? Какие есть, таких и привез, — оправдывался капитан, стараясь не дышать в сторону начальства.

Наконец в руки подполковника попали и мои документы:

— Заправщика с семьдесят пятого ты мне... предлагаешь в командиры взвода. Да он переносного зенитного комплекса «Стрела» в глаза не видел, как он будет своих бойцов натаскивать, а ведь на учениях и стрельбы планируются.

— Так он хотя бы ракетчик, — вид работника военкомата вызывал сострадание, и так-то небольшого росточка, а опустив голову меж плеч, он походил на нашкодившего подростка.

Вот тут я и влез со своим языком, пожалев капитана:

— Если я ракетный комплекс освоил, что же я не смогу в этих «Стингерах» разобраться?

— Вот видишь, каких я тебе орлов привез! — возликовал Снегирев, выпрямив шею.

— Ладно, — смиростивился начальник штаба, — «ракетчика» я заберу, и вот этих троих. Он назвал фамилии Александра из «Кыяла», красивого капитана Рустама Салахова, прибывшего на сборы в парадном кителе, и гренадерского сложения командира взвода разведчиков Виктора Брагина, нашего добычливого гонца.

— Остальных увози обратно, хорошо поройся в своей картотеке, мне офицеры для галочки не нужны.

Военспецов запаса, или, как нас называли кадровые офицеры, «партизан», оставленных в части, набралось на два взвода. Переодетое в свежие гимнастерки старого образца новоявленное воинство поселили в холодном спортзале, срочно переоборудованном под казарму. Несмотря на шапочное знакомство, мы, как земляки, призванные из одного военкомата, решили разместиться по соседству, выбрав двухъярусные кровати в центре, подальше от промерзших дверей и окон. Место надо мной занял Рустам, как оказалось, освобожденный председатель профкома треста «Сантехмонтаж», с малогабаритной конституцией, что немного успокаивало. По

окончании института он отслужил два года срочной, получил внеочередное звание и сейчас, представляя штабное начальство, держался несколько высокомерно, видимо, «партизаном» себя не считая. Александр по праву старшего выбрал нижнее место, неосмотрительно уступив «молодому» второй ярус. После отбоя Виктор решил испытать свое ложе и запрыгнул наверх, как грациозный олень. Сетка под его весом прогнулась, словно гамак, и мне стало страшновато за ювелира. Рустам последовал примеру разведчика, а Александра потянуло на разговоры. Пересев на мою кровать, он начал агитировать меня съездить на его родину в Хакасию. Неверно истолковав, чем занимаются изыскатели, он вообразил, что моя работа связана с поисками кладов, и негромким шепотом открыл сверхсекретную фамильную тайну:

— Мой прадед, будучи еще малолеткой, случайно подсмотрел, как при захоронении знатного хана в могилу опустили целый тазик золотых червонцев. Как-то мы с отцом отыскали указанное им заветное место и, имитируя выезд художников на натуру, поставили этюдник и раскинули шатровую палатку, планируя под ее укрытием раскопать ханскую могилу. Но, как только углубились на штык, с соседнего холма появился чабан, пригнавший отару, и уселся рядом. Решили копать ночью, но и вечером на огонек к палатке потянулись местные скотоводы, устроив вокруг нас импровизированный стан. От затеи пришлось временно отказаться. Отец внезапно умер, но то место я помню четко, одному ехать опасно, нужен надежный компаньон. Давай махнем летом на мою родину, поставим палатку и за ночь выкопаем сокровища, на всю жизнь хватит, — соблазнял меня Александр.

— Ну, если всем поровну, то и меня запишите, — включился в торги Рустам, ворочаясь над нами.

Утром офицеры расходились по своим подразделениям, а меня запирали в комнате секретного отдела. Инструкцию по эксплуатации и описание переносного зенитного комплекса приходилось учить наизусть, так как вести записи не разрешалось. С утра до самого вечера я сидел один в комнате и учил, учил... Один раз даже проспал обед. Через неделю меня перевели в другой класс со стендом, имитирующим стрельбу из переносного комплекса. По экрану бегала красная точка, ее требовалось захватить в оптический прицел и сопровождать несколько секунд. Если все удавалось сделать правильно,

то выстрел засчитывался, при некорректном ведении цели условная ракета не стартовала. На стенде я занимался один и к концу сборов выполнял норматив на отлично.

Мои сослуживцы оказались один говорливее другого, и время перед отбоем заполняли праздные разговоры. Александр заклинило на поисках кладов, и им муссировалась лишь эта тема. В их ювелирный цех на переплавку постоянно приносили различные древние украшения и золотые монеты, найденные в самых неожиданных местах. Судя по его эмоциональным повествованиям с массой подробностей, в старые добрые времена горожане только тем и занимались, что прятали свои ценности, а местные аграрии на распаханых средневековых городищах собирают дополнительный урожай в виде россыпей монет из драгоценных металлов. Рассказы ювелира я воспринимал как сказки о сокровищах в пещере Аладдина, но подспудно думалось: «А чем черт не шутит?»

Виктора интересовали плотские утехы и желание покорить как можно больше женских сердец. Работал он инженером-наладчиком в швейном цеху «Илбирса» и, если судить по его рассказам, на любовном поприще в свои двадцать пять обладал колоссальным опытом. Капитан Салахов высказывал вслух сомнения, что сексуальные похождения разведчика — плод богатого воображения озабоченного холостяка. Сам он поведал столь же маловероятную историю, что в тресте открыл массажный кабинет, где по совместительству разминает тела всех работниц детородного возраста. Чтобы не выглядеть белой вороной среди новых друзей, я удивлял их рассказами о суровых буднях в инженерно-геологических экспедициях в одной палатке с молоденькими сотрудниками. После таких разговоров на ночь все долго ворочались и не могли заснуть.

Две недели промчались незаметно. Рассказы ювелира о кладах и сокровищах, словно вредоносный вирус «золотой лихорадки», разъедали адекватное мышление, возбуждая иллюзорное желание разбогатеть, не прилагая больших усилий. Рустам, уже не вспоминая о своем массажном кабинете, на правах штабного офицера разрабатывал детальный план предстоящей экспедиции:

— Нашему тресту выделили на осень бесплатные турпутевки в Шушенское, а желающих пока нет. Постараюсь их забрать, проедем по Ленинским местам, а заодно и клад твой выроем.

Разведчик, попав под влияние заманчивых перспектив обогащения, упал нам на хвост, предложив свои услуги в качестве охранника золотого запаса.

— Конечно, треть больше, чем четверть, но, если помнить про боевое содружество, придется согласиться, — принял за всех решение капитан Салахов.

— Мужики, давайте договоримся больше никого не брать, — высказался Александр, явно сожалея о сокращении своей доли.

Меня дележ найденного клада забавлял:

— Когда я учился в начальной школе, мама задавала старинную математическую задачку. Попробуйте решить! На лесной дороге три мужика нашли кошель с тридцатью червонцами. Если по этой дороге пойдут четыре мужика, сколько червонцев они найдут?

— Ежику понятно, сорок, по десять червонцев на рыло, — выдал мгновенно разведчик.

Рустам намек понял:

— Если не веришь в успех операции, никто тебя силком не тянет.

Бацилла «золотой лихорадки», хотя и в легкой форме поразившая меня, порекомендовала заткнуться, чтобы не остаться за бортом авантюрного предприятия. Перед отъездом домой мы обменялись служебными телефонами и дали друг другу слово офицера строго хранить тайну и осенью отправиться за сокровищами, однако встретиться нам довелось немного раньше.

Как оказалось, зимние сборы предвворяли масштабные летние учения по развертыванию Панфиловской дивизии на полигоне в Южно-Казахстанской степи. О внезапной проверке боеготовности командование оповестили заранее, и нескольких офицеров запаса доставили в часть за неделю до часа икс. Непонятно, за какие заслуги, но моя армейская карьера резко пошла в гору, предписанная новая должность называлась «заместитель командира дивизиона по вооружению», в хозяйство которого входили бензовоз и несколько спецмашин. Стоящие под бдительной охраной на боевом посту автомобили потихоньку растаскивались: на одних поменяли карбюратор, на других скрутили генератор, у третьей отсутствовала коробка передач. Сразу вспомнился недобрый словом наш шустрый механик технической базы института, достававший

дефицитные запчасти у знакомых прапорщиков. Директор всегда ставил его мне в пример, как надо работать. О том, что запчасти ворованные, все, конечно, догадывались, но успокаивали себя тем, что воинская техника все равно простаивает без дела. В мое подчинение выделили семь гражданских водителей, которым вменялось поставить на ход к предстоящему маршу разграбленные машины.

Внезапная тревога, запланированная полгода назад, прозвучала традиционно в 4 часа утра. Поскольку личному составу приказали ложиться спать не раздеваясь, лишь только завывла серена, в темноте началась срочная эвакуация военной техники за пределы части. Как это часто бывает, заранее предупредили всех, кроме сверхсрочника-аккумуляторщика, который, повесив замок на свою каптерку, отправился в самоволку.

Я нерешительно переминался около запертой двери, когда ко мне подбежал водитель бензовоза, здоровенный жлоб лет тридцати пяти:

– Что за проблема? Закрыто? Так это мы мигом! Помнишь, как в сорок первом советские командиры вскрывали склады с оружием? Под твою ответственность.

Я не успел сообразить, к чему это он обмолвился про ответственность, как водитель шарахнул ногой, обутой в сапог сорок пятого размера, по фанерной двери, и она распахнулась.

Пытаясь помочь подоспевшим шоферам, я схватил ближайший аккумулятор, не заметив в темноте, что у него разбит корпус, и один потащил его к автозаправщику. Кислота, пропитав гимнастерку, оставила на животе огромное желтое пятно, которое к обеду осыпалось. Технику мы вытащили до рассвета и построили в колонну, уложившись в установленный норматив.

Военкоматы в это время поднимали запасников по всей республике и паковали их в автобусы. С рассветом в условленное место стали прибывать грузовые машины и вереница автобусов с личным составом. Выгрузка шла в голой степи, рядовых и сержантов разделили по взводам, переодели, накормили и дали возможность отоспаться. Выдача автоматов Калашникова шла под роспись, с предупреждением, что за утерю оружия полагается уголовное наказание сроком до трех лет. Кроме личного оружия, я получил три ящика с зенитными комплексами «Стрела». В дневной суете и неразберихе пос-

тоянно меняющихся приказов и вводных удалось увидаться с Рустамом.

Обняв меня как старого фронтового друга, он шепнул на ухо:

– Все идет по плану, встретишь Виктора и Александра, передай, клад почти у нас в кармане, путевки в Шушенское забронированы.

В мое подчинение, кроме водителей, с которыми я вытаскивал технику из части, добавили еще двух стрелков-зенитчиков и их подручных. Водителей распределили по разным подразделениям, и с ними я встречался только на построениях. Отделение стрелков возглавлял шустрый сержант, все знающий и все умеющий, но, как впоследствии оказалось, только на словах. Он сразу стал проявлять замашки дедовщины, выбрав объектом третирования второго стрелка, молодого низкорослого узбека Мирзу. Их подручные, пожилые односельчане, держали нейтралитет и общались лишь между собой. На первом построении взвода я всех очень насмешил голым животом, маячащим через прожженную кислотой гимнастерку.

– Товарищ лейтенант, – посоветовал сержант, – поменяйтесь гимнастерками с Мирзой, его все равно надо прятать, а то противник умрет от смеха, увидав такого мелкого вояку.

– Наша задача в том и состоит, чтобы побеждать врага всеми имеющимися средствами, – попытался отшутиться я, не вняв дельному совету.

На совещании офицеров нарушения в форме одежды заметил командир дивизии полковник Лукьянов – крутой, по мнению капитана Снегирева, хотя другие офицеры называли его между собой ласково «батей».

– Как фамилия? Почему в таком виде?

Я представился, пролепетав о разбитом корпусе аккумулятора.

– Ты что, собираешься весь месяц стриптиз показывать? Обратись к начснабу, он заменит.

Начальник снабжения новую гимнастерку пообещал выдать через пару дней, когда станем лагерем, а пока предложил пришить заплатку, оторвав кусок материала от старого маскировочного халата.

Эта отличающаяся по цвету вставка на гимнастерке сыграла со мной злую шутку, выделяя меня на общем фоне «партизан». На очередном совещании офицеров начальник штаба обратил на нее внимание:

– Наш стриптизер теперь как ... штопанный.

Все дружно засмьялись и прозвище Штопанный прилипло ко мне до конца сборов.

Колонна боевой техники формировалась на трассе Фрунзе – Алма-Ата, из разных ущелий выползали пропыленные танки, самоходные зенитные установки «Шилки», бронетранспортеры, самоходная артиллерия, ЗИЛы и КамАЗы с прицепленными орудиями различных калибров и выстраивались друг за другом в нескончаемую вереницу. Ехали весь день, сначала вдоль трассы, а затем по безлюдной всхолмленной степи. Вечерело, когда дивизия развернулась по фронту, пришел приказ окопаться и укрыть технику.

Вершину холма, где нам предстояло держать оборону, покрывал скальный щебень. Водитель свернул в небольшую ложбинку, метрах в трехстах, в которой грунт, на наше счастье, оказался песчанистым. За пару часов интенсивной работы мы закатали свой ГАЗ-53 в траншею по бампер и накрыли его маскировочной сеткой. Дав команду отдыхать, я вышел на холм оглядеться. На соседней вершине копошился взвод бойцов. Подойдя поближе, я узнал Александра, ювелира из «Кыяла».

– Что вы здесь роете? Надо укрыть технику в складках местности, где грунт мягче, – начал я советовать своему старому знакомому.

– Т-с-с, – Александр приложил палец к губам, – я выбрал место на древнетюркском кургане и сказал своим бойцам, что перерытый грунт легче копать, а тут оказались сплошные камни. Мы сняли верхний слой, под ним глина, как бетон, и новый ряд валунов. Бойцы выдохлись, ковырять булуги больше не хотят, может, подтянешь свой взвод, уже скоро мы должны выйти на могилу.

– Моих бойцов и килограммом золота не заманишь, напахались, лежат без задних ног. Сюда бы Виктора, он лось здоровый.

– Рустам обещал его привести. Они с комдивом проезжали здесь на БТР и раздавали сухпайки на завтрашний день. А тебя нашли?

– Я их не видел, – информация о неполученном продовольствии меня огорчила.

– Значит, хорошо замаскировался. А кайло или лом у твоего водилы, случайно, не завалялись, а то саперными лопатками много не нароешь. Мне бы только свод разобрать, а там

я один управлюсь, – ювелир прямо светился в предвкушении находки клада.

Спустя десятилетие, плотнее соприкоснувшись с археологией, я осознал бесперспективность и преступную глупость этой авантюры, тюркские захоронения крайне бедны, и почившим оставляли лишь глиняный горшочек с едой. Но тогда докопаться до «погребальных сокровищ» нам не довелось, ранним утром началась атака.

Моему подразделению доверили ответственную задачу: сбивать выпущенные «Катюшей» металлические болванки. Я провел подробный инструктаж по технике безопасности и методике стрельбы. Сержант заверил меня, что это дело плевое, на срочной службе ему не раз приходилось делать успешные пуски. По рации нам определили район, где стояли гвардейские минометы, и через каждые пару минут предупреждали, что вот-вот сейчас будет выстрел. И все равно мы его прозевали. Красная точка пересекала предрассветный небосвод беззвучно и находилась в зените, когда мы ее заметили. Стрелок вскинул установку и, не отсчитав положенные секунды, нажал на курок. Головка самонаведения не успела зафиксировать летящий снаряд, и ракета не сошла. По рации я услышал нелестную характеристику комдива нашей боееспособности. Следующий пуск предстояло сделать Мирзе, первый раз в жизни взявшему в руки «Стрелу». Запаниковав, он запричитал, чуть не плача:

– Я не смогу, я не сумею!

– Давай, ты стреляй, только не спеши, – скомандовал я шустрому сержанту. Выстрел «Катюши» мы усекли на взлете, но то ли у бойца дрожали руки, то ли он опять поторопился, и снова осечка. Из рации полилась отборная брань, не содержащая цензурные слова даже для связки. По витиеватым выражениям я догадался, что на связь вышел начальник штаба, а судя по часто повторяющемуся слову «штопанный», речь шла обо мне. Вспомнив зимние тренировки, я извлек из ящика последний из оставшихся пусков и замер в ожидании. Красная точка появилась в том месте, где и ожидалось. Захватив ее в прицел, как на стенде, я, отсчитав положенные секунды, нажал пуск. Ракета вылетела на несколько метров передо мной и, как показалось, стала падать, но в следующее мгновение включился маршевый двигатель, и она рванула вверх, плюнув в меня порохowymi газами и обломками щебня. Белая вспыш-

ка обозначила, что цель поражена. В рации раздался начальственный голос:

— Молодец! Передай стрелку благодарность командования.

В пять утра началась артподготовка, где-то далеко за нашими спинами ухали гаубицы, затем к ним присоединилась полковая артиллерия, потом, сделав несколько выстрелов, в атаку двинулись танки и самоходки, а за ними с протяжным «ура» побежала пехота.

Фронт уходил от нас стремительно. В соответствии с заученной инструкцией, где прописано, что перевозить не выстрелившие трубы на склад полагается отдельно от личного состава, я попросил дополнительно машину для их транспортировки и получил по рации приказ сидеть на месте и ждать дальнейших указаний. После грохота орудий наступила звенящая тишина. Снова стали слышны щебет птиц и треск кузнечиков. Ожидая новых вводных, я сидел за рацией, которая перегревалась от потока всевозможных распоряжений и команд, сопровождаемых для ускорения их исполнения крепкими мужскими выражениями. Оказалось, что взвод разведчиков перебросили ночью как раз в тот квадрат, куда стреляли вся артиллерия и танки.

— Оляха, Оляха, я Дуб, как слышишь, отзовитесь! — вопрошал по рации тревожный голос. Мне стало страшно: неужели Виктора с его взводом накрыло взрывами? До полуночи он, бедолага, по темноте разбирал до кровавых мозолей древнее погребение и радовался, что разведчиков забросят в тыл условного противника на вертолете. Неужели кара для расхитителей могил настигла Виктора так быстро? Благо мы с капитаном в раскопках не участвовали и, глядя на старания товарищей, давали ценные указания, а еще Рустам подтрунивал над ними, красноречиво рассказывая о страшных и загадочных смертях всех участников экспедиции, раскопавших гробницу фараона.

Воспаленное воображение рисовало страшные картины гибели Виктора и его бойцов, попытки отогнать их отзывались новыми волнами страха за молодого сослуживца. Такой здоровый, жизнерадостный, и так нелепо сгинуть из-за этих дурацких раскопок. Тревожные ожидания известий о судьбе разведчиков привели к решению отказаться от поездки за ханским золотом в Хакасию и никогда в жизни не подходить с ло-

патою к древним курганам. Через пару часов, когда на поиски десантного взвода отправили спасательный отряд, пришло сообщение:

— У разведки все нормально, они прятались в старом блиндаже, а свою рацию забыли в вертолете.

К обеду мои бойцы вдруг вспомнили, что не ужинали и не завтракали, и начали роптать. Особенно усердствовал сержант:

— Да, не повезло нам с командиром. Чего сидим? Кого ждем? Непонятно. Кому эти трубы нужны, давайте бросим их здесь и поедем кухню искать.

Рация молчала.

— Ладно, грузите «Стрелы» в кузов, — сдался я наконец под взглядами голодных подчиненных. — Если подорвемся, винить будет некого. Последняя фраза была явно лишней. Побледневший Мирза наотрез отказывался садиться в кузов, пришлось его брать к себе в кабину.

Медленно, чтобы не спровоцировать сход ракет, тронулись в направлении удалившегося фронта и вскоре наткнулись на заградительный пост. Борзый ефрейтор с автоматом стал кричать, что у него приказ никого не пускать в запретную зону и открывать огонь на поражение. Метрах в тридцати справа и слева также маячили бойцы с автоматами. Поехали в объезд и, проплутав до вечера, увидели лагерь. В чистом поле по периметру огромного круга стояли машины и боевая техника, в его центре вырос целый палаточный город.

Как опоздавшие, мы ужинали в третью смену. Несколько дней я питался со своим взводом, пока не столкнулся с Рустамом:

— Офицеры кормятся отдельно, ты че, не знал? Нам и масло дополнительно полагается, и печенье, так что на обед пойдешь с нами.

Десяток младших офицеров ели дополнительный паек за столиком, отгороженным деревянным щитом от столовой солдатского состава. Еду раскладывали не из общей кастрюли, а приносил дежурный по кухне уже в тарелках. Чувство неловкости от прислуживания рядового бойца не оставляло меня, зато Рустам находился в своей стихии:

— За что я люблю армию, так это за жесткую иерархию, чем выше у тебя звание, тем больше привилегий. — При этом он гонял дежурного по всей форме, казалось, получая от этого удовольствие:

— Почему на тебе колпак грязный? Ты что нам принес, а ну-ка быстро протер влажные ложки!

Для каждого подразделения планировались свои занятия по тактике и изучению материальной части, но большую часть времени мы проводили в палатках. Лежать строго воспрещалось, разрешалось только сидеть и читать уставы. Мирза, оказавшийся родом из Таш-Кумыра, под большим секретом сообщил о строительстве в их городке подземного военного завода:

— Я сам видел, там котлованы роют с десятиэтажный дом.

Инженерные изыскания на Таш-Кумырском заводе проводниковых материалов являлись головной болью нашего института. С геологической точки зрения место для завода выбрали самое неудачное, поскольку грунты в основании фундаментов оказались посадочными. При намокании или небольшой нагрузке песчаники рассыпались, и их приходилось убирать на глубину до двадцати метров. Сложные геологические условия диктовали непосредственное присутствие на объекте специалиста по буровым работам. В таш-кумырских командировках мне в общей сложности довелось провести более года, вот и сейчас, если бы ни сборы, я находился бы на родине Мирзы.

Во время беседы нас застал командир дивизии, проходивший мимо и, к моему несчастью, остановившийся около нашей палатки.

— Почему прохлаждаемся, заняться нечем?

— Так точно, — доложил я, поправляя свою заплатанную гимнастерку. — Новых вводных не поступало. Мы не виноваты, что нас держат здесь, сорвав с производства.

— Не выйдет из тебя лейтенант путного командира. Вас призвали, чтобы вы совершенствовали свое воинское мастерство. Высокая боеготовность — это не чья-то блажь, а суровая необходимость, и мы обязаны уметь защищать Отчизну, своих детей, друзей и себя, наконец. Не надо ждать указаний, нужно самому проявлять инициативу. И посмотри на себя. Что это за вид? Ты офицер или рвань подзаборная? Приведи одежду в порядок. Все ясно?

— Так точно! — отрапортовал я. Слова комдива меня задела. Разгильдяем я никогда не был, просто мне по жизни не везет. «Надо как можно реже попадаться на глаза командиру», — решил я и, получив от начснаба новенькую гимнастерку, размечтался, что теперь никто меня не узнает, поскольку, по

мнению Рустама, для офицеров высшего звена все «партизаны» на одно лицо.

Окончанию сборов предшествовало торжественное построение. Километрах в десяти от лагеря нашли ровную площадку, на которой личный состав дивизии выстроился в шеренгу, растянувшуюся на километр. Ветер доносил лишь обрывки патетических речей, усиленных армейскими мегафонами. Потом началось чтение приказов о присвоении очередных воинских званий. Первой прозвучала фамилия комдива Лукьянова Валентина Михайловича, получившего звание генерал-майора.

Ветер все нарастал, и небо заволокло черными грозowymi тучами. Ливень хлынул сплошным потоком, скомкав торжественное мероприятие. Личный состав разбежался по машинам, и колонна с небольшой заминкой тронулась с места. Вот только куда ехать, понять было невозможно, вода лилась стеной, и впереди идущие машины скорее угадывались, чем просматривались. Особо нетерпеливые сигналили, обгоняя колонну справа и слева, и разъезжались по степи. За какое-то полчаса в седловине образовалось целое озеро, колонна огибала его по узкой перемычке, отделявшей его от другого озера с уровнем на метр ниже. Небольшую промоину в перемычке заметил водитель впереди идущего ЗИЛа и остановился в нерешительности. Эти несколько минут сомнений и предопределили нашу судьбу. Выйдя из машины, я наблюдал, как медленно, с большой осторожностью ЗИЛ преодолел водную преграду, а вода из верхнего озера устремилась вниз, расширяя свое русло прямо на глазах. Мне вспомнились ташкумырские грунты, которые теряют свои прочностные свойства при намокании, и пришло осознание, что прорыв дамбы может произойти в ближайшее мгновение.

– Давай назад, – заорал я водителю.

Наш автомобиль сдавал вспять с такой же скоростью, как и грязевой поток со все нарастающим грохотом размывал перемычку.

– Назад, назад, – что есть мочи кричал я, маша руками, словно от моего надрывного вопля машина могла двигаться быстрее.

– Стой! Стоять! – донесся до меня такой же истошный крик сержанта, барабанившего руками по кабине. Оказалось, наш ГАЗ-53 уперся в провалившуюся по самые мосты следовавшую за нами машину. Вокруг суетились десятка два бой-

цов. Положение создалось критическое, путь к спасению был отрезан со всех сторон. Широкой полосой, по закону сообщающихся сосудов, вода из верхнего озерца перетекала в нижнее. Страшно представить, что с нами случилось бы, окажись мы в этом потоке.

Мирза сидел в кабине, сжавшись в комочек и мертвой хваткой вцепившись за поручень. Сержанта наше положение, казалось, веселило:

— Ну что, зайцы, будем ждать деда Мазая! Кому расскажешь, что утонули в безводной степи, засмеют.

Дождь продолжался еще более часа, заметно снизив свою интенсивность, ослаб и поток, объединивший два озерца в паре метров от нашего бампера. О том, чтобы выбраться самостоятельно, не могло быть и речи. Командир взвода следовавшей за нами машины увел своих бойцов, а я решил не бросать автомобили.

Бронетранспортер появился со стороны ушедшей колонны и, не сбавляя скорости, форсировал протоку, резко затормозив рядом. Из люка показалась голова комдива:

— Цепляйте трос! Водитель, за руль, остальные ко мне на броню. Узнав меня, свежеиспеченный генерал-майор добавил: — Ну вот, теперь на офицера похож, а то ходит, как ханыга, смотреть противно. — Комплимент показался мне сомнительным: промокший насквозь, я, скорее всего, напоминал суслика, вылезшего из затопленной норки.

Вытащив обе машины на возвышенность, бронетранспортер умчался в степь на поиски заплутавших. Продрогших бойцов комдив собирал по степи всю ночь до рассвета.

На утреннем построении сообщили, что необходимо подготовить личное оружие к сдаче. К обеду подъехало несколько фургонов, и началось разоружение «партизан». Проверяющие сверяли номера автоматов и складывали их в ящики. Вечером, когда фуры уехали, ко мне подошел Мирза с автоматом Калашникова в руках. Оказалось, он его закопал в степи, опасаясь утери и последующего наказания, и долго не мог отыскать.

— А куда мне его девать? — добродушные карие глаза смотрели на меня преданно, без малейшего осознания последствий совершенного деяния.

Вместе с Мирзой мы направились к командному пункту, где столкнулись с комдивом.

– Вот автомат не успели сдать, – начал оправдываться я. Такого яростного разноса мне раньше слышать не приходилось.

– Кругом раздолбаи! Одни доложили, что полностью собрали все оружие, а другие его таскают. Вы даже не представляете, какой объем работы предстоит проделать. Надо вскрывать снова все ящики на складе и найти тот, в котором не хватает одного автомата. Вот после окончания сборов ты, лейтенант, со своим взводом этим и займешься. Командир должен отвечать за свою неисполнительность и головотяпство личного состава.

Ну, уж если не везет, то не везет во всем. С комдивом мне пришлось пересечься уже на следующий день, когда дивизия двинулась в обратный путь. Согласно полученному инструктажу, останавливаться на марше категорически воспрещалось, особенно в населенных пунктах около продовольственных магазинов. Изголодавшееся по алкоголю после месячного воздержания воинство жаждало наверстать упущенное. Разведчика Виктора Брагина я увидел на обочине с несколькими бутылками вина, которые он держал за горлышки. Спрыгнув на ходу со своей машины и отоварившись в сельмаге, он безуспешно голосовал проходившей мимо колонне. Бросить в сложной ситуации товарища я не мог и попросил водителя притормозить. Виктор запрыгнул в кузов, а через несколько секунд слева по обочине, громко сигналив, с нами поравнялся БТР. Я высунул из кабины и увидел комдива в верхнем люке, который грозил мне кулаком и что-то громко кричал. Печальная участь вечного дежурного, словно дамоклов меч, нависла надо мной.

Тоскливо смотреть, как сослуживцы бегают в радостном предчувствии близкой встречи с домом, сдают воинское обмундирование и уже в гражданской одежде рассаживаются по автобусам. Наш взвод курил в сторонке, обсуждая обещания комдива отправить нас на склады с оружием для исправления своих провинностей. Больше всех кипятился сержант:

– Надо было выкинуть в степи этот «калаш» к чертовой матери, сейчас бы как все нормальные люди поехали домой, а теперь неизвестно, сколько еще проторчим здесь.

Мирза сидел, низко опустив голову, на него было больно смотреть. Попрощаться и посочувствовать нашему незавидному положению подходили Александр с Виктором. Разведчик даже неуверенно предложил остаться вместо меня, но тут же

поспешил к выстроившимся в колонну автобусам. Неожиданно к нам подошел начальник штаба:

— Чего расселись, только один ваш взвод не переоделся, мигом на склад, через десять минут отправляем колонну.

— Нам командир сказал... — начал мямлить Мирза.

— Отставить разговорчики, бегом марш! — скомандовал подполковник. Я первым рванул исполнять приказ, за мной вприпрыжку побежали и все остальные. Через несколько минут уже в гражданской одежде мы заскочили в автобус.

Командир дивизии со штабным руководством обходили автоколонну и заглядывали в салоны, как мне показалось, разыскивая наш взвод, чтобы вернуть на штрафные работы.

— Прикрой Мирзу, — попросил я сержанта, а сам, сняв очки и надвинув на глаза кепку, с беспечным видом уставился в окно.

— Дезертируем, — генерал-майор остановился рядом со мной. — Жаль, что я не имею права оставить тебя еще на недельки две, а то, глядишь, и научил бы офицерскому кодексу чести отвечать за порученное дело и быть всегда начеку.

Краска стыда опалило мое лицо. На выходе из автобуса комдив обернулся и, козырнув, громко добавил:

— Благодарю всех за службу!

— Служим Советскому Союзу, — радостно в разную сторону отпустили запасники.

Колонна тронулась, а у меня из головы не выходили напоминания генерала о воинской чести. Услышав такие слова, русский офицер, наверное, застрелился бы, а я, как мог, пытался оправдаться. Понимание пришло спустя пару лет, когда стали разрастаться очаги напряженности, к которым наша армия не была готова. Не испытав ужасов военного лихолетья, мое поколение расслабилось, а генерал стремился донести проверенную временем истину «Хочешь мира, готовься к войне».

Нужно ли говорить, что той осенью наша команда в Хакасию не поехала, впрочем, и в последующие годы тоже. Рустам после развала СССР отбыл в Россию, где бросил свою семью и сошелся с молодой и очень богатой генеральской вдовой, помогая ей проживать наследство. Лет пять спустя он приезжал с ней отдыхать на Иссык-Куль уже в парадной форме подполковника и похвалялся, что у него теперь обширные связи в высших сферах. Виктор женился на хрупкой швее, обзавелся

кучей детей, отрастил пивной живот и стал еще крупнее. Часто в гости ко мне заходит ювелир-реставратор Александр Федорович, повспоминать о сборах как самом ярком приключении в его жизни, о найденных сокровищах, а потом по старой привычке агитирует поехать на его родину. Я соглашаюсь, мол, если не в этом году, то обязательно в следующем составлю ему компанию.

Недавно в Интернете наткнулся на сведения, что видный военный деятель генерал-майор Лукьянов Валентин Михайлович, бывший комдив Панфиловской дивизии, который одно время возглавлял высшее командное училище в Челябинске, разработал методики преподавания дисциплин с учетом собственного опыта боевых действий в Афганистане, Приднестровье, Югославии, Персидском заливе и Чечне. Кроме того, оказывается, он автор десятка книг. Среди них есть и о таких, как я, неприспособленных к армейской службе – «Индивидуальный подход в воспитании воинов».

Александр ЗЕЛИЧЕНКО

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Первый дом на Родине...

В 1994-м я впервые побывал на Земле обетованной. И отнюдь не в качестве туриста, а в составе VIP-группы, созданной Организацией Объединенных Наций для изучения антинаркотического опыта Израиля, прежде всего в области наркопревенции и деятельности в этом направлении государственных структур.

Поездка для меня оказалась уникальной. Как с профессиональной точки зрения, поскольку эта страна имела богатый и весьма востребованный нами опыт противодействия наркоэкспансии, так еще и потому, что предоставила возможность близко познакомиться с культурной, религиозной жизнью Эрец-Исраэля.

Начнем с того, что ООН до того израильскую практику в области наркопротивостояния если и изучала, то уж точно не обобщала и широко не пропагандировала. Учебные туры проводились в продвинутой Европе. Для нас, наркоменеджеров из Центральной Азии, ставшей независимой лишь совсем недавно, такая возможность представилась впервые. И когда высокопоставленный представитель вновь открывшегося регионального офиса Программы по наркотикам и преступности вежливо поинтересовался, где бы я, тогдашний заместитель председателя Государственной комиссии по контролю наркотиков при правительстве Кыргызской Республики (ГСКН), хотел бы набраться опыта, не имея никакой информации, но

инстинктивно полагая, что там в этом отношении наверняка что-то происходит, не задумываясь ответил: «В Израиле».

Высокий чиновник посмотрел с интересом...

Надо сказать, что Кыргызстан к тому времени уже разработал собственную антинаркотиковую стратегию: еще при Союзе была создана самостоятельная служба по борьбе с наркобизнесом, а вскоре после приобретения независимости ратифицированы известные ооновские конвенции, позитивно менялось законодательство, и, наконец, была создана ГСКН – орган, призванный не конфисковывать и карать, а направлять и координировать антинаркотиковую деятельность.

А потому и отношение к нам было особое. И просьба моя была услышана, а «наркоинформационная блокада» Израила таким образом прорвана.

Согласования с принимающей стороной прошли быстро, и вскоре мы с коллегой – генералом из соседнего Узбекистана уже получали командировочные в Ташкенте. Взяв в руки 5 000 долларов, я чуть было не потерял дар речи: за эту сумму в тогдашнем Бишкеке вполне можно было купить хрущевку! Я с женой и двумя детьми квартировал у тещи, зарплату нам платили нерегулярно, и ее едва хватало на один базар.

Представляете охватившие меня чувства и соблазны?!

Пришло время отъезда. В аэропорту узбекской столицы, несмотря на позднее время, нас провожал, казалось, весь тамошний милицейский истеблишмент. Помню, поразило, что в отличие от подобных проводов по-бишкекски спиртного здесь не было, чинно пили чай. Когда началась посадка, в VIP-зал ожидания вошел представитель «Аэрофлота». И – к генералу: «Ака, у ООН такой принцип, бизнес-классом не летать. У меня есть власть, и из уважения хочу посадить вас и вашего гостя туда на свободные места – будет гораздо удобнее. И попрошу небольшую ручную кладь захватить, ее в салон занесут, а там, в Израиле, прямо у трапа встретят».

Вежливо поинтересовавшись, не возражаю ли я, генерал согласно кивнул головой. Когда, удобно раскинувшись в кресле, он задремал, я с удовольствием воспользовался VIP-привилегиями: виски в бизнес-классе тогда наливали без ограничений...

Но бесплатный сыр ведь бывает только в мышеловке, не так ли?

... Приземлились, несущую увесистую коробку, что с улыбкой подала стюардесса. У трапа никто не встречает, на таможне ж

направляемся в «зеленый коридор». Безошибочно распознав в нас русскоговорящих, таможенник сухо спросил: «А что у вас в поклаже? Не надо декларировать?» В ответ автоматически вырвалось: «Не знаю. Должны были встречать...»

...Недавно, вылетая из «Бен-Гуриона», обратил внимание, что меры безопасности там уже далеко не те. А четверть века тому мой ответ вызвал у таможенника взрывную реакцию. Офицер нажал кнопку и растворился, в зал тут же ворвались люди в панцирях с оружием наизготовку, нас поставили лицом к стене, обыскали. Коробка каким-то непостижимым образом оказалась в изолированной бронированной комнате, куда – я видел такое впервые – грузно ввалился робот-сапер и перво-наперво буквально залил ее пеной...

...Долго ли, коротко ль, разобрались. Оказывается, мы везли новенькие, теперь уж бесполезные, видеосистемы. По местному законодательству ввозить бытовую технику можно было, лишь заплатив хорошую пошлину. И осведомленный «летун» использовал нас.

Ох и рассвирепел же мой генерал! Вызванные представители компании вынуждены были оплатить груз по полной и с позором забрать уже никому не нужные железяки. Разбирательство заняло часа три.

Встречавший нас автомобиль, не дождавшись, уехал. Приближался шаббат, общественный транспорт остановится. Благо название отеля в Иерусалиме мы запомнили - берем такси. По приезде вместо оговоренных 25 баксов водила зарядил «... с каждого, итого – 50»! Хотел было протестовать, Ака ж устало протянул купюру запрошенного достоинства.

В пятизвездочных отелях я до тех пор не жил. Надо сказать, что и сегодня, после 25 лет бродячей жизни, чувствую себя в них не в своей тарелке. Поражало все! Только расположился в номере, раскрыл чемодан – зазвонил телефон. И генеральским тоном: «Зайди!»

... Облачившись в халат и только-только приняв душ, приветливый хозяин ... ловко нарезал шакараб! И чувостский нож, и луковицу, и большой помидор с огурцом он привез в багаже. Достав бутылку теплой водки, разлил и сказал: «Традиций нарушать не будем. Хотя и с приключениями, добрались же?! С приездом!» - и хряпнул.

Что оставалось делать – повторил. С тех пор следую этому ритуалу неукоснительно...

Чу, звонок!

Генерал заговорил по-узбекски, и я решил, что звонят из дома. Однако он пояснил, что прибыли и уже поднимаются гости. И вскоре в номер вошли шикарно одетые мужчины сефардской наружности. Вежливо поздоровавшись, они перешли на русский: «Родом мы из Самарканда, лет двадцать живем здесь. Но дружбу с господином генералом не прерывали. Теперь вы наши гости. Поехали, пожалуйста»...

... В докторском доме в городке Ор-Иегуде собралось все семейство: старики, люди среднего возраста, молодежь, дети. Ашкеназы, сефарды, тайманим... Смешение культур, языков. Запомнилось: впервые участвовал в субботней молитве, процедуре зажжения свечей и благословения, пил кошерное вино. А уж яства!

Неповторимо...

Оказалось, нас привезли в дом к одному из семи братьев, куда собралось все семейство, на иврите – мишпуха, с женами, детьми, внуками. Очередь в тот раз дошла до среднего, дантиста. Следующую субботу семья проведет у старшего, адвоката, и так далее.

Традиция!

Радушные хозяева возили нас на Мертвое море, показали мусульманские и еврейские святые места, искупали на лучшем пляже близ Герцлии Питоах...

... Но вот началась работа. Побывали в клиниках и реабилитационных центрах, тюрьмах и полицейских участках, знакомились с многочисленными, на любой вкус, психологическими и социальными программами. Построенная на лучших международных стандартах с учетом местной специфики и ментальности, собственных наработках, наркопревенция по-израильски насквозь пронизывала жизнь социума, велась на всех уровнях, от начальной школы до армии и университетской скамьи.

Остановлюсь лишь на некоторых, особо запавших в память моментах. Но в целом тот учебный тур навсегда определил мой «статус кво» в наркополитике.

... Острог для особо опасных, вдобавок – наркозависимых преступников. Видим, как хрупкая девушка-психолог один на один беседует с огромным, татуированным с головы до пят, монстром. «Не бойтесь, а вдруг нападет?! Изнасилюет, возьмет в заложники?!» «Нет, такого здесь не бывало: когда с тобой по-хорошему, без унижений и боли, и ты ответишь тем же. Попавшего за решетку свободного человека не надо «доби-

вать» еще и отсутствием элементарных условий, недостатком пищи, жестокостями. Вполне достаточно, что он лишен воли, вынужден жить не по им самим установленным правилам и регламенту»...

Понадобились годы, чтобы эти истины дошли до моего сознания...

А еще случилось такое, что дало название всему моему повествованию.

Мы шли по коридору следственной тюрьмы, начальник которой - в Израиле это не редкость - говорил по-русски. Вдруг – громкий стук в дверь одной из камер: «Эй, я тоже хочу на родном языке пообщаться!»

«Хозяин» усмехнулся, скрипнул засов.

...Прямо на столе, по-восточному поджав ноги, в семейных трусах сидел бородатый мужик лет семидесяти. «Ааа, земляки, я тоже родом из Средней Азии. В андижанской пересылке бывал, в джамбульском СИЗО транзитном, где этап сбивали. Во Владимирском централе, на зонах сибирских. Но такого, как здесь, беспредела, не видел! Вот, полюбуйтесь, мой «Первый дом на родине»...

«В Союзе Семен «чистоделом» был, - поведал нам его историю сопровождающий. - Любой документ изготовить мог, любую бумагу подделать. Четыре ходки, авторитет среди блатных. Освободившись в последний раз, понял, что больше на нары нельзя – помрет. Порылся в родословной, какие-то корни нашел еврейские... Попал на специальную программу для одиноких пожилых репатриантов, «Мой первый дом на родине» называется. Это когда тебя принимает кибуц – коллективное хозяйство по вашему, и ты живешь там, не работая, на всем готовом, включая медобслуживание, кайфуешь долго-предолго, сколько тебе Всевышний отмерил.

Ну, наш герой этим решил не ограничиваться. Изготовил себе бумаг всяческих, от «участника Куликовской битвы до узника нацистского концлагеря», даже туберкулез (что-то про усиленное питание в этом случае слышал) приписал. Ну, прилетел, в аэропорту ему и говорят: «Дед, определяйся. Если все твои бумаги верны, Израиль тебя триста лет из золотой ложечки кормить должен». Намекают, не борзей, дескать... По привычке зековской тот – права качать. Его уже и в растяжку на стене кнутили: «Здесь все умные, постарайся быть красивым!» - какое там!

Ну вот и оказался в камере. И то – «Первый дом на ро-

дине». Суд днями. Может, депортируют? Хотя Россия такое сокровище назад вряд ли примет. Да и лишили его уже там гражданства...

... Каждый день – чуть не 200 баксов за отель. Напротив – небольшой мотель, «У Ицхака». Не поленился, сходил. Номеров не большой, но чистый, аккуратный. Телевизор, холодильник, вместо ванны – душ. На завтрак – сэндвич с кофе. И за все про все – 50 долларов всего.

Я – к генералу, за сочувствием и пониманием. Задумался аксакал. А потом и говорит: «Сашка, ты ж деньги эти не кетменем на хлопковом поле заработал, нет? И свеклу, по три часа раком изогнувшись, не пропалывал. Тебе их ООН выдала, поживи, дескать, две недели по-человечески. А ты?! Ну и, самое главное: помни, ты здесь страну свою представляешь! Что израильтяне подумают?!»

Усоевстил...

Однажды забрели на арабский рынок. Ака подарков дорогих закупил, много. «Вам такс фри квитанцию оформить? В аэропорту почти 400 долларов назад вернуть сможете...» «Чегооо?! Чтoб в компьютер попасть моссaдoвский! Не бывать этому!»

И мои несчастные 80 зеленых получить назад не позволил...

Две учебные недели пролетели незаметно. Я в счет отпуска остался еще на две. Знакомых проведal – oх и тяжкo же они свой хлеб добывали! Алия тoгда oгpoмнoй была, рабочих мест не хватало. Наши – известные музыканты, профессура, врачи - подьезды мыли, мели улицы, стариков да паралитиков тамошних подмывали...

Натерпелись. Зато теперь в основном живут хорошо, а дети и внуки – так и вообще прекрасно.

Напоследок забавная история со мной приключилась.

...Самовыжимающихся швабр у нас в Бишкеке тoгда еще не было. Легкомысленно не подумав, как чудо это домой повезу, купил. На обратном пути в аэропорту секьюрити долго выспрашивали, зачем из Израиля, на весь мир своим хайтеком прославленного, китайскую швабру везти?! Не поленились даже к карте подойти, дескать, вы ж с КНР граничите, неужто «товар» этoт до вас не добрался?!

И выбросить не разрешают!

Успокоились только после тoго, как и меня, и «изделие» пресловутое прорентгенили. Для таких процедур специальная

комната приспособлена была. Там инвалидов на костылях вместе с колясками проверяли, клетки с животными, всякий груз нестандартный.

Из-за той швабры злосчастной чуть на рейс не опоздал...

Хороший коп

По тем временам и для села в глубинке налет этот стал буквально «преступлением века»: воспользовавшись отсутствием хозяина, разбойник ночью ворвался в дом знатного чабана, орденоносца, депутата Верховного Совета Киргизской ССР, связал старуху-мать и дочь-подростка, вынес дорожный ковер и дефицитнейший японский музыкальный центр.

В составе оперативной группы в Сары-Тологой выехал молодой следователь, недавний выпускник Карагандинской высшей школы МВД СССР Алмабек Байтиков. Опрашивая свидетелей, он обратил внимание, что соседи пытались задержать бандита и даже ткнули ему в спину лезвие лопаты, да так, что тот упал, но быстро поднялся и, прибавив ходу, сбежал.

А через три дня задержали «подозреваемого». Некто по кличке Бурый, хорошо известный милиции своими тремя отсидками. Хотя и неохотно, с опаской поглядывая на демонстрирующих мускулы оперов, тот сквозь зубы давал признательные показания. Пусть и неуверенно, вразнобой, но и свидетели опознавали грабителя.

Но при осмотре медиками следов побоев на его теле не оказалось. Ни свежих, что должна была оставить штыковая лопата, ни застаревших. Обстоятельство это породило сомнения. Ничего не дали ни обыск у подозреваемого, ни отработка его связей.

Дальше – больше. Лейтенант выяснил, что рецидивист, что по совместительству рукастым печником оказался, в Сары-Тологое и соседних деревнях в это же время, и чуть раньше-позже, по найму работал. Чабану, кстати, тоже дымоход чинить собирался.

Потому, видимо, и примелькался сельчанам.

Оставшись один на один с Алмабеком, Бурый шепнул: «Не я это, начальник! Ааа, все равно не поверишь!» - и в сердцах махнул рукой...

... Начальство меж тем уже доложило о раскрытии на-

верх. Медальные дырочки на кителях, да звездные на погонах сверлило. Но мечтам этим сбыться не суждено было: когда пришло время получать санкцию на арест, следователь твердо сказал: «Не буду».

Ой-бой, что тут началось! Пугали, уговаривали, сулили всякие блага, вплоть до скорого перевода с повышением в областной центр. Но Байтиков, что говорится, уперся. «Хорошего мента из себя строишь?! Ну-ну!» – презрительно оттопырив губу, выдавил начальствующий майор...

Но молодого специалиста неожиданно поддержал прокурор. Не поверив своим глазам, комкая в руках постановление об освобождении из камеры предварительного заключения, Бурый попросил ... список похищенного с приметами.

– Зачем?

– Пригодится...

Дело «повисло».

... Прошел год. Благо депутат не жаловался, и начальство, что еще долго костерило строптивого лейтенанта, вроде бы поотстало. Не забыв, впрочем, присвоение очередного звания затянуть.

Как-то, возвращаясь на съемную квартиру, Алмабек впотьмах заметил фигуру, что жалась к палисаднику.

– Бурый?

– Я, начальник. Не стреляй, – усмехнулся.

И быстро, будто боясь передумать, выложил, что видел, дескать, краденый «Панасоник» у местного преступного авторитета Алибека.

– Да тот в основном скотокрадит и на подворье чабанское за его «жорго», иноходцем, пришел. Не найдя коня, наблюдал немного и, убедившись, что в доме только пожилая женщина и девочка, рискнул. Такой вот расклад. Я с тобой в расчете.

– Когда видел?

– Вчера, – и будто растворился в ночи...

Наутро, вооружившись санкцией прокурора, оперативная группа перевернула жилище блатного вверх дном. Кроме вещдока по разбою, нашли еще незарегистрированный карабин с боеприпасами, – серьезное по тем временам правонарушение, и даже припрятанный в тайнике опиум.

А вскоре изъяли и ручной работы ковер, который Сапог опометчиво подарил старой крале...

О поощрении Байтикова депутат ходатайствовал перед

самим министром внутренних дел. Особо подчеркнул, что молодой сотрудник не пошел на поводу у обстоятельств, а проявив профессионализм, откопал-таки истину и обезвредил опасного вора-рецидивиста.

И получил Алмабек двойной оклад – неслыханная по тем временам щедрость. Хозяйственный, живности своим старикам прикупил.

Ну и друзей, как водится, угостил...

Дуэль убийц

Живущий по понятиям блатной мир, и с этим, хочешь не хочешь, приходится считаться, - параллельная реальность. На самом верху уголовной иерархии – карманники, воры, мошенники всех мастей, что по большому счету не жалуют убийц, особенно тех, что «валят» из-за кошелька.

Но вынуждены с ними считаться.

В советские времена, например, высшую меру наказания, расстрел, применяли редко, суды давали максимально возможный по тем временам срок - пятнадцать лет лагерей, при этом первые пять, как правило, в тюремной одиночке, в далекой уральской или сибирской зоне. Годы холода, камера два на полтора, невозможность нормального общения, злые конвоиры и многие другие острожные прелести «ломали» даже бывалых.

Но тех, кто выдерживал такой пресс, по приходе в «людскую» зону встречали спокойно, без лишних притирок. Живи, дескать. Ну те и «чалились», как могли, искали родственную душу. При этом оставшийся срок «тянуть» предстояло до звонка, безо всяких надежд на амнистию или условно-досрочное освобождение – УДО.

Другое дело, одиночка часто калечила не только тело, но и разум. И прошедшие ее жили дальше уже по каким-то своим, особым, понятиям «лагерной философии». В подтверждение – эта история, рассказанная при очередной встрече давним другом Кобой Кудайбергеновым, опытным зоновским оперативником...

...Одного за другим, с небольшой разницей, этап доставил к нам в «строгую» зону двоих из Коми-лагерей. Оба отбывали за жестокие убийства, и первую пятилетку, как водится, провели в камере. Без солнца и общения. Лишь параша

и шконка – узкие нары, что днем накрепко пристегивались к стенке. Все.

«Новичков» приняли настороженно, но спокойно. И эски, и колонийское начальство. Определили в бригаду, провели профилактическую беседу. Ну и, как водится, установили негласное наблюдение: кто их знает, убийц этих?!

Время шло. Двое «скорешились», и работали, и нары рядом. Ни к активистам, ни к «отрицаловке» не примыкали, в разборки колонийские не лезли. Зато книги любили, прочитанное меж собой обсуждали.

Прошло три года – наблюдение сняли.

... Даже обычные телефоны в те годы редкостью были, именно поэтому Кобу, живущего от колонии далеко, по тревоге не подняли. Но рабочий день начинался рано – первая смена на работу в 7.30 шла, и на разводе оперативник присутствовал обязательно.

Потому в семь утра на проходной изнервничавшийся дежурный доложил: ЧП, мол, двойное убийство...

Веришь, в маленьком закутке рабочей зоны кровь чуть не по голень стояла. В ней – два трупа. Да, тех самых, убийц. Узкое, замызганное, никогда не мытое оконце света не пропустило. Потому когда следователь осмотр места происшествия начал, мощную переноску включили.

Сфотографировав все, криминалист и медик обратились к трупам. У одного – артерия шейная перерезана, и печень – насквозь. Второго ж ударом в сердце на тот свет отправили. Я такое впервые видел, растерялся. Чтоб виду не показать, решил пойти бригаду опросить. Тут-то следак, интеллигентный такой мужик лет за пятьдесят, и спросил: зачем, мол?

«Смотри, здесь крови полно, а за дверью, я специально искал, - ни капельки. Не думаю, что во всей зоне у вас виртуозы найдутся, чтоб, совершив такое, не наследить. Обязательно бы хоть капли, а то и потеки нашлись. Ан нет. И собаку следовую пускали, дальше двери не пошла. Думаю, сами они друг дружку порешили. Не поделили что-то и сошлись чисто по-лагерному. Давай вот лучше отпечатки вокруг проверим да оружие поищем».

Полез я в лужу, и точно: меж трупами – два уголка железных, металла в те времена в рабочей зоне хватало. Одинаковые в длину и ширину, заточенные, зазубрины, и те схожи. Вместо рукоятки ж ветошью обмотаны. Именно их экспертиза позже и признала орудиями убийства...

Посторонних же отпечатков пальцев обнаружено не было: в помещение, по всей видимости, давно никто не заходил. Очевидно, этим оно «дуэлянтам» и приглянулось...

Но что третьих лиц в деле не замешано, еще предстояло доказать. Опросили бригаду, отвечали практически одинаково: ничего, дескать, особенного в последнее время в поведении не замечали, да и держались эти двое особняком. На смену, как все, выходили, работу немудреную делали – металлическую стружку упаковывали. Жили себе в барачном углу, чай варили да книги читали...

Честно говоря, не так уж много на зоне тогдашней книжников-то и было. Знал я еще одного книжочка из другого, правда, отряда. Пригласил. Да, говорит, знал обоих, чтивом обменивались. Я маленькому как-то Дрюона дал, а он не возвращает. Ну, встретились в столовой, спрашиваю, когда вернешь, мол? А он: да, наверное, уже не успею. На следующий день их и нашли...

Вот так вот!

Вызываю следователя, а свидетель ценнейший показания давать отказывается. «Слышь, лейтенант, я тебе по-свойски, втихую, рассказал. А здесь – допрос, под протокол. Что братва скажет?»

Пришлось напомнить, как в прошлом году я досрочное свидание ему устроил да посылку продуктовую сверх нормы получить разрешил. Да намекнуть, что тому еще четыре года «чалиться», всякое случиться может. Да и не делал он ничего против «понятий»: фамилий не называл, никого не сдавал...

Вот на этих-то показаниях, заключениями судебно-медицинской и криминалистической экспертизы плюс другими, как прямыми, так и косвенными, уликами подтвержденных, следователь в возбуждении уголовного дела и отказал.

Вернее всего, так оно было.

Поспорили те крепко из-за чего-то. «Консенсуса», как теперь принято говорить, никак не получалось. Вот и решили насмерть сойтись, лагерники. Дескать, кто выживет, тот и прав. Потому-то и оружие одинаковое вымеряли, и после смены не вышли – охрана уже чуть было побег не объявила.

Так и решили друг друга жизни. Маленький, попроворнее, дважды резануть успел. Но и сам от последнего тыка не увернулся. А может, даже и умышленно: кореша ведь.

... А из-за чего спор вышел – теперь уже никогда не узнаем...

Форменные мошенники

... Став генералом, а еще почетным гражданином Бишкека, Сохского района Узбекистана, почетным сотрудником МВД Республики Таджикистан, орденоносцем и, наконец, президентом секции Кыргызской Республики Международной полицейской ассоциации, Шейшенбек Байзаков для своих, и прежде всего для ближнего круга «карагандинцев»-выпускников Высшей школы Министерства внутренних дел СССР, остался тем же жизнерадостным заводилой Шуриком, или Кошей...

Сегодня – несколько его историй. Без убийств и крови, – хоть и такого в 26-летней сыщицкой карьере хватало, но – о ловких мошенниках. Впрочем, раз попались, значит, лейтенант Байзаков оказался проворнее и хитрее...

Конец 1970-х, городишко Канибадам в Таджикистане. Вся жизнь вокруг базара вертится. А на нем – ювелирка, на юге – место паломничества. Магазин, музей.

В жаркий полдень у входа резко затормозила черная «Волга», в коих по тем временам только «хозяева жизни» пересекали. За рулем – гражданский, при галстуке, что само по себе в тех краях редкость большая. На пассажирском ж сиденье – полковник КГБ, в форме при полном параде.

Вельможню спугнув покупателей, чекист, помахав гербовой бумагой, сообщил, что золотые изделия отсюда изъяты за границей (контрабанда, чуть не расстрельная по тем временам статья, чуеете?!), а потому, дескать, шоп закрывается для ревизии и опечатывается. Продавцу ж надлежит немедленно отбыть домой, где и ждать обыска, что тот незамедлительно исполнил. Полковник же, опечатав дверь, через 40 минут вернулся, набил портфель «конфискатом», вальяжно сел в машину и был таков...

... Сначала пришла ориентировка из соседней республики. А через недельку – информация из-под единственного тогда во Фрунзе официального скупщика драгоценностей, что хозяйничал в приемном пункте Дома быта.

За ним решили понаблюдать. Но через неделю, не заметив ничего предосудительного, слежку сняли. Решили поговорить. По душам.

С первого раза разговора не получилось. И со второго тоже. Зато, как сейчас модно говорить, удался «психологиче-

ский портрет» фигуранта. На его основании нагрянули с обыском: дело заведомо безнадежное, надо быть круглым идиотом, чтоб после двух «бесед» не перепрятать золото, даже если оно там и было, но эффект возымело: по Союзу прокатились расстрельные дела цеховиков, их судьбы боялись как огня...

«Товарищ следователь, они меня что, за идиёта держат?! Колье и кольца принесли чуть не в заводской упаковке, даже ценники не сняли. Тут либо кровь, либо что еще пострашнее, ничего я у них не взял. Ни-че-го...»

Словесный портрет, особенности речи, установки, ориентировки, засады.

Взяли...

...У Зеленого рынка многие годы стояла сапожная будка. В ней добросовестно стучало молотками третье поколение Наимовых. Копеечку к копейке, полтинник к полтинничку, рубль к рублику.

Однажды Наимов-младший засобирился покинуть наш добрый град. Воссоединиться, так сказать, с родней, в, как теперь говорят, дальнем зарубежье. Но советские ж дензнаки с собой не заберешь, и давай Давид превращать их в золотишко...

Вроде все тихо делал, да разве ж шило в мешке утаишь?!

...Как-то раз в ворота постучали. «Было б темно, ни за что б не открыла, - причитала потом хозяйка, - а тут середь бела дня!» Поддатый шабурник перво-наперво на бутылку потребовал, сказав, что Давид ему обещал. «Мы в «обезьяннике» Свердловском вместе сидели, пока его в КПЗ оформляли. Адрес дал, тебя навестить наказал, передать, чтоб «товар» перепрятала – обыск будет. Что за «товар» – не моего ума дело. Только сидит твой мужик уже. Короче, неси пузырь. Валишь мне пора...»

Бааа, что делать-то?! Это сейчас – сотка, ватсап, интернет. Тогда телефонной будки во всей округе не сыскать было. Да и куда звонить-то?! Короче, повытаскивала та заначки, сложила в чемоданчик да к брату снести хотела. Только за ворота, а к ней – с обыском.

«Ну, я вижу, тут явка с повинной. Искать не требуется. Давай, капитан, оформляй. Ты, Наимова, завтра прям в гормилицию приходи к 10.00 да смотри не опаздывай, а то явку с повинной аннулируем. Все, до встречи».

Чемоданчик – в руки, и – в такси. Только это женщине и показалось странным: почему не в «бобике» милицейском следователи приезжали? Бегом к мужу, в будку. Тот, естественно, ни сном ни духом. Уж как он там жену учил, нам не ведомо. А заявление Байзакову поручили.

По описанию преступники на знаменитых тогда во Фрунзе мошенников Турахуна и Юру Маслова походили. Арсенал тех велик был! Коронный номер – с шиком одевшись, Маслов на грудь Звезду Героя Соцтруда вешал, а то и две. И шел в ЦУМ или на толкучку. Народ глазел, терял бдительность. Турахун тем временем карманы чистил. И так не только во Фрунзе, но и в Алма-Ате, Ташкенте промышляли...

Долго ли, коротко, взял Шейшенбек обоих. Мало взял – расколол! Впрочем, матерые сыскари отнесли это за счет фарту оперского, мол, новичкам всегда везет.

Но вскоре убедились в обратном.

... В канун Первого Мая на пороге кабинета ректора женского пединститута возникла колоритная, судя по одежде и манерам, явно не здешняя, фигура: «Из Первопристойной, с центрального телевидения (взмах непонятными корочками). Репортаж о праздничной демонстрации трудящихся снимать будем. Вас нам горком партии порекомендовал (бумага с гербом и сановней подписью мелькнула и вновь исчезла в шикар- ной кожаной папке с логотипом Кремля). В колонне вузовской ваши девчата красотой и молодостью выделяются. Пятьдесят студенток отобрать надо, дня через три на стадионе тренировки проведем. Одно условие: все пятьдесят в плащах болоньевых быть должны. И не абы каких, а в фиолетовых. Вас в голове снимем, в самой Москве увидят...»

Тщеславие. Смертный грех...

Разбившись в лепешку, ректор все условия выполнил. Студентки в оговоренной одежде пришли, построились. «Переодеться в спортивное!» - последовала команда. Зайдя в раздевалку, 50 красавиц вновь на поле вышли. Давешний телевизионщик с ними маршировал, речевки разучивал, скандировал лозунги. А через час, под трибуны вернувшись, бедняжки ни одного плаща не нашли. Пропала болонья вместе с продюсером...

Плащи из болоньи тогда в дефиците огромном были, особенным спросом пользовались женские фиолетовые и мужские малиновые: по 300 рублей, бешеные по тем временам деньги, спекулянты за них просили. Чтоб для «московской хро-

ники» приодеться, девчонки и администрация институтская всю родню и знакомых раздели...

Материал, как вы уже поняли, «фартовому оперу» поручили. И через месяц он уже этапировал преступника из Ленинграда. А вскоре с двумя подельниками из местных надолго на нары отправил. Вот только плащи к тому времени уже по всему великому Союзу Советских Социалистических Республик разошлись...

... Экзотическое по тем временам словечко «кастинг» привлекло всеобщее внимание. Объявления о наборе в артисты «девушек симпатичной внешности 18-23 лет» висели по всему городу. Их обсуждали на каждом углу, модницы наводили макияж, в немногочисленных парикмахерских образовалась очередь...

В назначенный срок, решительно отстранив «болеельщиков» мужского пола, строгая комиссия – две явно не местные дамы и джентльмен, пригласили соискательниц в полуподвал Дома офицеров, где, собственно, и прошел кастинг. Из сотен потенциальных звезд экрана отобрали тридцать. Что и говорить, это были первые фрунзенские красавицы!

Выслушав поздравления, пролив слезы радости, девушки услышали, что надо сдать по сто рублей – съемки пройдут в Алма-Ате, а туда надо добраться и прочее. Строгие экзаменаторы дали один час, чтоб принесли деньги.

«В противном случае поедут другие». Надо ли говорить, что в назначенное время триста червонцев были собраны?!

Далее – по сценарию. Криминальному. «Послезавтра в 6.00 утра собираемся у заднего входа в Оперный театр. Не опаздывать – в полдень нам на «Казахфильме» уже быть надо, заказан павильон».

Ни в шесть, ни в семь и ни даже в 10.00 аферистов не дождались...

И этих отыскал Байзаков. Но на сей раз ухитрился и деньги потерпевшим вернуть. За что благодарности министра внутренних дел удостоился.

... И пусть через сорок лет поздравим-ка мы его с тогдашним почином и грядущим столетием уголовного розыска!

***КРИТИКА.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***

Бахтияр КОЙЧУЕВ

МОЙ АЙТМАТОВ

Эссе

Бывают писатели, книги которых переворачивают мироощущение читателя, определяют его жизнь. Относительно них говорят просто: «Мой писатель»! Когда-то меня поразил глубоко личностной характер названия произведения Марины Цветаевой «Мой Пушкин»... Сегодня же я понимаю, что сотворённый писателем мир видится каждым читателем по-своему, а иные творцы, художники слова, настолько сильно воздействуют на твою жизнь, что становятся частью твоего духовного мира.

Мне нравится творчество многих писателей, некоторых люблю, иные влекут и отталкивают одновременно. Однако только один оказался судьбоносным – это Чингиз Айтматов. Оговорюсь, я лично не общался с Чингизом Торекуловичем, но он всегда был рядом, определяя жизнь и работу, отношение к человеку и миру.

Любимые книги у каждого читающего человека на протяжении жизни меняются, что естественно и закономерно. Художественные миры, как и сама жизнь, в разные годы осмысливаются иначе. Не оттого ли мы вновь и вновь возвращаемся к любимым книгам, находя в них новые грани и смыслы...

С какой поры ребёнок становится личностью?.. Мне кажется, когда появляется память...

Сколько себя помню, я всё время читал. Одна из ранних фотографий запечатлела меня – типичного айльского мальчугана, загорелого, с цыпками на щеках, руках и ногах, в женской косынке, надетой на манер пиратов, стоящего среди детворы и прижимающего к груди книгу, подаренную папой.

В нашем доме всегда было много книг. Наверное, это и определило мою любовь к чтению. Я был записан во все близлежащие библиотеки и успевал менять книги по несколько

раз в месяц. Отец – учёный-экономист, не только постоянно пополнял домашнюю библиотеку, но и выписывал ведущие «толстые» журналы: «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Иностранная литература». Нас, детей, никто не заставлял читать, но книги окружали нас, и невольно и естественно мы тянулись к ним. Мир художественной и научно-популярной литературы был частью нашего мира, своеобразной средой духовного обитания. Наверное, всё это и определило мой профессиональный выбор. В студенческие годы почти все необходимые для чтения художественные издания я находил дома и читал произведения выдающихся мастеров художественного слова в научно основательных изданиях, в собраниях и полных собраниях сочинений, с историко-культурными и литературоведческими комментариями. Это формировало кругозор учёного-филолога. Я до сих пор пользуюсь библиотекой отца. Правда, уже не он, а я приношу к нему наш «Литературный Кыргызстан».

Турар Койчуевич Койчуйев как учёный и общественный деятель достиг предельных вершин. В разные годы он занимал должности вице-премьера, госсекретаря, советника президента. Результат этой работы, не ведая того, ощущают все жители Кыргызстана. Так, например, он был инициатором и участником введения национальной валюты – сома.

Истинным же его призванием и любовью была и остаётся наука, в которой покорены были все вершины – академик, вице-президент, президент Национальной академии наук – это административные должности, но сколько сотворено в научном творчестве. Об этом могут рассказать каталоги библиотек, школьники и студенты, которые учатся по его книгам.

В пору моего личного роста, поиска профессии и своего места в социуме отец, обладающий властью и возможностями, но честь имеющий, отпустил меня на волю, самому определяться в жизненном пути. И я нашёл своё призвание и мир лучше, чем реальный. Мир, в котором законы красоты и гармонии первичны, а значит, ближе к первоосновам человеческого бытия.

Так что в выборе моей не очень хлебной профессии есть и «вина» отца. Спасибо, папа!

Художественные миры, создаваемые писателями, выходя в свет, живут уже вне воли автора, они становятся своеобразной инореальностью, которая, встречаясь с читателем,

начинает жить уже согласно мироощущению и культуре воспринимающего субъекта.

Всю жизнь меня сопровождали образы и герои Айтматова, они были данностью, порой более реальной, чем окружающий предметный мир. В них я находил отблески своей судьбы, вступал с ними в диалог, формировался как личность, уходил и возвращался к ним снова и снова...

С детских лет живший вне семьи, а затем в одиночестве и вне Кыргызстана, я находил утешение в собственных фантазиях и книгах.

«Солдатёнка» мне читали вдали от родины и семьи, потому-то боль автора и мальчика по отцу, отчему дому была так понятна и близка. Боль, которая давала силы бороться и надеяться.

Потом будет возвращение на родину, к «Повестям гор и степей», в которых открывалась и познавалась страна предков, рождалось романтическое предощущение любви, символом которой стал «Тополёк мой в красной косынке»...

Однажды в моих руках оказалась повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!». Отец с друзьями с гордостью говорили об Айтматове, он только что получил Ленинскую премию за «Повести гор и степей». Впрочем, что стоит эта премия перед читательским признанием. Помню, как я плакал над драматическими перипетиями судьбы Танабая и Гульсары. Через очищающие слёзы, постигая историю своего народа, его архетипы и образы мира, я становился его частью, постигал природу окружающего мира...

На следующий день у Дома кино я увидел Чингиза Торекуловича. Он стоял в одиночестве, видимо, ждал машину. Хотелось перейти дорогу, рассказать о своих чувствах, взять автограф, в конце концов. Не решился...

Жалею... Жизнь сложилась таким образом, что всё моё общение с Чингизом Айтматовым было на дистанции, через порог, который я так и не перешагнул. Мы участвовали в одних и тех же мероприятиях, ездили едиными маршрутами, сидели за общим столом напротив друг друга, публиковались в одних изданиях...

Помню, я выступал на конференции, посвящённой Тамерлану. В президиуме сидел Чингиз Торекулович. Вёл заседание мой отец, кажется, тогда в ранге президента НАН. Рассказывая о литературе эпохи Тамерлана и тимуридов, я вдохновенно врал, что последний тимурид, царь и поэт Бабур,

отдавал предпочтение участи поэта, нежели бремени царя. После конференции ко мне подойдёт отец и попросит текст доклада. Айтматов попросил для ознакомления...

Да, мы порой пересекались, но ни разу я не осмелился преодолеть ту черту, начертанную в детстве, не подошёл и не поговорил с выдающимся человеком – Чингизом Торекуловичем Айтматовым... Мой Айтматов – писатель и тот художественный мир, который он создал.

В студенческие годы я работал корректором в издательстве «Кыргызстан». Мы готовили переиздание «Повести гор и степей». Первая читка корректоров предполагала сверку рукописи с гранками, набранными в типографии. Обычно в этом процессе задействованы два человека: один читает вслух гранки и исправляет ошибки, второй следит за соответствием типографского варианта с рукописью. Мы работали с женщиной-инвалидом, повидавшей жизнь. Работать было сложно. Читая, к примеру, «Тополёк мой в красной косынке» Людмила Михайловна вдруг начинала плакать, приговаривая: «Нельзя так писать! Скажу Чингизу Торекуловичу, что нельзя так писать! Корректоры плачут и пропускают ошибки!» В том издании есть ошибки. Всему виной слёзы Людмилы Михайловны, а они многого стоят...

Джамия – героиня, по ставшему весьма распространённым высказыванию Л. Арагона «самой лучшей в мире повестью о любви», – с пробуждённым личностным сознанием выходит из патриархально-родового окружения в мир новых отношений. Как сложилась её дальнейшая судьба? Читателю неизвестно. Но он был свидетелем зарождения романтической любви, пробуждающей индивидуальное сознание и стремление творить свою жизнь согласно зову сердца. И я вместе с тем мальчиком из повести был свидетелем тому...

Пройдут годы... и буду я ощущать себя не мальчиком, но уже Данияром, вполне рифмуется с Бахтияром... Я – как он, перекасти-поле, буду уходить от рода, семьи в самостоятельную жизнь...

Чингиз Айтматов и в социальном мире моём не раз будет протягивать мне руку помощи. Незабвенный мой научный руководитель Евгений Кузьмич Озмитель после года работы в Педагогическом институте русского языка и литературы отправит меня на стажировку в Ленинград... Что тогда брали аспиранты и учёные в командировки, впрочем, как и сегодня:

национальные горячительные напитки и книги. В то время в издательстве «Кыргызстан» увидела свет «Плаха». Взяв пять экземпляров книги, затарившись киргизским коньяком и балзамом, я отправился в путь.

Кафедра литературы Государственного педагогического института имени А. И. Герцена встретила меня тишиной и единственным сотрудником, который, не откладывая в долгий ящик, оформил все документы и дружелюбно отправил меня наслаждаться городом и заниматься самоповышением квалификации. Я пошёл Фонтанкой в объятия города, который так полюбил, и, кажется, он отвечал мне взаимностью...

Ах, молодость.... Неудержимая и безрассудная... Покурлесив хорошенько, я оказался с пустыми карманами, но большими желаниями... Вот тогда, каюсь, я понёс экземпляры «Плахы» Айтматова в букинистический магазин, уже на подходе к которому они были буквально вырваны у меня из рук за весьма приличную сумму.

Наступал рынок... Все и всё продавали, чаще воздух... Социальный мир, проблемы которого так остро актуально на тот момент показывал Чингиз Айтматов, мне знаком. Проведший детство и школьные годы в полукриминальном районе, я знал его законы, наркоманы и гонцы за анашой ходили где-то рядом и не понаслышке были мне знакомы Как Авдий, я был распят на социальной плахе, раздираемый проблемами и выбором: как жить дальше...

Я метался между необходимостью зарабатывать на жизнь и любимой работой, за которую платили гроши... Благодаря Айтматову во мне уже тогда жил тот мир, который не материализуешь в предметах, но только в слове и образах искусства. Каждый выбрал свою дорогу на Голгофу... Жена, она оказалась сильнее, ушла в мир денег и товаров, а я остался в литературном...

Моя первая литературно-критическая публикация «Вспомни имя свое...» была посвящена интерпретации различных вариантов названия первого романа Чингиза Айтматова. Она состоялась тогда в художественном и общественно-политическом журнале «Литературный Кыргызстан».

Айтматов, кстати, в начале шестидесятых короткое время, около двух лет, возглавлял «ЛК». По словам Александра Иванова, Чингиз Торекулович поднял журнал на новый общественно-художественный уровень, привлёк и открыл новые

писательские имена. Редколлегия «Литературного Кыргызстана» до сих пор ощущает своеобразную духовную энергетику великого писателя, которая поддерживает журнал и сегодня.

Как известно, первый роман Ч. Т. Айтматов носил несколько названий: «Птица Доненбай», «Круг», «И дольше века длится день...», «Буранный полустанок». Я отстаивал название «И дольше века длится день...», как в большей мере соответствующее идейно-содержательной сути произведения. Мой диалог с образами и героями этого романа Айтматова длится какой уж год... Когда-то легенда о манкурте и птица Доненбай с кличем: «Вспомни имя своё...», судьба Едигея вызывали во мне сочувствие ... Сегодня легенда о Раймалы-аге и Бегимай комузной струной, мелодией арман, трепещет в душе ...

Вступив на научно-педагогическую стезю, я стал читать Ч. Т. Айтматова профессионально. Его романы стали предметом исследования в кандидатской и докторской диссертациях. Мой взгляд на творчество Ч. Т. Айтматова обрел большую рациональность и критичность.

В качестве литературного критика я первый написал рецензию на тогда ещё рукописный вариант романа-завещания Ч. Т. Айтматова «Вечная невеста». Академик А. А. Акматалиев привёз из Брюсселя дискету с рукописью «заветного» романа «Вечная невеста». Абдыдалжан Амантурович передал её для ознакомления нам с профессором Михаилом Александровичем Рудовым.

Находясь под впечатлением от прочитанного текста, я написал рецензию «Вечная невеста Чингиза Айтматова» и опубликовал её. Позже Чингиз Торекулович скажет моему отцу, что всё-таки надо публиковать рецензии на издания, а не рукописи. С тех пор я стал менее тороплив по отношению к поступившим ко мне рукописями.

Сначала «Вечная невеста» осмыслялась мной, как возвращение к родным истокам. После ухода киргизского азда XX века понимаю, что это история исхода культуры и её певца в исторические и неомифологические иномиры...

И близок мне теперь тот барс, исчезнувший в киргизских ледниках – тэндук национального мира.

Накануне своего 55-летия, когда есть ещё силы, но мудрость пришла, осознания того, что твой уход неизбежен и виден, хочется взлететь на парашуте, окинуть взором род-

ные просторы, отыскать следы моего барса, удаляющиеся за очередную гряду гор... Ведь и мне предстоит уходить по этим следам...

Таков мой Айтматов, для других он иной, но вместе с тем есть Чингиз Торекулович Айтматов общественный. Именем его называют проспекты, улицы и парки в самых разных частях света, он тиражируется в книгах, театральных и кинопостановках. Общество отдаёт дань уважения выдающемуся писателю и гражданину. В интернете его цитируют, читают отрывки из произведений, вспоминают, обсуждают. Так создаётся новый Чингиз Айтматов – виртуальный, своеобразная мифологема информационного общества.

Для меня же важнее, что читатели в разных частях света читают произведения Чингиза Торекуловича, погружаясь в его художественные миры, открывают для себя своего Айтматова, находя точки соприкосновения с миром реальным.

В культурном ноосферном сознании Земли извечно пребудет мечта мальчика о белом пароходе, песня Раймалыаги и Бегимай, клич-призыв птицы Доненбай: «Вспомни имя своё!»... И в космических мирах Человека- Вселенной спутником парит над землей неприкаянная душа монаха Филофея, взывающая к людям: «Боже, какое великое творение Земля! Ведь и Солнце, наверное, существует ради Земли, населенной людьми, а иначе к чему все это? Мир надобен человеку – оттого он и есть, чтобы человек его осознал, оттого он и существует. А иначе к чему вся эта галактика, какой смысл? Да и сам Бог! Он надобен человеку – оттого он и Бог, оттого он и есть! Но заслуживает ли человек этих мировых начал? Этого грандиозного мироустройства? Вот загадка Вселенной!»

Людмила ИВАНОВА

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НО ЗНАКОМОЕ...

Полемические заметки

При пересмотре вышедших в течение последних лет номеров «Литературного Кыргызстана» возникло желание осмыслить публикации на его страницах подборок стихотворений русскоязычных авторов, которые приходят на смену старшему уже поколению русских поэтов нашей республики и имели счастливую возможность обрести читателей и почитателей.

Раздел «Поэзия» в журнале интересен прежде всего тем, что в нём выходят в свет стихотворения поэтов разных поколений и разных стран. В нём – подборки новых стихотворных текстов или выборки из уже когда-то опубликованных произведений А. Никитенко и А. Зарифьяна, В. Шаповалова и С. Сусловой, М. Синельникова и В. Колесникова, М. Рудова и А. Зайцева, Т. Джолдошбекова и М. Рогожина. Читатель имеет возможность познакомиться с творчеством зарубежных поэтов: Н. Ильина и Л. Ленчика, М. Крусткалн и А. Талыбовой, И. Волосюка и И. Нечипорука, В. Поляковой и Ш. Равшан. География этих публикаций обширна: от Узбекистана и Азербайджана до России и Украины, и дальше – на другую часть полушария – в США. В поэтических текстах находим выражение личностных переживаний и чувств, настроений, реакцию на важные для истории события или, наоборот, погружение в собственный мир, восхищение красотой окружающей природы или размышления над тем, как меняется современный человек в нашем закомпьютеризованном мире, где «пиктограммы вместо эмоций» (Д. Сагайдак).

Что же привлекает в поэзии молодых и что вызывает некоторую настороженность и даже неприятие? Не хочется давать односложный, но многозначный ответ на оба вопроса: «Многое!»

Нравятся искренность и погружённость в чувства лириче-

ской героини Кристины Убайдуллаевой. Знакомая почти классическая точность звучит в строках стихотворений «Чудеса»:

*Не где-то в параллельном измеренье,
А рядом, всем невзгодам вопреки,
Из темноты приходит озаренье,
Из тишины слагаются стихи.*

В стихотворении «Иллюзия» удачна композиционная лирическая структура, с неожиданной концовкой-пуантом:

*Но об одном лишь жалею, хватая воздух:
Что я одна увидела эту ночь,
А ты не знаешь, какими бывают звёзды.*

Начинается же история взаимоотношения двух сердец, одно из которых, несомненно, любящее, романтически интимно:

*Никто не знает, что мы убежали прочь,
Никто не видел, как мы перешли границы.
А я не помню другую такую ночь,
В которой так хотелось бы раствориться...*

В другом стихотворении о любви глубина чувств достигает запредельной высоты:

*Он умер на другом конце земли,
Она тотчас за ним пустилась следом,
Чтобы успеть в заоблачной дали
Встать в очередь у кассы за билетом...*

Что могло быть поводом для создания такого образа-печали, известно только самому автору, но в воображении читателя рисуется грустная картинка: две фотографии на кладбищенском памятнике с близкими датами ухода мужчины и женщины:

*И пусть узнают в царствии живых,
Из шепота кладбищенского ветра,
Что даже смерть не разлучила их –
Не то, что годы или километры.*

Кристина Убайдуллаева использует в своем поэтическом творчестве и ролевую лирику. От имени загадочного сфинкса написан воображаемый, обращенный к посетителям, монолог «Загадки сфинкса»:

*Жара, пустыня, ветра свист –
Сто тысяч лет одно и то же.*

*Здесь я, каменноликий сфинкс,
Тяну века в песчаном ложе...*

Скопления полуразрушенных камней у его подножия – это люди, пришедшие за разгадкой его вечной тайны. Сфинкс знает, зачем к нему пришел и этот путник:

*Какие мысли и мечты
У той, которую ты любишь?
О, ты не можешь дать ответ,
Суровой сфинкса сердце милой,
Не говорит ни «да», ни «нет»,
И как тягаться с этой силой?
Загадка у неё в крови,
Её желания туманны,
И ждешь ты, как небесной манны,
Её изменчивой любви...*

Классическая простота и глубина этого стихотворения завораживают, оно заставляет задуматься, вызывает ответную рефлексия.

У К. Убайдуллаевой появляется такой интертекстуальный приём, как аллюзия, что говорит о культурной составляющей её лирики. В одном из таких стихотворений под заглавием «Кай» используется один из интереснейших мотивов мировой культуры:

*Хорошо быть снегом, лететь за тобою следом,
Прятать твой силуэт в белоснежных пушистых
звездах.*

*Я иду, и ты глубже вдыхаешь колючий воздух,
Ты не ждал меня и едва ли простился с летом...*

Разность мироощущения двух любящих подчеркивается утверждением и верой в то, что у этой любовной истории будет счастливый финал:

*И морозным узором, причудливой филигранью
На стекле напишешь волшебное слово «Вечность».
Мы уйдём, накинув серебряный дым на плечи,
Чтоб навек затеряться в заснеженных сонных парках.
Тает мой поцелуй на губах непривычно жарких
Ледяной звездой, обещанием скорой встречи.*

Мастерство, с которым молодая поэтесса выражает свой

внутренний мир, говорит само за себя. Душа поэта открыта миру и видит в нём прекрасное:

*По углам небесного чулана
Облака разбросаны небрежно:
Лето собирает чемоданы,
Лето покидает побережье.
Отливая мягким перламутром,
Волны дышат глубоко и ровно,
А на горизонте златокудром
Догорает алая корона.
Это было тихое прощанье,
Будто не на год, а на неделю,
Рябь на отмели песчаной
Пронеслась мурашками по телу.
Осень прибывает завтра утром...*

В поэтическом отделе журнала «Литературный Кыргызстан» видна довольно интересная позиция его редакционной коллегии: предоставлять молодым поэтам возможность через какое-то время еще раз опубликовать свои новые стихи. Это побуждает и читателя, который начинает сравнивать и даже следить за тем, как развивается содержательная форма стихотворений у начинающих поэтов. Из относительно недавних выпусков журнала в 2016-2018 годах появилась потребность сказать несколько слов, оценивающих творческий рост молодых поэтов К. Убайдуллаевой и Д. Сагайдака. Относительно Кристины хочется сказать так: она расширяет и углубляет свое поэтическое откровение, поэтесса чувствует красоту слова, у неё развивается поэтический слух, то есть она слышит свои стихотворения, совершенствует их композицию, расширяет свою эмоциональную эрудицию и развивает чувственный мир своей лирической героини, работает и над совершенствованием и разнообразием рифмы.

Весь в попытках познать тайну отношений человека с миром и себя самого лирический герой Дмитрия Сагайдака. В опубликованных в журнале ранних стихотворениях поэта «Камни смеются», «Воспоминание», «Туман», «Образ» есть интересные поэтические приёмы, например, антитеза – противопоставление вечных явлений и приходящих: камни и человек, детство и зрелость, мир, состоящий из различных звуков, шумов и тишина, многоцветие красок и туман, скрадывающий эти краски. В текстах его стихотворений есть удачные строки,

строфы: яркие, глубокие мыслью, подающие надежду, что вот она, просто хорошая поэзия:

*Камни стекают смеясь,
Под ногами людей, уходящих к вершине тропой.
Речка воет, змеясь,
И в песок окунаются ноги стопа за стопой.*

Или

*Сырою кистью разрисован
Вечерний уличный каскад,
Я не рисую. Разве словом,
Да и смогу ли отыскать
Те краски, что опишут верно
Предгорий зябких естество...*

Но вот появляются совсем другие строки, лапидарно пытающиеся выразить довольно глубокую мысль:

*Творения гениев, образы мира,
Вместилища счастья и плачей
Живут, лишь бы память людей их хранила,
А голос их нежен и вкрадчив.
Сияющий образ закроет рукою
Всё то, что мертво и что бrenно...*

У въедливого читателя сразу возникают вопросы, полные недоумения: разве слово «счастье» имеет множественное число? Разве у образа есть рука? И т. д.

Вряд ли, имея всё-таки небольшой жизненный опыт, молодому поэту следует, на мой взгляд, давать рекомендации другим, как он это делает в стихотворении «Пожелание»:

*Умей хранить от всех дверей ключи,
Покуда вход навечно не задраен.
Себя быть осмотрительным учи,
Умей начать и завершить за здоровье.*

*Распахнутые двери не зовут
Тех, кто от них однажды отвернулся,
Коль потерял ключи – о том забудь
И успевай найти иное русло.*

В ряде стихотворений Д. Сагайдака можно выделить и глубокие образы, прочувствованные мысли. В них выражена философская озабоченность состоянием окружающего мира,

где красным (кровавым) забрызгивают «синеву моря и прохладу бриза», где люди качаются на волнах быта, где изгрызана лестница мелкими пулями, залита смертью, карта разорвана на страны:

*Раздраженная буря срывала рекламы,
И они трепыхались, как старые тряпки.
Ей природой дано бушевать невозбранно,
Быть несдержанной, рушить людские порядки.*

*Ну а всё человечье спокойно как будто
И внешне как будто ко всему благосклонно.
По раскопанным улицам, всё перепутав,
Человек идет зигзагами сонно.*

*Человечно-невечный город ржавеет,
Истерию погод переносит молча.
Остановка обшарпана. Ряд скамеек.
На одной бездомный скрючился... Полчищ*

*Людей хватает, чтоб рыть окопы
Для чадающих гарью дорожных танков.
Оранжево-грязная всюду роба –
Как символ тех, кто ниже рангом.*

Такие образы созданы не равнодушным человеком, и это уже хорошо, скажет читатель. Да, соглашусь с ним. У поэта есть свой взгляд на «мир, который так тонок», и это вызывает уважение, ободрение и надежду на то, что наконец нам подскажут, где найти красоту, где согреться душой, где расслабиться читателю поэзии? Но, увы, пока еще не в следующей стихотворной подборке!

Отношение к миру Д. Сагайдака остаётся таким же тревожным и свидетельствует даже о некотором разочаровании, не зря стихотворный цикл назван «Когда отболит...». Свой печальный жизненный опыт поэт выражает в прерывистом, неравносложном стихе:

*Прости, пишу отрывисто из-за цейтнота,
Видя серьезность лица, иные говорят – измотан,
Иные ругаются, мол, вешаю на всех ярлыки,
Иные молчаливы, улыбчивы, на помине легки.
Видишь таких – беги...*

Что не устраивает поэта в его окружении: цинизм, второе

дно в человеке. Получается, чтобы обрести равновесие, человеку лучше быть одному, чистоту мыслей проще обрести в одиночестве. В его стихотворениях другой ритм, другая стилистика. Стихотворные строки льются практически без высоких слов и изысканных средств художественной выразительности, прозаизмы в выражении лирического переживания преобладают: тупо, как молотком по гвоздю бьёт, измотан, благополучный уикэнд, бардак, никотин, таблетка, слюнявые эмоции, гиреподобные мысли, желчные люди, сырая штукатурка, муть, алкогольный бред, сигаретный дым, шлифовать мозги, облапошат, загаженная стена, почему нынче бензин и доллар и др.

Что это? Бунтарство или неумение видеть в окружающем мире прекрасное? Это постмодернистская эстетика? Возможно.

*Жить в двадцать первом –
Значит не верить своим ушам,
глазам и другим частям тела. Жужжат
люди, газеты, видеосюжеты. Интервью.
Пытаться вычислить ложь,
утопать в убедительных фактах
или вяло следить,
кто кого перепропагандирует.*

Из чего же возникает поэтический взгляд на мир? По мнению И. Анненского, «... из мечтательного общения человека с жизнью». Такое общение у молодого поэта Ксении Милоховой, которая заняла второе место на международном конкурсе «Новые голоса» в номинации «Лирика философской направленности». О чём мечтает её лирическая героиня:

*Так хочется уехать далеко;
И в облачных слоях играть с горами,
Бежать от них железными путями,
Туннелями и стуком поездов.
Чтобы приехать не за час, но вскоре,
Туда, где обитает моё море,
Где берег облачён в шелка песков,
И чайки, словно сдвинутая бровь...*

Мечты поэта поймет каждый, для которого Киргизия стала родиной, потому что в высказанных чувствах звучит любовь к красоте природного мира. Изумрудность глубины, бирюза

прибрежных мелководий, волны шепчут мантры и псалмы и другие многочисленные детали пейзажа, которые нанизывает в бусы смысла К. Милохова, просты и понятны читателю.

В другом стихотворении, начинающемся строками: «Всё солнечно, но сорок плюс в тени / Мне не даёт без стекол видеть город» читателю придется поднапрячь воображение и понять, что же это за «желтоглазые огни, / Исчезнувшие сотни лет назад, / С еще не существующих радаров». Конечно, понятно, что в Бишкеке летом в жару лучше гулять ночью. Но при чём же здесь пролетающий сквозь сотни лунных лет чей-то взгляд? Ну вот наконец стало ясно: и взгляд, и свет, который светит «в ночи тускнеющей надеждой», а затем строка «На то, что вечны мы и смерти нет» – подсказывает нам, что лирическая героиня находит образы для выражения религиозного сознания и верит в то, что существует вечная жизнь для тех, кто разжёл своей жизнью свет. Ну что ж, с трудом, но доискались до глубинного смысла этого стихотворного текста:

*И бликами средь белых облаков
На гладь земную так и хочет лечь
И прошептать, что все мы будем светом,
Который нам за жизнь дано разжечь.*

Как мал один человек в сравнении с миром, который попыталась выразить автор в следующем стихотворении:

*Это утро меня уводило куда-то в даль:
В горы, белыми пиками вросшие в небеса,
На макушках которых всегда обитал февраль,
А внизу – нефритовая полоса.*

Мир, окружающий лирическую героиню, «открылся вдруг старой своей душой / И в душе, мне кажется, утром гулял Бог. / И тогда время остановило бег, / Испугавшись вечности этих мест...». Так, погруженная в размышления о вечном, К. Милохова констатирует:

*Это утро останется навсегда
В каждом шаге новых моих дорог,
В каждой клеточке тела, в моих глазах
И в чернилах этих написанных строк.*

Интересно то, что действительно поэтесса делает попытку передать свои размышления о вечных категориях: о красоте, о природе, о Боге, о вечности. К. Милохова – наша современница, она живет в нашем технократическом веке, во время

цифровых информации, когда связи между людьми стали не-
сколько иными:

*Под подошвы твои не стелил старый парк
Листовые наряды свои:
У тебя ведь Facebook, Instagram и Контакт
И другие понятия любви...*

Обращенный монолог имеет адресата, это некто Ты, ко-
торый весь погружен в интернет-контакты и не замечает кра-
соты мира, в котором живёт:

*Ну а где-то, где-то горы стоят,
Широки, как стогорбый верблюд.
И небо над ними свой звёздный наряд
Роняет в озёрное блюдо.
И вечер там пахнет дынно, да так,
Как будто с небесных страт
Луна, на крыльях из облаков,
Спустила свой аромат.*

Пусть не совсем удачны с языковой точки зрения строки,
в которых горы сравниваются широтой со стогорбым верблю-
дом, вечер пахнет дынно, с небесных страт луна на крыльях
облаков спустила свой аромат, но в них передано индивиду-
альное мироощущение молодого поэта. Вполне возможно,
что, создавая другую редакцию своего стихотворения, Ксения
задумается и найдёт в великом и могучем русском языке бо-
лее точные для создания образа-переживания слова.

Никакая женщина не захотела бы оставить такой след
в жизни любимого человека, как пишет другой молодой поэт
Сергей Даткай:

*О! Женщина!
Одну тебя хочу
Я в порошок стереть
И разбросать по свету.
Что б знать, что ты везде.
И в то же время,
Нет тебя нигде!
И горя нету.*

Это ироническая почти каннибальская метафора оказы-
вается своеобразным зачином для любовного стихотворения
поэта, которое завершается обнадёживающей строфой:

*И я опять смотрю в твои глаза
И лишь одно готовлю и молчу!
О! Женщина!
Любимая моя!
О, Женщина,
Одну тебя хочу!*

Уф! Облегченно вздохнет читатель, все-таки это не об убийстве, это о химии в любви.

Мироощущение лирического героя С. Даткая открыто постижению смысла жизни и значимости отдельных элементов. Например, стихотворение «Н₂О». Помните, у Л. Мартынова уже было стихотворение с похожим названием и смыслом «Вода»? У нашего молодого поэта выбрана форма ролевой лирики, и написано оно якобы от лица воды, которая даёт возможность жизни всему живому:

*Я стекаю по твоим рукам.
Я смотрю в твои глаза дождем.
Я омываю пеной берега.
Я на ресницах – снегом, в лужах – льдом.
Я – мёртвый и живой, я – облака.
Я есть в тебе, вкуси меня скорей,
Вином иль чаем, соком из плодов,
Оазисным источником, среди сухих песков,
Испей меня скорей, и жажда утолится,
И жизнь продлится до скончания веков.*

Метафора «железный путник» стала названием другого стихотворения с социальным подтекстом. В нём дано описание человека-инвалида:

*Безногий идёт по дороге,
Костяшками об асфальт,
Болят неистёртые ноги,
Истёртые не болят.*

А в авторском сознании возникает сострадание к нелёгкой судьбе героя, поскольку, «чтобы найти человечность / он должен вперед идти...», и тогда становится понятным образ, созданный в последнем стихотворении опубликованной подборки о простом графитовом карандаше, которым можно создать даже портрет в цвете, потому что не краски главное в работе настоящего художника слова, а что-то совсем другое:

*Как быть с графитовым портретом?
Как сделать, чтоб он стал цветным?
Ты просто должен быть поэтом,
Или, как минимум, святым!*

Сразу возникает вопрос: а как это быть поэтом? Или, например, писателем? Кто такой писатель? Это «трудник слова» Старорусское слово «трудник» довольно просто переводится на современный язык – это труженик, работник. Следовательно, быть поэтом и писателем – это работать со словом, изводить «тысячи тонн словесной руды», искать в языке, на котором пишешь, те слова, которые как можно более точно передадут твоё переживание и мысль, а по совету А. Толстого: «Много знать! Много читать! Много видеть!» Ну и совсем важное, есенинское:

*Быть поэтом - это значит тоже,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

Нужно только добавить еще несколько высказываний, которые необходимо знать каждому молодому поэту: «Нам свежесть слов и чувства простоту/Терять не то ль, что живописцу – зренье» (А. Ахматова), «Поэзия, тебе полезны грозы!» (О. Мандельштам), и наконец: «Поэзия есть внутренний огонь всякого таланта» (Ф. Достоевский). Так что успехов в постижении тайн поэтического творчества, красоты русского слова, младое племя поэтов!

Здесь, на этой странице, уже было помещено поздравление редколлегии нашему дорогому Георгию Николаевичу, замечательному критику и человеку, с его 80-летним юбилеем. Но внезапно стало известно, что перед самым юбилеем он ушел из жизни. И теперь все мы, товарищи по перу и его многочисленные читатели, скорбим об этой невосполнимой утрате.

Эта статья оказалась последней в его жизни. И мы, не сокращая ее ни на йоту, публикуем статью в двух номерах – этом и последующем.

Георгий ХЛЫПЕНКО

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ОЛЕГА БОНДАРЕНКО

От редакции. Вышел в свет очередной, четвёртый по счёту и рекордный по объёму (500 страниц) сборник фантастических произведений русского писателя Кыргызстана Олега Бондаренко «Звёзды и призраки». Редакция попросила известного критика и литературоведа профессора Кыргызско-Российского Славянского университета Георгия Николаевича Хлыпенко отрецензировать новинку, но он предложил другой вариант – написать научно-критический очерк о творчестве писателя, который будет адресован не только читателям журнала, но и студентам-филологам, изучающим русскую литературу Кыргызстана. Разумеется, редакция согласилась с таким предложением.

Олег Ярославович Бондаренко – известный писатель Кыргызстана, имеющий богатый жизненный, научный и творческий опыт. Родился в 1960 году на Украине. Окончил экономический факультет Донецкого университета. Работал управляющим отделением Госбанка СССР на Южных Курилах. С 1988 года – профессиональный журналист. Сотрудничал с рядом изданий на Дальнем Востоке, в Сибири, в Москве, на Украине, а также с зарубежными изданиями. В 1992 году переехал в Киргизию, на родину жены. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером частных компаний. Разработал и запустил проект «Новая литература Кыргызстана» – цифровой многоязычной библиотеки произведений отечественных авторов, адрес в интернете www.literatura.kg. Кроме того, с 2010 года – исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана.

Олег Бондаренко – уникальная творческая личность: экономист по образованию, философ по научной деятельности и писатель по призванию. И все эти амплуа находятся во взаимосвязях между собой, о чём он неоднократно заявлял в писательских анкетах, проводимых студентами-филологами. Экономика дала писателю постановку мышления («Экономист – это профессия как бы гуманитарная, но требующая подчас точного, математического мышления. Золотая середина. Как раз по мне»). Философия же как научное творчество занимает у него первое место в сопоставлении с художественным творчеством («Я философ – прежде всего, писатель – на втором месте. Литературное творчество есть одно из проявлений моего философского видения и понимания мира»). Или – в другой анкете – ещё лаконичнее: «Я философ. Это моя сущность. А писатель – просто форма, воплощение»).

Учёный-философ Олег Бондаренко инициировал новое междисциплинарное направление – этническую прогностику (этнопрогностика) и новую методологию исследования – нелинейный уровневый подход, давший название новой отрасли науки – уровневая философия. «Смысл моей науки, – утверждает учёный, – показать, что все процессы в мире имеют определённые закономерности, которые можно выявить и таким образом попробовать проконтролировать процесс. Нет неконтролируемых процессов – есть исследователи, которые не знают, как подходить к контролю за процессом». Основ-

ные философские работы учёного об уровневых подходах в различных дисциплинах: «Философия выживания этноса», «Треугольник продвижения», «Математика человечности», «Галилео – XXI», «Уровневая физика. Что это?», «Жизнь. Эволюция. Панволюция». На фундаменте своих научных работ О. Бондаренко создал оригинальное художественное произведение – повесть-прогноз о будущем человечества «Пазлы будущего», которая ещё не опубликована. В настоящее время учёный продолжает многолетнюю работу над книгой «Этнопрогностика. Взгляд номер два», которую считает главной книгой своей жизни.

Писатель-фантаст Олег Бондаренко – автор четырёх сборников прозы: «Однажды во Вселенной» (2012), «Одни» (2014), «Самолёт-призрак» (2016) и «Звёзды и призраки» (2017). Первая книга была издана в Германии и распространялась через русскоязычные книжные магазины Европы, а также книготорговые организации России. Кроме того, произведения писателя публиковались в различных журналах: «Дружба народов» (Москва), «Легенс» (Санкт-Петербург), *Letter Russes* (Франция), «Новая литература» (Израиль), «Литературный Кыргызстан», «Жаңы Ала-Тоо» (Бишкек) и другие. Суммарное количество опубликованных произведений (главным образом, рассказов) уже перевалило за сотню и продолжает увеличиваться.

Публицистические, научные и художественные произведения О. Бондаренко переведены на иностранные языки: английский, французский, японский, украинский, кыргызский.

Примечательно, что в области художественного творчества, как и научного, О. Бондаренко также является инициатором. В истории русской литературы Кыргызстана он, в принципе, первый писатель, избравший своей творческой специализацией фантастику.

Что нужно знать заинтересованному читателю о фантастике вообще, приступая к чтению фантастических произведений Олега Бондаренко?

Слово «фантастика» переводится с греческого как «искусство воображения». Отсюда, видимо, понятно, почему фантастика представляет собой литературный феномен, в изучении которого до сих пор много вопросов и противоречий.

В современном литературоведении термин «фантастика» употребляется в двух значениях: как разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от

изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, «чудесного мира», и как тип художественной образности со свойственными ему высокой степени условности, откровенным нарушением реальных логических связей и закономерностей, естественных пропорций и форм изображаемого объекта. Установлены также художественные достоинства фантастики: с одной стороны, фантастика максимально аккумулирует творческую фантазию писателя, а вместе с тем и фантазию читателя; с другой стороны, фантастика – это не произвольное царство воображения, ибо в фантастической картине мира читатель угадывает преображенные формы реальной жизни человека и общества.

Таким образом, основным элементом фантастического произведения является фантастическое допущение, то есть фактор, который не встречается или невозможен в реальном мире. При этом остальные элементы: проблематика, сюжетосложение, художественные приёмы и т. д. – принципиально не отличаются от реалистических произведений. Отсюда самое лаконичное определение фантастической литературы: фантастика – это литература плюс фантастическое допущение, а её идейно-эстетическая установка – диктат воображения над реальностью.

В современном литературоведении выделяют два основных вида фантастической литературы: научную фантастику и фэнтези.

Научная фантастика – это вид фантастической литературы, основанный на единой сюжетной посылке (допущении) рационального характера, согласно которой неслучайное (небывалое, даже, казалось бы, невозможное) в произведении создаётся с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений.

Фэнтези – это вид фантастической литературы, основанный на сюжетном допущении иррационального характера. Это нарушение не имеет логической мотивации в тексте, предполагая существование фактов и явлений, не поддающихся, в отличие от научной фантастики, рациональному объяснению. Иными словами, фэнтези – это фантастическое произведение с немотивированным сюжетом.

На наш взгляд, именно к этому виду фантастической литературы, то есть фэнтези, принадлежит большинство произведений Олега Бондаренко. Да и сам писатель полагает, что

его произведения являются главным образом социальными фэнтэзи.

Теперь пришёл черёд сказать, что представляет собой фантастика Олега Бондаренко как типологическое направление. По нашему убеждению, это социально-философская фантастика: социальная – по широте охвата жизни общества, философская – по глубине её осмысления (философия в изначальном смысле слова понималась как любомудрие, глубокомыслие).

Социальная составляющая фантастики О. Бондаренко открыто выражена в аннотации к его последнему сборнику «Звёзды и призраки»: «Главная их [произведений] тема – пожалуй, мистическая доля маленького человека в огромном и «страшном» мире XXI века, которым управляют не понятные доселе законы. Либо психология – нашего современника, не властного над жестоким временем перемен, под управлением звёзд...»

Философская же составляющая писателя является художественным отражением научного творчества О. Бондаренко-философа. Её отличительные черты – тяготение к ярко выраженной художественной условности; подчинённость сюжета и разрешение конфликта движению определённой философской концепции; единение философского и художественного начал, порождающее новое качество творческой отдачи писателя – интеллектуализм.

2

Тематика литературной фантастики Олега Бондаренко достаточно разнообразна для того, чтобы классифицировать её по типологическим признакам. В связи с этим можно выделить несколько основных тематических направлений его творчества. Таковыми, на наш взгляд, являются: политическая фантастика, футурологическая (прогностическая) фантастика, космическая фантастика и мистическая фантастика.

Политическая фантастика – ядро социальной фантастики. Её объектом является государственно-правовая жизнь социума.

В рассказе «Три цвета» граждане свободной, демократической страны, живущие по Великому Закону, бунтуют против его нарушения по части неприкосновенности личности. В село в неизвестное время приезжает трёхцветный грузовик,

неизвестные люди убеждениями, настойчивостью или силой увозят неизвестно кого в неизвестное «место, где сбываются мечты», откуда они никогда не возвращаются. Власть усмиряет бунт путём мирных переговоров – и демократические нормы Великого Закона восстанавливаются. Теперь кандидатуры в неизвестную страну сбывающейся мечты обсуждаются на общем собрании жителей села, утверждаются путём голосования, заносятся в протокол – и только после этого доверенные лица идут звонить в город, чтобы трёхцветный автомобиль выезжал в село. «Мы очень любим свою страну. Ценим порядок и демократию», – гордо заявляет герой-повествователь.

В рассказе «Когда деньги сошли с ума» репортёр отдела криминальной хроники узнаёт от своего тайного агента государственный секрет: правительство использует пластиковые электронные банкноты для получения тотальной информации о своих гражданах. Журналист подготовил эту сенсационную новость для эфира, но его опережают агенты секретной службы, узнавшие об этом из аналогичного источника – кредитных карт, от которых журналист забыл избавиться. В финале рассказа мы видим его в качестве нищего, живущего в маленьком пыльном городишке в джунглях Латинской Америки.

Другие примеры политической фантастики: «Ветер (История Васи Лампочкина)», «Чашка кофе», «С Новым годом, господин Президент!».

Футурологическая (прогностическая) фантастика – тематическая разновидность научной фантастики, ставящая целью прогнозирование социальных процессов, предвидение будущего Земли и человечества, в том числе и негативных явлений (антиутопия).

Герой рассказа «Планета, которую мы выбираем» живёт в идеальном мире далёкого будущего. «... Теперь на Земле исчезли границы и правительства, – рассказывает он, – остались в далёком прошлом кризисы, деньги играют скорее символическую, презентационную роль и т. д. и т. п.; люди внешне внимательны друг к другу, предупредительны, вежливы, добры и – боже упаси! – никто ни о ком слова худого не скажет! – И вдруг ставит непредсказуемый риторический вопрос: – НО – люди ли они теперь? Может, теперь из них выхолощено всё человеческое... – Ответ столь же непредсказуем: этот мир – эта планета – выглядит просто чудовищно со своей тягой поддерживать друг друга, всё и вся. Не надо, не надо!»

И неувядаемый герой, вообразивший себя «подлинным ангелом-хранителем неудавшегося человечества», решает уничтожить его нажатием кнопки на мобильном телефоне, пройдя предварительно семь уровней защиты. А когда ему удалось нажать кнопку, выяснилось, что он лежит без чувств в клинике, а главный врач информирует медперсонал: «Коллеги, поздравляю! Наша методика, без сомнения, даёт позитивные результаты. Очередной пациент может теперь быть признан вменяемым, и больше нет никакого смысла держать его в закрытой зоне вместе с другими. Он готов к самостоятельной жизни в нашем мире...»

В поисках оригинальной прогностической темы Олег Бондаренко устремляется воображением даже за пределы Земли. Действие его сценария «Однажды во Вселенной» происходит на далёкой планете под названием Любовь, которая по физическим параметрам сходна с Землёй. Здесь существует чрезвычайно развитое (продвинутое) общество всех разумных существ: людей, гуманоидов, инопланетян. У них высочайший уровень развития техники и технологий, учитывающий опыт всех вселенских цивилизаций. Уникальная способность планеты – психологическая и духовная общность её жителей. Вокруг них – некое поле мысли, взаимопроникновения и любви, которая является движущим фактором: каждый любит каждого – с возвышенной точки зрения, но это никак не препятствует физической любви. Поле любви, окружающее планету, – это своего рода любовная среда, называемая филосферой («фила» по-гречески «любовь»). Она имеет мощное энергетическое воздействие и является физическим полем, наряду с ноосферой и биосферой. Если попал в зону его действия, хочется радоваться жизни, любить всех, чувствовать естество друг друга.

Другие примеры футурологической (прогностической) фантастики: «Разговор о тебе», «Опавшие листья», «Всемирная история: Сухомор. Как это было».

Космическая фантастика – явно прогрессирующая тема в творчестве Олега Бондаренко. Давно ли, говоря о внеземных цивилизациях, писатель отрицал их наличие? В рассказе «Одни»: «Всё-таки жаль, что с наукой не поспоришь и что из всех неисчислимых планет, звёзд, галактик, скоплений мы, увы, одни». А сейчас он активно, образно говоря, обживает

космос, населяет его инопланетянами, устанавливает с ними виртуальные контакты.

В детективном рассказе «Казус Мармедока» в руки опытного нумизмата попадает банкнота, изготовленная, по его мнению, на другой планете, так как технологии, которые были использованы при её производстве, на Земле неизвестны. С помощью этой банкноты астрономическая обсерватория устанавливает межпланетный контакт, после чего земляне посещают на летающей тарелке инопланетяне, открывшие истину. Оказывается, межгалактическая банкнота, изготовленная в Высокоразвитом Космическом Мире, числилась как фальшивая, а на Землю – в удалённый и отсталый район Вселенной – попала преступным образом. Естественно, банкнота была конфискована – и летающая тарелка рванула назад, в космос.

В мистическом рассказе *Alter ego* («Другое Я») главный герой ОН (прописными буквами!) приезжает отдохнуть на горное озеро, которому приписывают особые свойства: оно, мол, является приёмником космических сил и позволяет человеку сильно возвыситься в духе. Так произошло и с НИМ. ОН сразу же обретает способность общения с обитателями другой планеты, которые постоянно обращаются к НЕМУ как представителю более развитой цивилизации за квалифицированной и безотказной помощью. В ответ на это благодарные инопланетяне вопреки ЕГО желанию молятся на НЕГО, ставят ЕМУ храмы и называют ЕГО отцом.

Другие примеры космической фантастики: «Всё по закону», «Триптих», «Тихо и незаметно».

Мистическая фантастика – это произведения с фантастическими допущениями, которым не даётся рационального объяснения. У Олега Бондаренко такими произведениями являются главным образом рассказы о призраках.

По определению толковых словарей, призрак – это «образ чего-нибудь, представляющийся в воображении; видение, то, что мерещится» (С. И. Ожегов); «1) то, что видится, мерещится, видение, образ чего-нибудь»; «2) перен. что-нибудь воображаемое, чего не существует на самом деле» (Д. Н. Ушаков). В составе мистических рассказов о призраках О. Бондаренко – «Призрачное дерево», «Самолёт-призрак», «Призрак пешеходного перехода»; цикл «Истории о призраках». Образ-призрак входит в названия двух сборников – «Самолёт-призрак» и «Звёзды и призраки». Возможно, в название последнего сборника заложена продуманная образная символика: звёзды – это то, что реально, объективно, познаваемо, а

призраки – это то, что ирреально, субъективно, загадочно. Тем не менее один из героев рассказа «Призрак пешеходного перехода», водитель Мустафа, верит в реальность призраков, а герой-рассказчик ограничивается многозначным признанием: «Я воспринимаю мир как тайну».

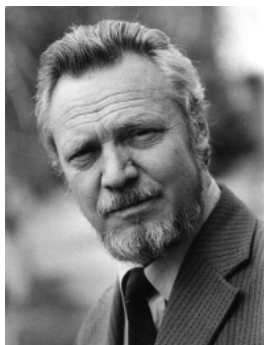
Вместе с тем у О. Бондаренко есть и другие, «непризрачные», мистические произведения.

Так, рассказ *Per amorem ad astra* представляет своеобразную художественную иллюстрацию к этому крылатому латинскому изречению – «Через любовь к звёздам, посредством любви к звёздам». Одна молодая пара решила пожениться в небе, во время затяжного прыжка с парашютом. Поначалу у них всё шло отлично, но затем парашют у девушки не раскрылся – и молодой человек принял решение остаться с нею до конца. Однако они не разбились. Вопреки объективным законам природы, влюблённые в ста метрах от земли вдруг взмыли вверх и устремились к звёздам. Да, любовь не подчиняется обычным земным законам, – заключает писатель. – Она всегда была и будет выше их».

В рассказе «ЧерноБЫЛЬ» современный молодой человек, случайно встретившись с опустившимся пожилым ликвидатором аварии на Чернобыльской атомной станции, настолько зримо воскрешает в своей исторической памяти трагические события тех давних лет («А оно [странное видение] – оно проносилось в памяти вновь и вновь, и крутилось, как карусель, как бешеная юла, и не было возможности от него освободиться...»), так что он в одночасье принял облик – и возрастной, и физический, и психологический – одного из ликвидаторов, несущих свой тяжёлый жизненный крест по настоящее время. Художественно многозначен словообраз, вынесенный в название произведения – «ЧерноБЫЛЬ»: «чёрная боль», «чёрная боль».

Другие примеры мистической фантастики: «Портрет», «Господин Сто тысяч мух», «Случай на международной конференции».

Окончание в следующем номере

«С БЕЗЗАВЕТНОСТЬЮ...»

ИЗ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ
АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО
«ЯЛТИНСКАЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ», 1968

Работая редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом прозы, ответственным секретарем журнала «Литературный Кыргызстан», председателем русской секции республиканского Союза писателей, я письменно и лично общался со многими литераторами-поэтами и прозаиками Кыргызстана и всего Советского Союза. В 1968 году, читая газету «Литературная Россия» (от 7 ноября 1968 г.), я обратил внимание на поэтическую подборку Александра Маркова, в предисловии к которой говорилось: «Молодой ялтинский поэт... старший лейтенант милиции, начальник кабинета криминалистики. Основные его стихи родились во время многочисленных поездок на Крайний Север».

НОЧЛЕГ

Ака с песней варитлед-
Пусть олень воды попьет:
— Сладко пей, олень, водицу,
Пусть тебе река приснится,
И еще тебе приснится,
Будто ты — оленья птица...

Пусть олень воды попьет:
Ака жажду переждет...
С каждым словом голос глуше...
— Ака, брось, не спи, послушай!

В брюхе варится вода
Из ледышек, из льда...

Ака молча варит лед:
Завтра трудный переход.

В интернете имеется уже позднее сообщение: «Ялтинцу, бывшему милиционеру-криминалисту, променявшему карьеру на участь чудака, философа, поэта, Саше Маркову посвящено стихотворение «Ялтинская криминалистическая лаборатория» Андрея Вознесенского».

В 2008 году был явлен свету авторский сборник А. Вознесенского «Тьмасть», аннотация к которому гласит: «В новую книгу «Тьмасть» вошли произведения мэтра и новатора поэзии, созданные им за более чем полувековое творчество: от первых известных стихов, звучавших у памятника Маяковскому, до поэм, написанных совсем недавно. В книге представлены знаменитые видеомы мастера, в том числе и «Тьмасть». По словам самого А. Вознесенского, это его «лучшая книга». В «лучшую книгу» включено стихотворение «Ялтинская криминалистическая лаборатория», примечательное прежде всего тем, что в нем высказана афористичная формула с очевидной проекцией и на нынешнее время (с правописанием первых авторских редакций):

Знают «правые», что «левые» творят,
Но не ведают — где левые, где правые.

Можно полагать, что в основном поэтому автор по-особому, внимательно относился к данному стихотворению, поскольку в течение сорока лет включал его в свои книги. И вот «...лаборатория» полностью из «Тьмасть»:

Саша Марков, ты — король лаборатории.
Шишка сыска, стихотворец и дитя,
Пред тобою все оторвы припортовые
обожающе снижают скорости.

Кабинет криминалистики — как перечень.
Саша Марков, будь Вергилием, вежи!

Обвиняемые или потерпевшие,
стонут вещи с отпечатками беды.

Чья вина позапекалась на напильнике?
Группа крови. Заспиртованный урод.
Заявление: «Раскаявшись, насильника
на поруки потерпевшая берет».

И, глядя на эту космографию,
точно дети нос приплюснули во мрак,
под стеклом стола четыре фотографии -
ах, Марина, Маяковский, Пастернак...

Ах, поэты, с беззаветностью отдавшиеся
ситуациям, эпохам, временам-
обвиняемые или пострадавшие,
с беспощадностью прощающие нам!

Экспертиза, называемая славою,
в наше время для познания нет преград.
Знают правые, что левые творят,
но не ведают, где левые, где правые...

И, глядя в меня глазами потеплевшими,
инстинктивно проклинаемое мной,
обвиняемое или потерпевшее,
востает Время над моею головой!

Победители, прикованные к пленным.
Невменяемой эпохи лабиринт.
Просветление на грани преступления.
Боже правый, Саша Марков, разберись...

Когда писалось это стихотворение, необычная, экзотическая работа молодого ялтинца, его поездки на Север, свежее поэтическое состояние — «стихотворец и дитя» — все в нем привлекало А. Вознесенского, который, можно понять, жил тогда какое-то время в Ялте, тесно житейски общался с «королем лаборатории».

...под стеклом стола четыре фотографии-
Ах, Марина, Маяковский, Пастернак...

Андрей Андреевич не стал называть четвертого — и так понятно, чью еще фотографию положил под стекло хозяин криминалистического кабинета. После ознакомления с поэтической подборкой южно-северного «странника» в «Литературной России» я послал ему письмо с просьбой прислать свои стихи для журнала «Литературный Кыргызстан». Вскоре он откликнулся и вместе со своими стихами прислал машинопись стихотворения А. Вознесенского «Ялтинская криминалистическая лаборатория» в качестве, по его разумению, своеобразного предисловия к стихотворной подборке в журнале. Я, как положено, сообщил обо всем А. Вознесенскому, и он прислал мне письмо — в конверте, помимо переводов из киргизской поэзии, чем в те времена нередко занимался поэт, были его краткая «открытка» и машинописный текст «Ялтинской...лаборатории», существенно правленный рукой автора (обычным для него черным фломастером).

Краткая «открытка»:

«Уважаемый Евгений Колесников!

Спасибо за письмо.

1) Я рад за Сашу, если Вы его дадите. 2) Стихи мои — не предисловие, а связаны, конечно, с Сашей. Поэтому предисловие (прозаическое) и филологическое должны написать Ваши столпы. Я не возражаю, если к нему прибавится Крым. Крим. Лаб.

(«Крым.» — явно написано по инерции, машинально, так как машинопись стихотворения, присланного вместе с «открыткой», четко свидетельствовала: Ялтинская...»). — Е. К.).

С приветом.

20-06-69 г.

А. Вознесенский

Привет Ивану Машину. Я все не соберусь, но вот-вот пошлю ему стихи. А. В.»

Было все исполнено, что указал А. А. в своей записке. За исключением привета Ивану Машину. Это имя для меня было неизвестно, во Фрунзе такого человека не было. И только много позже — с появлением интернета — я установил: Иван Машин — поэт, жил в то время в Душанбе, явно еще не был

членом Союза писателей, поэтому он не значился ни в одном писательском справочнике. Ныне — сочинец, член Краснодарской организации Союза писателей России.

Несколько уменьшился мой порыв по поиску и установлению личности Ивана Машина, поскольку я показал материал главному редактору журнала «Литературный Кыргызстан» Александру Иванову, и он сказал: «Я, работая в Душанбе в свое время, хорошо знал поэта Ивана Машина. Это действительно неординарная личность. Был заведомом журнала «Памир».

Интерес представляет и то, на чем написана «открытка» (и поэтому я беру это слово в кавычки). Краткое письмо А. А. начертано черным фломастером (тем, которым сделана правка машинописного текста «...лаборатории») на второй половинке пригласительного билета в популярный тогда Дом дружбы (проспект Калинина, 16), на вечер с программой:

«1) Торжественная часть. 2) Концерт». Вероятно, А. А. был на этом вечере, и важно оттенить, что он, занятый ходом вечера, был занят и своими литературными заботами — оторвал тыловую часть билета и написал известную теперь «открытку», переданную в архив поэта.

Кратко об авторах

БОНДАРЕНКО Олег

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg — цифровой многоязычной библиотеки произведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», *Lettres Russes*, «Новая литература» и др. Автор книг «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

ЗЕЛИЧЕНКО Александр

Родился во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1957 году в семье офицера милиции. Окончил Высшую школу МВД СССР (Караганда, Казахстан) и Академию МВД СССР (Москва). Начав службу в уголовном розыске, затем последовательно возглавлял городской отдел внутренних дел, уголовный розыск области, республиканскую службу по борьбе с наркобизнесом, Государственную комиссию при правительстве КР по контролю наркотиков, Главный штаб МВД КР, Департамент паспортно-визовой работы и Центр реформирования МВД Кыргызстана. Являлся советником председателя Республиканской службы по контролю наркотиков. Полковник в отставке, кандидат исторических наук.

Печатается с 1981 года. Публиковался в Кыргызстане, Казахстане, на Украине, в России, Великобритании, США, Швеции, Польше, Израиле, Сербии на русском, английском, кыргызском, казахском, сербском и польском языках.

Член Союза журналистов, Союза писателей Кыргызстана. Награжден двумя медалями ООН «За службу во имя мира»,

Государственной наградой Кыргызской Республики, медалью «Эрдик» («Мужество»), юбилейными медалями.

Живет в Бишкеке (Кыргызстан).

ИВАНОВ Александр

Прозаик, член Союза писателей СССР с 1976 года. Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики.

Родился в 1938 году в Чимкенте. Окончив школу, учился на филологическом факультете Киргосуниверситета. Работал в газетах «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец Таджикистана», на республиканском телевидении, в ЦК Компартии Киргизии. С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан». Оставаясь в этом качестве, был с 1988-го по 1998 год корреспондентом всесоюзной «Литературной газеты», а с 2003-го – главным редактором издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Первая книга прозы выпущена им в 1969 году – «Памирские были». С тех пор издано четырнадцать книг, в том числе «Эдельвейсы остаются внизу», «Флаг над перевалом», «Не жди, когда уснут боги», «Маленькое чудо под ногами», «Снег в сентябре», «Верхом на облаке», «Чужой крест» и другие.

ИВАНОВА Людмила

Родилась в Киеве. Окончила филологический факультет Кыргызского государственного университета в 1972 году. Работала преподавателем в Пржевальском педагогическом институте, Кыргызском государственном университете им. 50-летия СССР. Ныне доцент Кыргызско-Российского Славянского университета, заместитель декана по учебной работе гуманитарного факультета. Кандидат филологических наук. Автор более 70 научных статей по проблемам поэтики стихотворных жанров, русской поэзии Кыргызстана, а также ряда научно-методических учебных пособий. Является составителем поэтической антологии «Мы живем в горах и среди гор в долинах» (2015), а также тематической антологии русских поэтов Кыргызстана «Край синего и золотого...» (2017).

ИМАНБЕКОВА Алтынай

Родилась в 1974 году. По специальности – экономист. Работает в Чуйском областном театре им. Ш. Термечикова заведующей литературной частью. Пишет стихи со школьных лет. Жанр – любовная, философская и социальная лирика. Участница Литературного фестиваля молодых писателей в Кыргызстане в 2013 году, участница Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, проводимого Фондом СЭИП в 2014-м.

Публикации: альманах «Мозаика-1», г. Бишкек-2013 г., сборник «Новые писатели» г. Москва-2014 г., альманах «Мозаика-2», г. Бишкек, 2015 г., сборник «Новые писатели», г. Москва-2015 г., сборник «Поэтическая нотка», г. Москва-2015 г., журнал «Литературный Кыргызстан», №1, Бишкек-2015 г.

КАМЫШЕВ Александр

Родился в 1953 году в Кемеровской области. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Работал начальником буровой партии в институте КиргизГИИЗ. С 1992 года – эксперт в антикварно-нумизматическом салоне. В 2002-м защитил кандидатскую диссертацию по специальностям «Отечественная история» и «Археология», автор восьми книг и более 200 научных и популярных статей по нумизматике Кыргызстана. В 2013-м вышел сборник его рассказов «Записки кладоискателя».

КОЙЧУЕВ Бахтияр

Родился в 1963 году в Бишкеке. Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. Опубликовал более 80 литературно-критических и научных работ по истории и теории мировой литературы, в том числе о творчестве русскоязычных писателей Кыргызстана. Член Национального союза писателей КР.

КОЛЕСНИКОВ Евгений

Родился в 1935 году в алтайской глубинке. Окончил филологический факультет Киргосуниверситета. Работал редактором издательства «Кыргызстан», заведующим отделом

прозы журнала «Литературный Кыргызстан», консультантом Союза писателей Кыргызстана, а затем – Международного сообщества писательских союзов в Москве. Автор более десятка книг художественной прозы и поэзии, изданных как в Кыргызстане, так и за рубежом.

КУЛЕШОВА Юлия

Родилась 24 января 1985 года в тогда еще городе Фрунзе. Окончила Кыргызско-Российский Славянский университет по специальности «Международная журналистика». Работает новым корреспондентом на телевидении.

Заниматься творчеством начала с 13 лет. Тогда же один из первых рассказов был опубликован в детской газете «Ай-Данек». Позже были публикации в газете «Блиц-ИНФО», литературном журнале «Жаңы Ала-Тоо», литературном альманахе «Много языков – один мир», журналах «Бишкекчанка» и #ONEMAGAZINE.

Является победителем нескольких литературных конкурсов, в разное время проводившихся на интернет-площадках Кыргызстана. В частности, на Дизель-форуме и tvorchestvo.kg. Большая часть произведений написана в жанре мистики. Но достаточно много и социальной прозы, и сюрреализма.

СИДОРЧЕНКО Александр

Родился в 1956 году в Омске. Живет в Бишкеке. Окончил КГИИ им. Б. Бейшеналиевой. Организатор одного из первых продюсерских центров «Гран-при» (джазовые фестивали, театральные капустники, культурно-массовые развлекательные мероприятия и другие шоу-программы). Был первым председателем городского рок-клуба, руководил группой «Рок-Плакат». Печатался в армейских газетах, сейчас принимает активное участие в интернетных литературных группах и сообществах под ником Алекс Сидоре. В 2016 году вышла в свет его поэтическая книга «А если насквозь...»

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 года живет в Кыргызстане. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат

Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Дружбы и ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора «ЛК», ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

ХЕГАЙ Артем

Родился в 1986 году в городе Фрунзе. Окончил Бишкекский гуманитарный университет по специальности «Журналистика». Лауреат специальной премии фестиваля «Айкол-Манас – Человек года» – «Крылатое будущее Кыргызстана» в номинации «Дебют в литературе – Проза» 2009 года. Участник мастер-класса в летней школе «Дебют IV 2008 МФА». Публиковался в сборнике «Новые писатели»/Фонд СЭИП (Москва 2014), в журнале «Литературный Кыргызстан» и альманахе «Много языков – один мир».

ХЛЫПЕНКО Георгий

Родился 16 сентября 1938 года в селе Садовом Чуйской области. Окончил филологический факультет Киргизского университета и очную аспирантуру при нем. Работал в качестве научно-педагогического сотрудника в различных вузах Киргизии. Научные специализации – русская литература Кыргызстана и кыргызско-украинские литературные связи. Член Союза писателей СССР и Национального союза писателей КР по номинации «Критика и литературоведение», профессор кафедры истории и теории литературы Кыргызско-Российского Славянского университета. В «Литературном Кыргызстане» публикуется с 1964 года.

ШАПОВАЛОВ Вячеслав

Родился в 1947 году в городе Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). Народный поэт КР, заслуженный деятель культуры КР, лауреат Международной русской премии (РФ, Москва). Автор 12 поэтических сборников, более 30 книг переводов кыргызской народной поэзии и лирики XX века, поэзии Запада и Востока. Стихотворения и поэмы публиковались в странах Европы и Азии на ряде языков.

Доктор филологических наук, профессор, автор пяти научных монографий, около 300 научных и публицистических

статей. Член ряда академий (Россия, США). Лауреат Государственной премии КР.

ШОИСТАИ Равшан

Писатель, является общественным деятелем, членом Национального союза писателей Кыргызстана, отличником культуры Кыргызской Республики, членом ЦА Пен-центра, руководителем творческой инициативной группы «Аржанг». Она автор более 55 художественных и научных книг, в том числе «Начало, не имеющее конца», «Рудаки – адам поэтов», повесть «Эльдос», авторские афоризмы «Бисерные мысли», «Плод просвещенности», «Гармония души», «Несокрушимый дворец», «Полет души», «Кувшин вина Хайяма», «Ода любви» (поэзия) и составитель сборник прозы и поэзии «Мозаика 1-2» др.

Шоистаи Равшан сама пишет на таджикском, русском и узбекском языках, переводит с таджикского на русский.

Ее книги переведены на русский, кыргызский, узбекский, а также на фарси. В ее книгах отражены судьбы интересных и необычных людей, мудрость востока, суть ее внутреннего мира, ее рассуждения и мировоззрения.

*Корректурa Ольги Николаевой
Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терегуловой*

Подписано в печать 16.09.2018 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 84